

ТЕӨТЕТЪ.

ТЕЭТЕТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Разговоры Платона Теэтеть, Софистъ и Парменидъ, безъ сомнѣнія, относятся къ числу важнѣйшихъ въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій; потому что въ нихъ рѣшаются вопросы, касающіеся существенныхъ и высшихъ частей системы великаго греческаго философа; и эти вопросы непремѣнно требовали рѣшенія, ибо вызываемы были современнымъ направленіемъ мышленія. Было время, когда и въ обществѣ древне-греческомъ, какъ впоследствии въ ново-европейскомъ, люди мыслящіе болѣе всего толковали о томъ, въ чемъ должно состоять истинное знаніе и, какъ истинное, откуда и какимъ путемъ оно получается. Въ то время тревожныхъ порывовъ ума къ истинному знанію жилъ и философствовалъ Платонъ. И могъ ли этотъ гениальный умъ равнодушно внимать толкамъ о такомъ важномъ предметѣ, оглашавшемъ школы мегарцевъ, элейцевъ, киринейцевъ, софистовъ и политиковъ, не высказывая собственнаго своего взгляда на интересующій общество вопросъ,—могъ ли особенно въ томъ случаѣ, когда мнѣнія о немъ расходились въ крайности, и не было связи, которая бы соединяла ихъ? Причина развогласія тогдашнихъ мыслителей относительно

природы и происхожденія знанія заключалась, конечно, въ различіи началъ, на которыхъ они основывались, а слѣдовательно и въ различныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ былъ ими разсматриваемъ. Одни поставляли знаніе въ совершенную и исключительную зависимость отъ чувствъ, не замѣчая даже того, что чувству, самому по себѣ, вовсе не свойственно видѣть вещи въ различныхъ отношеніяхъ; а безъ отношеній не возможно никакое знаніе. Другіе, напротивъ, природу знанія выводили изъ всѣхъ условій матеріальнаго бытія и разоблачали ее до наготы и пустоты отвлеченнаго понятія,—въ той мысли, что истинное знаніе должно быть удѣломъ не чувственнаго усмотрѣнія, а чистой дѣятельности ума. Очевидно, что эти взгляды, по самой своей противоположности, не могли покровительствовать истинѣ и примириться въ ней, не уравновѣсившись и не сблизившись въ чемъ нибудь среднемъ. Такое срединное воззрѣніе на природу знанія принадлежало Платону.

Авторитетъ чувствъ въ дѣлѣ познанія истины ревностно защищала современная Платону школа Протагора. Слѣдуя Гераклиту, что въ природѣ все измѣняется и течетъ неудержимымъ потокомъ, Протагоръ полагалъ, что единственною мѣрою постоянно измѣняющихся вещей могутъ служить чувства, а слѣдовательно для однихъ только чувственныхъ усмотрѣній возможно и истинное знаніе. Это знаніе, конечно, не имѣло у него значенія всеобщаго,—какъ потому, что усматриваемыя въ вещахъ перемѣны не для всѣхъ людей однѣ и тѣ же, такъ и потому, что законъ непрерывной текучести явленій простирается и на самыя чувства. Отсюда, по ученію Протагора, рождается необходимость довольствоваться знаніемъ частнымъ или личнымъ. Чувство есть не только оракулъ истины, мѣра знанія, но и знанія лишь для себя; такъ что у всякаго человѣка—своя истина, свое знаніе. И одинъ человѣкъ можетъ имѣть преимущество въ этомъ отношеніи предъ другимъ только тогда, когда въ

состояніи бываетъ навязать ему собственную истину, или расположить его къ усвоенію собственнаго знанія. Само собою разумѣется, что какъ чувства подлежатъ тоже закону всеобщей текучести вещества, то вмѣстѣ съ ихъ измѣняемостію должна измѣняться и мѣра истины. По этой причинѣ, истинному знанію ничто не мѣшаетъ переходить въ ложное, а ложному въ истинное. Отсюда формула Протагоровой школы: *παντι λόγῳ λόγος ἀντικείσθαι*, впоследствии сдѣлалась формулою скептицизма (*Diog. Laërt. IX, 51*; тамъ же *Menag. p. 243*). Отъ этого ученія Протагора и его послѣдователей не далеко отступало и положеніе тѣхъ, которые поставляли знаніе въ правильномъ мнѣніи, или въ мнѣніи *μετὰ λόγου*; потому что источникъ его указываетъ былъ также въ чувственномъ усмотрѣніи. Отъ обыкновеннаго свидѣтельства чувствъ въ истинномъ знаніи оно отличалось только тѣмъ, что опиралось на достаточномъ основаніи.

Другая, почти тоже современная Платону школа, занимавшаяся рѣшеніемъ вопроса о знаніи, была элейская. Она развивалась въ области чисто формальнаго мышленія, и чѣмъ далѣе шла въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе терялась въ отвлеченіяхъ формы отъ содержанія. Ища истины въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ, она это неизмѣняемое надѣялась найти въ логическомъ понятіи, чуждомъ всякой вещественности; такъ какъ вещественность подлежитъ чувствамъ, а все чувственное измѣнчиво. И вотъ конкретное представленіе предмета, ставъ предметомъ логическаго анализа въ лабораторіи разсудка, распадается на свои начала: форма отвлекается и становится предикатомъ истины, матерія отходитъ къ видимости и даетъ пищу мнѣнію; первая, чѣмъ меньше сберегаетъ содержанія, тѣмъ больше растеть въ объемѣ, и наконецъ объемлетъ все, а послѣдняя, чѣмъ меньше ограничивается формою, тѣмъ болѣе показываетъ неопредѣленности въ содержаніи, и наконецъ, совершенно потерявъ свойственную вещамъ недѣлимость, лется нераздѣльнымъ, обманывающимъ чувства потокомъ веществен-

ныхъ стихій. Такимъ образомъ для элейской философіи и самъ человѣкъ двустороненъ, и все существующее расходится какъ бы на два лагеря, и между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ живой связи, которая бы соединяла ихъ въ одно цѣлое, какъ единичный предметъ философскаго созерцанія.

Изъ этихъ двухъ направленій тогдашней философіи, стремившейся найти источникъ истиннаго знанія и опредѣлить характеръ его, Платонъ не одобрялъ ни того ни другаго. Онъ, конечно, полагалъ, что знаніе истины возможно для одного ума, и въ этомъ отношеніи какъ будто приближался нѣсколько къ понятіямъ элейцевъ. Но истина у него была не то, что *ens intellectus*,—не формальное бытіе, въ какомъ принимали ее Парменидъ и Зенонъ, а реальное; здѣсь поприще дѣятельности указывалось не разсудку, а силѣ идеальнаго созерцанія, способной проникать своимъ взоромъ въ самую природу или сущность вещей, и видѣть въ нихъ вѣчныя, неизмѣняемыя условія существованія. Съ другой стороны, не оставлялъ онъ, для этой цѣли, пользоваться и чувствами, слѣдовательно не отвергалъ безусловно и ученія протагорейцевъ. Но понятіе его о чувственномъ усмотрѣніи было таково, что оно не имѣетъ силы для вступленія въ самое святилище истины, а только водится мнѣніемъ о ней, то есть съ большею или меньшею вѣроятностію предполагаетъ ее. На міръ явленій Платонъ смотрѣлъ такъ, что и не почиталъ его міромъ *sui generis*, чѣмъ-то чуждымъ царству истины, какъ понимали его элейцы, и не признавалъ въ немъ области, исключительно достаточной для ознакомленія человѣка съ истиною, что утверждала школа Протагора,—но разумѣлъ его какъ чувствопостигаемое выраженіе идей, и потому въ каждомъ впечатлѣніи со стороны внѣшней природы видѣлъ какъ бы *πάθημα τι*, которымъ въ душѣ долженъ быть пробужденъ одинъ изъ образовъ міра мыслимаго (*Theaet.* p. 191 C—D; 194 D). Этотъ взглядъ Платона на познаніе истины казался тогда столь оригинальнымъ и новымъ, и

настолько отличался отъ философскихъ воззрѣній того времени, что современники либо не соглашались съ нимъ, либо вовсе не понимали его.

Надобно полагать, что Платонъ написалъ этотъ діалогъ съ намѣреніемъ прояснить свое ученіе объ истинномъ знаніи и защитить его противъ всѣхъ возраженій. И почти несомнѣнно, что осуществленіемъ такого намѣренія былъ не одинъ Теэтетъ, но вмѣстѣ съ нимъ также Софистъ и Парменидъ, потому что въ Теэтетѣ излагаются и опровергаются только тѣ возраженія, которыя дѣлаемы были со стороны философовъ, основавшихъ знаніе на чувствахъ; опроверженіе же положеній философіи элейской, или изложеніе доказательствъ, почему отвлеченное ея одно не имѣетъ никакой цѣны для знанія, мы читаемъ въ Софистѣ; а что касается Парменида, то, въ двухъ первыхъ діалогахъ опровергнувъ чужія мнѣнія, Платонъ здѣсь, очевидно, излагаетъ собственныя понятія о томъ же предметѣ. Это намѣреніе, расположившее его къ написанію означенныхъ діалоговъ, безъ сомнѣнія, возникло въ немъ еще тогда, когда, вслѣдъ за смертію Сократа, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его учениками, удалился въ Мегару къ Эвклиду. Проживаніе у Эвклида, конечно, доставляло ему много случаевъ входить въ разсужденія о началахъ знанія и слышать споры мегарцевъ объ этомъ предметѣ, и эти состязанія могли тѣмъ сильнѣе напечатлѣться въ его памяти, чѣмъ съ большею горячностію производились; а горячность въ спорахъ могла возбуждаться въ означенное время особенно тѣмъ, что мнѣнія послѣдователей Протагора и учениковъ элейской школы, кажется, защищаемы были и нѣкоторыми слушателями Сократа, когда они, сошедшись въ Мегарѣ, проводили время въ дружескихъ бесѣдахъ о важнѣйшихъ вопросахъ философіи. Во первыхъ, извѣстно, что глава мегарскихъ эристиковъ, Эвклидъ, далеко отступилъ отъ Сократова взгляда и ближе подошелъ къ ученію Парменида (*Diog. L. II, 124*). Сближеніе его съ началами мышленія элейскаго было такъ

велико, что древніе писатели, говоря о школахъ элейской и мегарской, иногда смѣшивали ихъ одну съ другою. (*Cicer. Academ. II, 42*). Ясное свидѣтельство объ этомъ находимъ и у Аристокла въ «Евангельскомъ Приготовленіи» Евсевія (XI, р. 510 С; XIV, р. 756 С), гдѣ между прочимъ говорится: *τοιαῦτα γάρ τινα πρότερον μεν Ξενοφάνης καὶ Παρμενίδης καὶ Ζήνων καὶ Μέλισσος ἔλεγον, ὕστερον δὲ οἱ περὶ Στίλπονα καὶ τοὺς Μεγαρικοὺς*. Но, тогда какъ одни изъ Сократовыхъ учениковъ защищали мнѣнія элейцевъ о знаніи и его источникахъ, другіе, подобно протагорейцамъ, благопріятствовали въ томъ же отношеніи началамъ сенсуализма, поддерживали авторитетъ чувствъ. Главою философовъ этого рода былъ прежній слушатель Сократа Аристиппъ, основатель школы киринейской, и такая живая связь между ученикомъ и учителемъ тѣмъ сильнѣе располагала Платона изслѣдовать мнѣнія киринейскихъ сенсуалистовъ. Хотя ниоткуда не извѣстно, что и Аристиппъ также, по смерти Сократа, жилъ сколько нибудь времени въ Мегарѣ; однакожъ ученіе его какъ бы неволью представлялось Платону, когда онъ своимъ словомъ касался подобнаго взгляда на источникъ познанія, и замѣтно, что такой взглядъ ему вовсе не нравился. Въ самомъ дѣлѣ, положенія Аристиппа имѣли много сходства съ Протагоровыми. Какъ Протагоръ мѣру вещей теоретически хотѣлъ видѣть въ чувственномъ усмотрѣніи челоувѣка; такъ Аристиппъ мѣрою ихъ въ смыслѣ практическомъ почиталъ чувственное свидѣтельство сердца, и дѣлилъ его на пріятное, скорбное и среднее (*Sext. Emp. VII, 99*). Равнымъ образомъ, какъ, по Протагору, знаніе заимствовалось не отъ самыхъ вещей, а отъ дѣйствія ихъ на чувство; такъ и по Аристиппу, вещи были пріятны или не пріятны не сами по себѣ, а въ значеніи τῶν παθημάτων,—поколику они въ своихъ впечатлѣніяхъ κατὰληπτα и ἀδιάφευστα (*Aristocl. ap. Euseb. Praep. Evang. XIV, р. 764 С sqq. Sext. Emp. adv. Mathem. VII, 190 sqq. VI, 53. Diog. L. II, 92*). Поэтому можно смѣло сказать, что въ первой части Теэтета, въ которой

излагается и опровергается учение Протагора, Платонъ несколько не менѣе затрогиваетъ и колеблетъ также сенсуализмъ Аристиппа. Гораздо труднѣе рѣшить, кого философъ разумѣетъ во второмъ и третьемъ отдѣлѣ разсматриваемаго діалога; ибо намъ не извѣстны установители того начала, что знанія истины надобно искать въ правильномъ мнѣніи; да и сами послѣдователи Сократа, по видимому, не устанавливали его, хотя, сколько можно судить по тонкому изслѣдованію этого положенія въ Теэтетѣ, между ними должны были быть нѣкоторые защитники правильного мнѣнія. А что многіе изъ нихъ съ особеннымъ участіемъ рѣшали вопросъ о знаніи и истинѣ, достаточно свидѣтельствуегъ Свиды, указывающій на книги *Κεῖ τωνα περὶ τοῦ μαθεῖν, περὶ τοῦ γινῶναι* и *περὶ ἐπιστήμης* (см. у него сл. *Κρίτων*, и *Diog. Laërt.* II, 121). Кромѣ того, и у Діогена Лаерція встрѣчаемъ мы указанія на сочиненія Симона *περὶ ἐπιστήμης, περὶ χρίσεως, περὶ τοῦ διαλέγεσθαι* (II, 123), равно какъ на письменныя разсужденія Симміаса еивскаго *περὶ λογισμοῦ, περὶ ἀληθείας* (II, 124), и на нѣкоторыя другія. Соображая это, Шлейермахеръ не безъ вѣроятія догадывается, что правильное мнѣніе казалось достаточнымъ источникомъ знанія Антиоэну, и что слѣдовательно и объ этомъ могли быть споры.

Наша увѣренность, что намѣреніе написать Теэтета, Софиста и Парменида возникло въ душѣ Платона по поводу разсужденій о знаніи, происходившихъ въ Мегарѣ, подтверждается, по видимому, самымъ вступленіемъ въ разсматриваемый діалогъ, такъ какъ оно походитъ на памятникъ того времени, когда Платонъ жилъ въ этомъ городѣ. Во вступленіи разсказывается, что Эвклидъ мегарскій изложилъ разговоръ о природѣ знанія, происходившій нѣкогда между киринейскимъ математикомъ Θεοδορόμω, Сократомъ и Теэтетомъ, — однимъ молодымъ аеинявиномъ. Объ этомъ разговорѣ Эвклидъ припоминаетъ по тому случаю, что сейчасъ только привезъ онъ съ собою того самаго Теэтета, взятаго имъ съ поля битвы при Коринѣѣ. Услышавъ о разговорѣ, Терпсіонъ,

тоже мегарецъ и нѣкогда ревностный ученикъ Сократа, сряду просить Эвклида передать ему содержаніе той бесѣды. Эвклидъ обѣщаетъ. И вотъ оба они приходятъ домой, и тамъ на одного слугу возлагается обязанность прочесть имъ вслухъ упомянутую рукопись. Таково вступленіе въ діалогъ. Въ немъ выставлены на видъ обстоятельства, слишкомъ далекія отъ содержанія діалога. Почему вводится здѣсь рассказчикомъ Эвклидъ, основатель школы эристиковъ? Для чего велитъ онъ читать свою рукопись по просьбѣ Терпсиона, который жилъ въ Мегарѣ и принадлежалъ къ числу учениковъ Сократа? Что заставило Платона сценою передачи разговора избрать именно Мегару, а не Аѣины? Вся эта обстановка кажется совершенно произвольною и случайною, если вопросовъ рѣшаемыхъ въ Теэтетѣ, Софистѣ и Парменидѣ не поставлять въ связь съ мегарскими бесѣдами Платона; только сказанною внѣшнею связью съ ними объясняется умѣстность высказанныхъ во введеніи обстоятельствъ.

Впрочемъ изъ предположенія, что въ Мегарѣ происходили споры между Сократовыми слушателями объ источникахъ истиннаго знанія, нельзя еще заключить, будто къ тому самому времени относится и выходъ въ свѣтъ Платонова Теэтета. Искусное и зрѣло обдуманное изложеніе этого сочиненія позволяетъ догадываться, что въ душѣ Платона по поводу тѣхъ споровъ возникла только первая мысль о немъ, самое же написаніе его, равно какъ Софиста и Парменида, по всей вѣроятности, совершилось позднѣе, когда Платонъ, послѣ долговременныхъ путешествій, возвратился въ отечество. Къ этой догадкѣ приводятъ насъ нѣкоторые признаки, встрѣчающіеся въ самомъ діалогѣ. Во первыхъ, въ немъ упоминается о Протагорѣ, какъ уже умершемъ; а изъ этого слѣдуетъ, что Теэтетъ могъ быть написанъ не раньше, какъ въ третьемъ году ХСІІ олимп., или за 410 лѣтъ до Р. Х. Но это еще не важно. Гораздо ближе рѣшается вопросъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ разсматриваемой книги говорится о коринескомъ сраженіи. Подъ этимъ сра-

женіемъ, очевидно, разумѣется не иное, какъ битва, упоминаемая Димосееномъ въ рѣчи противъ Лептина, и называемая имъ (§ 11) ἡ μεγάλη μάχη πρὸς Λαχεδαίμονιους, ἡ ἐν Κορίνθῳ. Стало быть, тогда была война, возгорѣвшаяся чрезъ десять лѣтъ послѣ пелопонезской и извѣстная подъ именемъ Коринѣской. Но сраженіе при Коринѣѣ, по свидѣтельству Ксенофонта (Hellen. IV, 2. 8) и Діодора (XIV, 83), произошло при архонтѣ Діофантѣ, на второмъ году ХСVІ олимп. А предъ этимъ временемъ Платонъ въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ посѣщаль Италію, Киринею и Египетъ (Diog. L. III, 6. 7). Слѣдовательно, Теэтеть могъ быть изданъ не прежде, какъ по возвращеніи Платона въ отечество. Если бы впрочемъ выходъ Теэтета мы отнесли еще къ болѣе позднему времени, то мнѣніе наше было бы ошибочно; ибо въ концѣ этого діалога говорится о доносѣ Мелита на Сократа, что показалось бы очень страннымъ: едва ли бы Платонъ упоминулъ объ обстоятельствахъ этого обвиненія, по давности времени уже забытыхъ. И такъ, Теэтеть, по всей вѣроятности, написанъ около третьяго или четвертаго года ХСVІ олимп., то есть чрезъ шесть или семь лѣтъ послѣ смерти Сократа, когда память о судѣ надъ нимъ еще жива была въ народѣ. Это весьма хорошо согласуется и съ высказаннымъ въ Теэтетѣ взглядомъ Платона на жизнь философа. Платонъ, потрясенный страшною катастрофою своего учителя, рѣшился не принимать на себя общественныхъ обязанностей, и кажется, не было недостатка въ людяхъ, которые укоряли его за такое равнодушіе къ обществу. Но укоризны въ этомъ отношеніи могли дѣлать ему не прежде, какъ тогда, когда онъ возвратился изъ перваго путешествія и богатымъ запасомъ своихъ познаній сталъ дѣлиться съ друзьями и учениками. И не естественно ли было ему въ то время прежде всего оправдывать себя предъ глазами этихъ обвинителей, выставляя на видъ достоинство и высокое значеніе философа, посвящающаго свою жизнь созерцанію вещей божественныхъ? Это

самое и дѣлаетъ онъ въ своемъ Теэтетѣ, начиная со стр. 172 С—до 177 В, гдѣ не безъ нѣкоторой горечи высказываетъ различіе между жизнію философа и дѣятеля гражданскаго, и показываетъ, насколько первая предпочтительнѣе послѣдней. Та же мысль раскрывается и въ Горгіасѣ (р. 484 D).

Нельзя не сказать нѣсколько словъ и о господствующемъ тонѣ Теэтета. Весь этотъ діалогъ отличается особенно искусною и изящною ироніей: здѣсь Сократъ тонкою своею шуткою преслѣдуетъ и протагорейцевъ, и послѣдователей Гераклита, и всѣхъ тѣхъ, которые философскія свои положенія основывали на авторитетѣ Гомера, Орфея и другихъ древнѣйшихъ поэтовъ. Притомъ ученіе философвъ, подвергаемое критическому разсмотрѣнію, объясняется здѣсь многими соображеніями, сравненіями и подобіями, чтобы тѣмъ легче было опровергнуть его. И все это дѣлается съ такою тонкою ироніею, что человѣкъ, не совсѣмъ знакомый съ тономъ и оборотами Сократовой рѣчи, съ перваго раза можетъ подумать, будто Сократъ одобряетъ нелѣпыя представленія тогдашнихъ философскихъ школъ. Таково, напри- мѣръ, представленіе птичника или голубятни (р. 197 С—D), которую иные изъ толкователей Платона, по смѣшной ошибкѣ, относили къ образамъ, выражающимъ собственныя его положенія. Не менѣе изящною является шутка Сократа и по самому способу его разсужденія; потому что Сократъ часто поддѣлывается здѣсь подъ такую именно діалектику, какою пользовались философы имъ обличаемые, то есть смѣло вдается въ софистическія хитросплетенія, до которыхъ они были большіе охотники, либо разсуждаетъ отъ лица своихъ противниковъ и запутываетъ ихъ въ ихъ же собственныхъ сѣтяхъ. Кто не возьметъ на себя труда подмѣтить всѣ эти своеобразности въ разсматриваемомъ діалогѣ, тотъ далеко не войдетъ въ мысль Платона, и даже поставитъ ему въ вину ту мнимонелѣпую болтливость, въ которой онъ является не болѣе, какъ искуснымъ и лукавымъ Момусомъ. Вѣдь и сказать

нельзя, какъ много вредить истинной мысли Платона такое истолкованіе ея, что будто въ Теэтетѣ господствуетъ разсужденіе серьезное, чуждое всякой шутки и веселости: такой истолкователь гоняется просто за тѣнью, не замѣчая самой вещи.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ и послѣдовательности развивается содержаніе Теэтета. Это разсмотрѣніе нужно особенно потому, что главная въ этомъ діалогѣ идея идетъ излучинами, уклоняется въ стороны, слѣдовательно дѣлаетъ не бесполезнымъ указаніе руководительной нити, имѣющей облегчить вниманіе читателя.

Сцена собесѣдованія въ Теэтетѣ открывается тѣмъ, что киринейскій математикъ Θεодоръ и Сократъ случайно встрѣтились въ одной гимназій. Θεодоръ тогда, надобно полагать, преподавалъ въ Аѣинахъ математику, потому что былъ, какъ говорится (Theaet. p. 145 A), γεωμετρικός, ἀστρονομικός καὶ λογιστικός τε καὶ μουσικός, καὶ ὅσα παιδείας ἔχεται. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, владѣя такими познаніями, онъ заговорилъ съ Сократомъ въ духѣ послѣдователя Протагорова; потому что онъ, какъ читаемъ (p. 161 B, 162 A, 168 E), былъ другъ Протагора и до того одобрялъ образъ его мыслей, что, по смерти этого софиста, защищалъ его мнѣнія, будто наслѣдіе отца. Но положенія Гераклита ему не нравились, потому что были темны (p. 179 C sqq). И въ математикѣ, который во всемъ требуетъ ясности, это не удивительно. Не странно равнымъ образомъ и то, что онъ признаетъ себя непривычнымъ къ рѣчи разговорной (p. 146 B), и потому высказываетъ свое нерасположеніе къ собесѣдованію. Тѣмъ не менѣе однако Платонъ приписываетъ его наукѣ высокое значеніе, изъ чего становится вѣроятнымъ, что въ Кириinei онъ ревностно слушалъ этого математика (Diog. L. III, 6). Встрѣтившись съ нимъ въ гимназій, Сократъ спрашиваетъ его о способностяхъ юношей, посѣщающихъ его школу. Θεодоръ болѣе другихъ между ними хвалитъ Теэтета, отличающагося благонравіемъ и скромно-

стію, прилежаніємъ къ ученію и философски настроенною природою. Между тѣмъ входитъ самъ Теэтеть. Сократъ тотчасъ подзываетъ его и, по поводу мнѣнія о немъ Θεодора, осыпаетъ его похвалами. А такъ какъ онъ отличался особенно успѣхами въ знаніи, то Сократу естественно было спросить его о силѣ и природѣ знанія, и высказать свое желаніе, чтобы онъ изложилъ свое понятіе объ этомъ предметѣ. Теэтеть тотчасъ приступаетъ къ дѣлу.

Для составленія понятія о знаніи, безъ сомнѣнія, прежде всего надлежало найти его родъ; но молодой человѣкъ, вмѣсто того, перебираетъ частныя формы, которыми оно выражается и, думая уловить его въ этихъ отдѣльных формахъ, допускаетъ ошибку. Сократъ даетъ ему замѣтить невѣрность составленнаго имъ понятія,—и юноша съ умомъ, настроеннымъ къ философскому мышленію, тотчасъ догадывается, чего хочетъ отъ него Сократъ. Быстрая сообразительность Теэтета радуетъ Сократа. Доволенъ онъ и тѣмъ, что юноша сознаетъ трудность предложенной ему задачи, и настоящее усиліе его ума уподобляетъ болѣзнованію родильницы, а эротематическую свою методу—искусству повивальной бабки (р. 146 A—151 D). Высказавъ такое подобіе, сынъ Софрониска снова убѣждаетъ Теэтета опредѣлить, что разумѣется подъ именемъ знанія,—и молодой человѣкъ предлагаетъ одно за другимъ три опредѣленія, изслѣдованіе и опроверженіе которыхъ составляетъ все содержаніе діалога. Во первыхъ, онъ говоритъ, что знаніе есть *чувство*: но это опредѣленіе опровергается; потомъ ищетъ знанія въ *правильномъ мнѣніи*: но и это опять оказывается несостоятельнымъ; тогда онъ обращается къ *правильному мнѣнію μετά λόγου*,—однакожь и это Сократу кажется не совсѣмъ вѣрнымъ.

По первому положенію Теэтета, знаніе принадлежитъ *чувству*: кто усматриваетъ что либо чувствами, тотъ и знаетъ то, что усматриваетъ. Выслушавъ это положеніе, Сократъ замѣчаетъ, что Теэтеть повторилъ мнѣніе Протагора, только иными словами выразилъ его: ибо Протагоръ

говорить, что человекъ есть какъ бы мѣра всѣхъ вещей, то есть, для каждаго что либо таково, какимъ кажется ему самому; Теэтеть признается, что онъ дѣйствительно гдѣ-то читалъ подобное мнѣніе, и почти согласенъ съ нимъ. Тогда Сократъ начинаетъ разсматривать его со всѣхъ сторонъ и объясняетъ такъ, какъ будто бы самъ покровительствуетъ ему (р. 151 D—152 C). Разсужденіе его объ этомъ таково: нѣтъ ничего, что было бы нѣчто само по себѣ, или одно и то же; ибо все относится къ чему либо иному. А отсюда слѣдуетъ, что ничему самому по себѣ нельзя приписать какое либо качество: ибо что называемъ мы малымъ, то самое и велико, и наоборотъ; что кажется тяжелымъ, то самое и легко. И Протагоръ въ этомъ отношеніи согласенъ съ Эмпедокломъ, Гераклитомъ, Гомеромъ, Орфеемъ, Эпихармомъ и другими. Поэтому все надобно производить отъ движенія, измѣненія и взаимнаго отношенія вещей, и это все принято, безъ особенной точности, называть *бытіемъ*; ибо повсюду господствуетъ тотъ постоянный и неизмѣнный законъ, что въ движеніи все происходитъ, а въ покоѣ все исчезаетъ. Это объясняется между прочимъ природою и причинами цвѣта; ибо цвѣтъ самъ по себѣ существуетъ ни внѣ зрѣнія, ни въ зрѣніи, а во взаимной связи глазъ и предметовъ видимыхъ. Напримѣръ, бѣлизны нѣтъ ни въ самой вещи, называемой бѣлою, ни въ глазѣ; но какъ скоро къ глазу приражается какое либо внѣшнее впечатлѣніе и движеніе,—глазъ становится видящимъ—безъ видѣнія, а вещь—бѣлою—безъ бѣлизны; такъ что уничтожь глазъ и производящую движеніе вещь,—бѣлизны болѣе не будетъ. И нельзя думать, будто въ вещахъ самихъ по себѣ есть какое нибудь качество: самое даже легкое наблюденіе надъ вещами показываетъ, что одна и та же вещь, безъ всякой перемѣны въ своей природѣ и помимо собственной нашей силы, кажется намъ то тою, то другою. Сравнимъ, напримѣръ, шесть игральныхъ костей съ четырьмя другими: первыя цѣлымъ и половиною больше

послѣднихъ. Но когда тѣ сравниваются съ двѣнадцатью, то составляютъ только половину ихъ. Изъ этого очевидно, что одно и то же число бываетъ то больше, то меньше, чего, конечно, не могло бы быть, если бы числа заключали въ себѣ извѣстную опредѣленную величину (р. 152 D—155 E). И такъ, надобно думать, что кромѣ движенія и перемѣны нѣтъ ничего, и что отсюда все получаетъ свое начало. Но движеній есть два рода: одинъ усматривается въ дѣйстви, другой—въ страданіи; и когда они соединяются между собою, съ одной стороны тотчасъ происходитъ чувство, съ другой—чувствуемое. Что движется, то, входя въ глазъ, наполняетъ его зрѣніемъ и даетъ ему способность видѣть, и само вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ нѣкоторое качество, какъ, на примѣръ, бѣлизну, и кажется бѣлымъ; тогда какъ само по себѣ оно ни бѣло ни черно, да и цвѣтомъ-то чувствуется лишь до тѣхъ поръ, пока усматривается очами. И такъ, всѣ качества вещей происходятъ отъ соединенія дѣйствующаго и страдающаго, и потому о всѣхъ вещахъ надобно сказать, что онѣ не *существуютъ*, а *бываютъ* (р. 155 E—157 D). Стало быть, что чувствуется, то дѣйствительно и есть, и Протагоръ правильно судилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, или что для каждаго человѣка собственное чувство есть достаточный судья истины. Но вотъ иной возразить, что люди часто чувствуютъ лживо, усматриваютъ, на примѣръ, ложные образы въ сновидѣніяхъ, въ болѣзняхъ, въ помѣшательствахъ. Впрочемъ это возраженіе ничего не значитъ; потому что если истина вещей находится въ зависимости отъ чего нибудь, а самостоятельнаго бытія не имѣетъ, то явно, что какою она чувствуется, такова и есть. Если, на примѣръ, больному или помѣшанному вино, которое онъ пьетъ, кажется горькимъ,—вино для него дѣйствительно таково и есть, какимъ кажется, какъ скоро *быть* и *казаться* одно и то же. Притомъ ничѣмъ нельзя доказать, что чувствуемое нами въ сновидѣніи или въ помѣшательствахъ ложно, такъ какъ нѣтъ признака истины,

которымъ сонъ отличался бы отъ бодрствованія, состояніе же болѣзней, если оно продолжается и недолго, надобно оцѣнивать не продолжительностію времени (р. 157 E—161 B). Впрочемъ противъ положенія Протагора могутъ сказать и нѣчто другое: изъ него слѣдуетъ, скажутъ, что свиньи, собаки и прочія животныя столь же разумны, какъ и люди, и что человѣкъ, въ этомъ отношеніи, равняется богамъ. Но на началахъ Протагорова ученія опровергнуть ихъ не такъ трудно: во первыхъ, мы внушимъ тѣмъ людямъ, что о богахъ тутъ упоминать не слѣдуетъ, потому что у Протагора остается подъ сомнѣніемъ, существуютъ боги, или нѣтъ; а что, говорятъ, унижительно для человѣка равняться въ мудрости съ самымъ грязнымъ животнымъ, то такая мысль о животномъ составлена произвольно и предразсудочно, а не подъ диктовку истины. Есть и еще сомнѣніе. Могутъ сказать: вотъ мы слышимъ слова иностранныхъ языковъ, однакожь не понимаемъ ихъ; слѣдовательно чувствовать что нибудь и знать или понимать—не все равно. На это мы отвѣтимъ такъ: въ такихъ вещахъ ничто не познается кромѣ того, что чувствуется (р. 161 C—163 B). Столь же легко опровергнуть и все, что стали бы, можетъ быть, возражать противъ Протагора. Если бы, напримѣръ, кто сказалъ, что мы многое знаемъ, чему научились прежде и чего теперь не постигаемъ чувствами, тогда какъ, по Протагору, тамъ нѣтъ уже знанія, гдѣ чувство болѣе не дѣйствуетъ; то отвѣтъ на это былъ бы тотчасъ готовъ. Память, то есть, вовсе не то, что чувство: называемое знаніемъ по памяти совершенно отлично отъ того, что нѣкогда было чувствуемо; такъ что одно воспоминаніе не даетъ намъ никакого знанія. Не важнѣе и то возраженіе, что многое усматривается чувствами темно и издали, и знаніе тогда не получается. Вѣдь кто чувствуетъ темно и издали, тотъ совершенно отличенъ отъ другаго, чувствующаго то же самое ясно и вблизи; ибо легко понять, что знаніе различныхъ людей должно быть тоже различно. Сверхъ сего и то, по видимому, справедливо, что

никто своимъ знаніемъ не превосходитъ другаго, какъ скоро для всякаго истинно то, что кому представляется; такъ какъ несомнѣнно, что и сами люди, наравнѣ съ животными, по состоянію тѣла и души, бываютъ или хуже или лучше. Кто хвораетъ, тотъ находится въ худшемъ состояніи сравнительно съ другимъ, который пользуется здоровьемъ. Врачъ знаніемъ лѣкарствъ превосходитъ не знающаго ихъ. Философы и ораторы равнымъ образомъ должны быть предпочитаемы людямъ неученымъ,—не потому, чтобы они яснѣе усматривали природу вещей, а потому, что имъ понятнѣе польза того или другаго человѣка; ибо только польза есть единственная и надежнѣйшая мѣра мудрости. Чѣмъ больше, то есть, кто знаніемъ полезности можетъ служить другимъ, тѣмъ тотъ и мудрѣе (р. 163 С—168 С).

Доселѣ Сократъ разговаривалъ съ Теэтетомъ и, ограничиваясь яснымъ изложеніемъ ученія Протагорова, тщательно скрывалъ собственное о немъ мнѣніе. А теперь онъ убѣждаетъ Θεодора принять участіе въ разговорѣ и, когда тотъ согласился, тотчасъ начинаетъ опровергать тѣ самыя положенія, которыя прежде объяснялъ. Не всѣ люди, говоритъ, водятся истинными мнѣніями; часто случается, что они лживо чувствуютъ, и потому, въ отношеніи къ одной и той же вещи, бываютъ несогласны сами съ собою. А изъ этого явно, что одно и то же можетъ быть и истинно и ложно; изъ этого слѣдуетъ также, что чѣмъ большимъ числомъ людей одобряется извѣстное мнѣніе, тѣмъ истиннѣе должно оно казаться. Стало быть, мнѣніе Протагора, подтверждаемое согласіемъ меньшинства, заключаетъ въ себѣ мало истинности, и какъ не одобряемое многими, оно ложно. И такъ, не соглашающіеся съ Протагоромъ необходимо должны недоумѣвать, что такое защищаетъ онъ, и истина у него подвергается опасности потерять значеніе истины. Кромѣ того, по замѣчанію Сократа, Протагоръ самъ уступаетъ, что во многихъ вещахъ одни бываютъ мудрѣе и знающѣе другихъ: а это, если получше вникнуть въ дѣло, много вре-

дить его положенію. Онъ не отвергаетъ того, что общества, постановляя что либо для общей пользы, постановляютъ не всегда полезное, даже охотно уступаетъ, что между людьми, публично совѣтующими нѣчто, или не совѣтующими, относительно полезности ихъ совѣтовъ, бываетъ великая разница; такъ что и здѣсь опять возбуждается сомнѣніе, могутъ ли они правильно и здраво отличить полезное отъ неполезнаго, хотя каждый изъ нихъ о справедливости, благочестіи, благонравіи и честности судить такъ, какъ дѣйствительно ему кажется (р. 168 С—172 С).

Послѣ сего Сократъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь и, увлекаясь какою-то мыслию, вдается какъ бы въ свободное разсужденіе, безъ опредѣленной, по видимому, цѣли. Феодоръ объясняетъ это избыткомъ у нихъ досуга, не ограничивающаго ихъ собесѣдованія никакими предѣлами времени. Размышляя объ этомъ, Сократъ признаетъ счастливымъ жребій философовъ, которые, не задерживаясь никакими расчетами времени и обстоятельствомъ, могутъ свободно разсуждать между собою объ относящихся къ философіи предметахъ,—не то, что ораторы, связанные тѣсными временными условіями и сидящіе въ собраніяхъ, сравнительно съ философами, какъ рабы. Вѣдь есть, говоритъ, такіе люди, которые съ дѣтства привыкли къ рабскому образу чувствованія и дѣятельности, которые низко льстятъ судьямъ и народу, будто своимъ господамъ, горячо спорятъ и ссорятся между собою, зорко видятъ, что полезно, но въ душѣ обезображены рабствомъ и носятъ въ себѣ всякаго рода порчу, лгутъ и обманываютъ, и не удерживаются отъ неправды. Таковы-то тѣ людишки, вертящіеся въ судахъ и собраніяхъ, хотя кажутся и очень мудрыми. Совсѣмъ другое дѣло—истинные философы. Они не занимаются дѣлами гражданскими, не думаютъ о пріобрѣтеніи почестей, презираютъ благородство и богатство, невѣжды въ несеніи обязанностей частныхъ и общественныхъ, не цѣнятъ могущества и силы, и такъ мало заботятся о внѣшнемъ, что для прочихъ людей служатъ

предметомъ насмѣшекъ. За то въ чемъ состоитъ сама по себѣ справедливость и несправедливость, и что надобно почитать истиннымъ счастьемъ человѣка,—это знаютъ они лучше всѣхъ, занимающихся дѣлами общественными, потому что послѣдніе о такихъ вещахъ разсуждаютъ очень дурно. И такъ, если бы всѣ сознавали превосходство философіи, то между людьми обрѣталось бы больше мира и меньше бѣдствій. Но зло въ человѣчествѣ совершенно истребится не можетъ, потому что необходимо быть чему нибудь, что противорѣчило бы добру. Отъ всякаго зла свободна только природа божественная. Поэтому философъ своею цѣлію почитаетъ то, чтобы отъ этихъ земныхъ вещей какъ можно скорѣе бѣжать къ Богу, то есть, ближайшимъ образомъ уподобляться ему. А такой цѣли достигаетъ онъ, строго соблюдая справедливость и храня благочестіе съ мудростію; потому что Богъ сколько совершенъ, столько же и справедливъ. Знаніе этого дѣла составляетъ истинную мудрость, въ сравненіи съ которою умѣнье вести дѣла гражданскія кажется мелочнымъ, ничтожнымъ. Хотя люди съ такимъ умѣньемъ удивительно какъ много думаютъ о себѣ; но на самомъ дѣлѣ думы ихъ—мечты, какъ скоро не знаютъ они того, что долженъ знать всякій. Они не знаютъ и не вѣрятъ, что для несправедливости блюдутся величайшія наказанія, и что несправедливые потому суть люди самые несчастные. А когда слышишь отъ нихъ порицаніе и обвиненіе философіи, и требуешь, чтобы они нашли основаніе унижительнога мнѣнія о ней,—у нихъ теряется все краснорѣчіе и на языкѣ остается только дѣтская болтливость (р. 172 С—177 В).

Это разсужденіе Сократа о различіи жизни гражданской и философской есть какъ бы мимоходное и случайное, однакожь изложено не безъ цѣли. Оно направлено противъ тѣхъ, которые порицали какъ другихъ послѣдователей Сократовыхъ, такъ особенно Платона, что онъ, оставивъ дѣла гражданскія, всю свою жизнь посвятилъ философіи. Нельзя

не замѣтить, что это мѣсто находится въ тѣснѣйшей связи и съ содержаніемъ цѣлаго діалога. Къ этому разсужденію Сократъ увлеченъ былъ мыслию о тѣхъ, которые на все смотрѣли въ отношеніяхъ, не имѣя въ виду истины самостоятельной, а потому и не могли рѣшить, на какомъ основаніи дѣйствительно полезны тѣ гражданскія постановленія, которыя почитали полезными. И такъ, мысли Сократа о жизни философа имѣютъ значеніе эпизода, подготовляющаго начало для разсужденій объ истинномъ знаніи и указывающаго источникъ его въ существѣ совершеннѣйшемъ—въ Богѣ. Посмотримъ, какъ отсюда начинается онъ развивать положительныя свои понятія. Люди, занятые дѣлами гражданскими, сами сознаются, говоритъ онъ, что общество не увѣрено въ полезности своихъ постановленій. И это еще яснѣе открывается изъ самаго понятія о пользѣ. Вѣдь польза относится непременно къ времени будущему, которое имѣетъ въ виду государство, начертывая извѣстные законы. Посему если человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то человѣкъ же долженъ измѣрять отношенія вещей и во времени будущемъ. Но здѣсь надобно замѣтить, что умѣющій поставлять въ правильное отношеніе вещи будущія долженъ судить лучше тѣхъ, которые не имѣютъ такой способности. Это подтверждается примѣромъ самого Протагора. Онъ объявлялъ, что объ осуществленіи совѣтовъ, высказываемыхъ въ судебныхъ рѣчахъ, можетъ судить лучше прочихъ,—и что ему вѣрили, свидѣтельствуешь большое число его учениковъ. Стало быть, самъ Протагоръ долженъ былъ бы согласиться, что правильною мѣрою вещей слѣдуетъ почитать не всякаго, а только мудрѣйшаго. Надобно еще взглянуть и на настоящія впечатлѣнія чувствъ, которымъ гераклитовцы уступаютъ познаніе истины, только темно и запутанно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ. Не будемъ говорить о философахъ, все останавливающихъ, а скажемъ о тѣхъ, у которыхъ все движется. Должно различать два рода движенія: одно качественное, другое—мѣстное. Вещь можетъ переходить изъ одного

мѣста въ другое, можетъ также изъ такой дѣлаться не такою,—изъ бѣлой черною, изъ мягкой жесткою, и такъ далѣе. И необходимо, чтобы все двигалось обоими родами движенія; а иначе выйдетъ, что одно и то же движется и не движется. Поэтому, когда движется бѣлое,—необходимо, чтобы оно и измѣнялось; когда движется зрѣніе,—ему тоже нельзя обойтись безъ перемѣнъ; такъ и все прочее. Слѣдствіе отсюда ясно само собою: ничто, то есть, не можетъ быть или казаться ни бѣлымъ, ни не бѣлымъ, но должно и казаться и вмѣстѣ не казаться какъ бѣлымъ, такъ и не бѣлымъ. А этимъ въ сужденіи и познаніи истины подрывается весь авторитетъ чувствъ (р. 177 С—183 С).

Послѣ сего очередь собесѣдователя снова перешла къ Теэтету, такъ какъ Θεодоръ предварительно сказалъ, что онъ будетъ участвовать въ разговорѣ не долѣе, какъ сколько потребуетъ того спорная сторона предмета. Сократъ и за этимъ, конечно, продолжаетъ опровергать главное положеніе Протагора; но основаніе опроверженія теперь у него новое,—теперь онъ полагаетъ, что и изъ самой природы чувствъ можно вывести заключеніе, что сужденія объ истинѣ или какого либо знанія имъ приписать нельзя. Это доказывается слѣдующимъ образомъ. Каждому чувству, говоритъ Сократъ, свойственны особыя впечатлѣнія; одни принимаются только ушами, другія ноздрями, иныя глазами, и такъ далѣе. Но впечатлѣнія отдѣльныхъ чувствъ мы часто сравниваемъ между собою и общее многимъ сводимъ въ одно. А это никакъ не можетъ быть производимо самими органами чувствъ. И такъ, остается заключить, что здѣсь должна имѣть мѣсто работа ума, господствующая надъ чувствомъ, ибо такія, на примѣръ, понятія, какъ подобіе и неподобіе, тожество и различіе, сущность и несущность, и многія другія, зависятъ не отъ чувствъ, а дѣйствительно принадлежать только уму. Стало быть, несомнѣнно, что сужденіе ума стоитъ выше впечатлѣній, производимыхъ чувствами. Къ тому же чувствами владѣемъ мы съ самаго рожденія, а способности пониманія

и умозаключенія въ то время еще не имѣемъ; поэтому, что надобно почитать полезнымъ или неполезнымъ,—это у насъ достояніе уже позднѣйшее, приобретаемое уже съ развитіемъ понятій,—путемъ опыта и науки. Изъ всего этого ясно, что знаніе никакъ не можетъ заключаться въ усмотрѣніяхъ и чувствахъ (р. 183 С—187 А).

Эти разсужденія Сократа противъ теоретическаго сенсуализма Протагорова раскрывали предметъ такъ тонко и опровергали его столь рѣшительно, что, по видимому, нечего было и прибавить къ увеличенію ихъ твердости и основательности. Но жизнь беретъ свое: практическая настроенность духа бременѣтъ свойственными себѣ убѣжденіями; а убѣжденія, вліяя на направленіе ума, зараждаютъ въ немъ мнѣнія и развиваютъ ихъ, какъ достаточныя основанія знанія. Поэтому, кончивъ дѣло съ чувствами, находившими защитника своихъ правъ въ Протагорѣ, Сократъ начинаетъ теперь говорить противъ такъ называемыхъ философовъ здраваго смысла, или, по тогдашнему, *правильнаго мнѣнія*. Шлейермахеръ и Астъ замѣчаютъ, что такими философами Платонъ почиталъ Антисѣена и его друзей. Но мы не ручаемся за вѣрность этой догадки, если только подъ именемъ *правильнаго мнѣнія* будемъ разумѣть не практическое понятіе или правило жизни, а теоретическое начало познанія. Приступая къ раскрытію содержанія этой части Теэтета, надобно прежде всего обратить вниманіе на то, къ какому Сократъ прибѣгаетъ способу для опроверженія защитниковъ *правильнаго мнѣнія*. Онъ явно пользуется здѣсь такими діалектическими тонкостями и хитросплетеніями, къ какимъ, по всей вѣроятности, прибѣгали мыслители, имъ опровергаемые. Подобный мимизмъ есть характеристическая черта Платона, замѣчаемая въ изложеніи многихъ его сочиненій. Но предположивъ это, нельзя уже думать, что Платонъ здѣсь разумѣлъ киниковъ, а скорѣе слѣдуетъ остановиться на той мысли, что ученіе о важности *правильнаго мнѣнія* весьма сродно съ положеніями тоже Протагора и его послѣдовате-

лей. Извѣстно, что мнѣніе, *δόξαν*, Платонъ ставилъ въ зависимость отъ чувства: такъ что если вещи постигаются и обсуживаются правильно, то происходитъ мнѣніе правильное, а когда нѣтъ,—ложное (см. Tim. p. 37 В). Но были мыслители, смотрѣвшіе на впечатлѣнія чувствъ какъ на источникъ знанія, въ томъ предположеніи, что ими условливаются правильныя сужденія ума. Этихъ-то мыслителей имѣеть здѣсь въ виду Сократъ, и вотъ что говорить о нихъ.

Онъ начинаетъ свое разсужденіе рѣшеніемъ вопроса, возможно ли какое нибудь *ложное мнѣніе*,—и софистически даетъ ему такое направленіе, что ложное мнѣніе, по значенію его доказательствъ, оказывается невозможнымъ; а отсюда потомъ заключаетъ, что въ правильномъ мнѣніи знаніе состоятъ не можетъ. О какихъ вещахъ мы мнимъ, говоритъ онъ, тѣ или *знаемъ*, или *не знаемъ*. Но ложное мнѣніе происходитъ или такъ, что чего кто не знаетъ, то принимаетъ за иное, чего тоже не знаетъ; или такъ, что чтò кто знаетъ, то принимаетъ за иное, что тоже знаетъ; или, наконецъ, такъ, что чего кто не знаетъ, то принимаетъ за иное, что знаетъ. Но такъ какъ изъ всѣхъ этихъ положеній нельзя правильно допустить никотораго, то слѣдуетъ, что ложнаго мнѣнія найти невозможно (p. 187 В—188 С). Къ тому же присоединяется другое доказательство, если только, при изслѣдованіи природы мнѣнія, можно брать въ счетъ не только *знаніе*, но и *сущность*. Положимъ, ложное мнѣніе есть то, по которому мы мнимъ нѣчто такое, чего *нѣтъ*. Но полагать это отнюдь нельзя: вѣдь какъ невозможно, чтобы кто видѣлъ и однакожъ ничего не видѣлъ, такъ равно необходимо, чтобы кто мнитъ, въ самомъ дѣлѣ что нибудь мнилъ; а кто ничего не мнитъ, тотъ и не имѣеть никакого мнѣнія. Стало быть, о томъ, чего нѣтъ, не можетъ быть никакого мнѣнія. А отсюда слѣдуетъ, что ложное мнѣніе усматривается не въ томъ, что мнится то, чего нѣтъ (p. 188 D—189 В). Далѣе поставляется на видъ третье основаніе для изслѣдованія лож-

наго мнѣнія. Можетъ быть, оно усматривается въ *измѣненіи образуемыхъ умомъ понятій*. Вѣрна ли эта мысль о немъ? Въ такомъ измѣненіи или могутъ обмѣниваться между собою оба предмета, мыслимые въ душѣ, какъ бы разговаривающей съ самой собою, или уму человѣка мыслящаго представляется только одинъ изъ нихъ. Если мыслится и измѣняется только одинъ изъ нихъ, то произойдетъ то, возможность чего мы уже отвергли, то есть, возможность мнѣнія о томъ, чего нѣтъ. А когда будутъ смѣшиваться оба предмета,—мы придемъ въ странное противорѣчіе съ самими собою: будемъ принимать прекрасное за безобразное, хорошее за худое, коня за быка, единицу за двоицу,—чего не бываетъ ни во снѣ, ни въ сумасшествіи (р. 189 В—190 Е). Наконецъ, ложное мнѣніе можетъ происходить отъ *обмѣна чувственныхъ усмотрѣній и примѣтъ ума*. Представимъ, что въ нашемъ умѣ есть какъ бы восковая таблица, на которой отпечатлѣваются образы вещей, и что у одного она меньше, у другаго больше, у одного чище, у другаго грязнѣе, у одного сырѣе, у другаго суше и тверже. Поколикъ на этой таблицѣ написаны образы того, что мы чувствуемъ, потоліку есть у насъ память и знаніе о томъ, что принято нашими чувствами. Но, пересматривая всѣ способы, какими можетъ происходить обмѣнъ чувственныхъ усмотрѣній и образовъ ума, мы легко находимъ, что обманъ умѣстенъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ которой либо части чувствъ окажется ощущеніе не довольно точнымъ, или первое познаніе—мало удовлетворительнымъ. Напримѣръ, сохраняя въ своей душѣ образы Теэтета и Θεодора, я, по прошествіи долгаго времени, вижу ихъ издали, и стараюсь каждому приписать тѣ черты, которыя принадлежатъ тому и другому и подъ которыми ихъ знаю, но не выдерживаю правильности: Теэтета мню Θεодоромъ, или усматриваю только одного, тогда какъ въ моемъ умѣ есть образы обоихъ, и такимъ образомъ изображеніе одного, по ошибкѣ, переношу на другаго,—видя Теэтета, принимаю его за Θεодора. Причину этого люди

мудрые находятъ въ томъ, что представляемая нами въ душѣ восковая таблица бываетъ либо довольно велика и хорошо приготовлена, а потому воспринимаетъ образы вѣрно и сохраняетъ ихъ долго, либо мягка, груба и грязна, и оттого образы на ней меньше вѣрны и тверды. Отсюда происходитъ то, что иные люди бываютъ понятливѣе, память и способнѣе къ воспринятію правильныхъ мнѣній, а иные, напротивъ, непонятливы, забывчивы, тупы и склонны къ ошибкамъ (р. 190 E—195 B).

Раскрывъ это такимъ образомъ и остроумно объяснивъ, Сократъ вдругъ измѣняетъ свой взглядъ на предметъ и начинаетъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ изслѣдованій. Онъ думаетъ теперь, что ложному мнѣнію надобно дать большій объемъ, чѣмъ какимъ оно доселѣ было описываемо; потому что его источникъ скрывается не въ одномъ смѣшеніи чувственныхъ усмотрѣній съ представленіями ума, но оно можетъ происходить и тогда, когда смѣшиваются между собою самыя умственные представленія. Это доказываетъ онъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, говорить, ты спросилъ бы кого нибудь: семь и пять, сложенные въ одно, какую составляютъ сумму, и тебѣ отвѣчали бы «одиннадцать»; ты въ этотъ моментъ легко замѣтилъ бы, что тѣ, содержащіяся въ душѣ, представленія чиселъ взаимно соединяются именно душою. И такъ, остается допустить, что либо нѣтъ вовсе никакого ложнаго мнѣнія, либо возможно то, что прежде было отвергнуто,—можетъ, то есть, кто либо не знаетъ того, что онъ знаетъ (р. 195 B—196 C). Теэтеть жалуется, что такой взглядъ для него очень тяжелъ. И не удивительно; потому что все это разсужденіе перепутано тонкостями софистической діалектики. Посему Сократъ, сверхъ ожиданія, думаетъ бросить эту нить изслѣдованія и рѣшается тотчасъ поднять вопросъ о силѣ и природѣ самаго знанія; такъ какъ ложное мнѣніе, очевидно, можетъ быть съ точностію определено не иначе, какъ по разсмотрѣніи этого вопроса,—по возвращеніи, то есть, къ прежнему, съ чего начали они свою

бесѣду (р. 196 С—197 В). *Нѣкоторые* (кто именно—не извѣстно) полагаютъ, говоритъ Сократъ, что знать есть не иное что, какъ *имѣть* о чемъ нибудь знаніе; а мы скажемъ: владѣть знаніемъ; ибо имѣть его и владѣть имъ—не одно и то же. Различіе между сими понятіями состоитъ въ томъ, что, имѣя что либо, мы уже пользуемся этимъ, а владѣя вещью, можемъ по произволу пользоваться и не пользоваться ею. Возьмемъ для примѣра голубятню. Находящіяся въ ней голуби суть предметъ обладанія, а тѣхъ, которые пойманы нами въ голубятнѣ, мы имѣемъ. Сравнимъ же представленія нашего ума съ птицами, а самый умъ—съ птичникомъ, въ которомъ онѣ содержатся. Представленія ума, какъ бы запертыя кѣмъ либо въ его птичникъ, находятся, говоримъ, въ его владѣніи; то есть, онъ сохраняетъ представленія вещей, имъ признанныхъ. Но тѣхъ изъ нихъ, которыя въ этомъ самомъ птичникѣ бываютъ улавливаемы, онъ имѣетъ; такъ что занятіе наукою есть какъ бы нѣкоторая ловля представленій ума. Пусть бы кто, напримѣръ, изучилъ ариѣметику, и однакожь не дѣлаетъ изъ нея никакого употребленія: онъ владѣетъ ею. А кто, напротивъ, прилагаетъ ее къ чему нибудь, тотъ ее имѣетъ, то есть, задаетъ себѣ относящіяся сюда вопросы, будто не зная предмета, тогда какъ знаетъ его. Изъ этого ясно, что бываетъ какъ бы двоякая ловля представленій: одна производится для овладѣнія, а другая приносить пользу уже владѣтелю, когда онъ схватываетъ и какъ бы держитъ въ рукахъ то, чѣмъ владѣетъ. Вѣдь можно всякому давно извѣстное, по прошествіи нѣ котораго времени, воспроизводить въ своей душѣ, и какъ бы вторично держать то, чѣмъ всегда владѣлъ, но чего никогда не бралъ на мысль. Если же такъ, то ложное мнѣніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: изъ всѣхъ представленій ума, какими кто владѣетъ, нѣкоторое старается онъ имѣть, то есть ввести въ употребленіе, но вмѣсто того, которое хотѣлъ, сознательно схватываетъ другое, и такимъ образомъ ошибается въ задуманномъ выборѣ (р. 197 В—199 В).

Доселѣ Сократъ старался происхождение ложнаго мнѣнія объяснить изъ природы самаго знанія. Но онъ полагаетъ, что и на этомъ остановиться еще нельзя; ибо ему кажется чрезвычайно страннымъ, что ложное мнѣніе такимъ образомъ выводится изъ обмѣна представленій человѣческаго ума. По его сужденію, въ этомъ случаѣ полагается то, чего полагать никакъ нельзя, что, то есть, спрашивающій о томъ, что ему извѣстно, между знаніемъ полагаетъ однакожь что либо другое вмѣсто того, и чрезъ это самое вводится въ обманъ. Стало быть, здѣсь нѣтъ пользы, ложныя ли, или истинныя мнѣнія сообщаются человѣческому уму; потому что мнящій лживо не придетъ къ мысли, что истинныя представленія онъ замѣнилъ ложными. А какъ надобно судить объ этомъ, должно быть ясно изъ вышесказаннаго (р. 199 В—200 D). И такъ, Сократъ снова приходитъ къ той мысли, что прежде чѣмъ будетъ изслѣдовано ложное мнѣніе, надобно съ точностію опредѣлить, въ чемъ состоитъ знаніе. Но Теэтеть настаиваетъ на прежнемъ положеніи, по которому должно видѣть его въ правильномъ мнѣніи. Это побуждаетъ Сократа наконецъ совершенно опровергнуть защищаемое Теэтетомъ опредѣленіе знанія. Взявъ въ примѣръ судью и оратора, онъ говоритъ, что между знаніемъ и правильнымъ мнѣніемъ—большое различіе. Дѣло ораторовъ обыкновенно состоитъ не въ сообщеніи судьямъ истины, а въ убѣжденіи ихъ принять то, чего хочется самимъ ораторамъ. Не смотря однакожь на это, случается, что опредѣленія судейскія оказываются справедливыми и вѣрными, и они будутъ всегда таковы, если судьи постараются сохранять знаніе истины. Стало быть очевидно, что знаніе и мнѣніе весьма различны между собою (р. 200 D—201 C).

Приведенный этимъ доказательствомъ въ недоумѣніе, Теэтеть предлагаетъ наконецъ третье опредѣленіе знанія,—полагаетъ, что знаніе есть не что иное, какъ *истинное мнѣніе* $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon\omicron$, и потомъ самъ же даетъ ему тройкое толкованіе. Однакожь Сократъ ни одного изъ этихъ толкованій

не находить достаточнымъ для выраженія природы знанія. Первое, предложенное Теэтетомъ, толкованіе новаго опредѣленія знанія состоитъ въ томъ, что *μετά λόγου* значить—съ *изъясненіемъ, выраженнымъ словами*. Недостаточность его Сократъ выводитъ изъ того, что каждый человѣкъ, какъ бы ни думалъ о предметѣ, можетъ свое мнѣніе выражать словами; а этимъ уничтожается всякое различіе между знаніемъ и истиннымъ мнѣніемъ, допущенное выше. Послѣ сего Теэтеть иначе изъясняетъ свое опредѣленіе: *μετά λόγου*, говорить, имѣть такое значеніе, что *цѣлое проявляется частями, и потому исчисляются стихіи вещи*. Кого спросили бы, напримѣръ, о природѣ колесницы, тотъ сталъ бы перечислять деревянные куски, изъ которыхъ она построена, колеса и другія ея части; или кого спросили бы объ имени Сократа, тотъ перечислилъ бы отдѣльныя буквы и слоги, составляющіе это имя. На приведенное объясненіе Сократъ отвѣчаетъ объясненіемъ же мнѣнія объ этихъ вещахъ, высказаннаго тѣмъ, кто его защищалъ (р. 201 D—206 D). Оно состояло въ слѣдующемъ: стихіи и начала вещей не даютъ никакого опредѣленія и имѣютъ только значеніе собственныхъ именъ. А что сложено изъ нихъ, то можетъ быть объясняемо и опредѣляется этими самыми стихіями, и оттого почитается дознаннымъ. И такъ, начала и стихіи постигаются одними чувствами, независимо отъ познавательности ума; а что изъ нихъ составлено, относительно того умѣстно истинное мнѣніе, съ опредѣленіемъ и яснымъ познаніемъ ума. И это самое есть *знаніе*, если только *истинное мнѣніе* соотвѣтствуетъ тѣмъ стихіямъ. Чтобы понять это яснѣе, хорошо разсмотрѣть слова и ихъ стихіи, то есть буквы. Въ самомъ дѣлѣ, каждый слогъ опредѣляется и познается при посредствѣ буквъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, буквы же только усматриваются, а не подлежатъ никакому опредѣленію и не познаются умомъ. Это сужденіе Сократъ опровергаетъ такимъ образомъ. Слогъ или состоитъ изъ одной буквы, или есть нѣкоторое цѣлое, происшедшее изъ отдѣльныхъ стихій.

Если возьмешь первое, то надобно будетъ допустить, что имѣющій вѣрное и ясное познаніе о слогѣ долженъ также знать и отдѣльныя буквы, и это знаніе приобрѣсти еще прежде, чѣмъ узналъ цѣлый слогъ. А когда положишь, что слогъ есть нѣчто цѣлое, состоящее изъ отдѣльныхъ стихій,— тотчасъ откроется, что ты полагаешь что-то странное. Вѣдь слогъ потому только есть нѣчто цѣлое, что состоитъ изъ особыхъ, сложенныхъ въ одно буквъ; а цѣлое что такое будетъ, какъ не взятая вмѣстѣ части? Цѣлымъ, безъ сомнѣнія, называется то, въ чемъ нѣтъ недостатка частей, требующихся для природы вещи, или что иначе означается словомъ *все*. И такъ *цѣлое* и *все*—безразличны, равно какъ нѣтъ никакого различія между *все* и *всѣ*. Напримѣръ, всѣ войны составляютъ все, то есть цѣлое войско; всѣ числа дѣлаютъ все число, или цѣлую, полную сумму. Если же все есть цѣлое, то явно, что и части какой нибудь вещи суть ея цѣлое. А изъ этого опять понятно, что какъ скоро познается цѣлое, необходимо познаются и части, что знаніе какого нибудь цѣлаго не можетъ имѣть мѣста, если не соединится съ этимъ ясное знаніе стихій, изъ которыхъ оно состоитъ; даже знаніе цѣлаго будетъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ точнѣе кто либо познаетъ тѣ отдѣльныя стихіи. Притомъ этимъ способомъ знаніе отнюдь не приобрѣтается. Положимъ, имѣлъ бы ты точнѣйшее понятіе о буквахъ, и научился бы составлять изъ нихъ слоги: однакожь при начертаніи буквъ ошибка найдеть себѣ мѣсто; вѣдь можно погрѣшить, пиша, напримѣръ, имя Теэтета (р. 206 Е—208 В). Остается третій способъ истолкованія слова *μετά λόγους*. Определеніе его можетъ быть таково, что *въ немъ сносятся признаки, которыми опредѣляемое отличается отъ всѣхъ прочихъ вещей*. Но и здѣсь также есть нѣчто, не избѣгающее порицанія. Вѣдь если такъ, то будетъ слѣдовать, что одинъ человекъ, хорошо знающій другаго, не будетъ знать его, не сознавая всѣхъ признаковъ, которыми онъ отличается отъ прочихъ людей, хотя совершенно знаетъ его; а это явно противорѣчитъ

ежедневному опыту. Видно, съ правильнымъ мнѣніемъ должно быть уже соединено представленіе признаковъ, которыми вещь отличается. Притомъ странно утверждать, что знаніе есть правильное мнѣніе, соединенное съ умомъ (*μετὰ λόγου*); ибо умъ принадлежитъ тому, кто имѣетъ знаніе вещи. И такъ, кто сказалъ бы, что знаніе есть правильное мнѣніе, присоединенное къ уму, тотъ выразилъ бы не больше, какъ слѣдующее: знаніе есть правильное мнѣніе, соединенное съ знаніемъ; а этимъ ничто не объясняется, но опредѣляется то же чрезъ то же (р. 208 С—210 В).

Опровергнувъ всѣ эти опредѣленія, Сократъ объявляетъ, что у него нѣтъ больше времени для дальнѣйшаго разсужденія: его требуютъ въ судъ, куда долженъ онъ явиться по случаю доноса, который сдѣлалъ на него Мелить. И такъ, прекративъ свою бесѣду, онъ проситъ друзей, для продолженія разговора, придти сюда же завтра (р. 210 С—D).

Вотъ краткое обзорѣніе содержанія въ Платоновомъ Тезтетѣ. Намъ кажется, что имъ ясно подтверждается то самое, что сказано было выше о цѣли этой книги. Теперь становится еще очевиднѣе, что Платонъ идетъ здѣсь къ раскрытію и утвержденію того положенія, что чувственное усмотрѣніе для пріобрѣтенія истиннаго знанія ничего не значить, что оно никакой не приноситъ пользы для этой цѣли даже и въ томъ случаѣ, когда соединяется съ правильнымъ мнѣніемъ и объясненіемъ опредѣленія. И такъ, Тезтетъ имѣетъ характеръ собственно полемическій: онъ весь состоитъ изъ опроверженій, послѣдовательно направляемыхъ противъ трехъ, показанныхъ выше опредѣленій знанія. Положительное мнѣніе Платона о знаніи въ Тезтетѣ прямо не высказывается и соблюдается до раскрытія его въ другой, особой книгѣ,—въ Парменидѣ, гдѣ представляются всѣ формы и условія знанія въ идеяхъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы и здѣсь Платонъ не дѣлалъ намековъ на свою истину, не касался ея по крайней мѣрѣ косвенно. Опровергая ложныя мнѣнія современныхъ философовъ о знаніи, онъ этимъ

путемъ отрицанія какъ бы разоблачаетъ истину отъ чуждыхъ ей покрововъ, и по мѣстамъ такъ близко подходитъ къ ея природѣ, что недостаетъ только прямого на нее указанія. Чтобы увѣриться въ томъ и понять, какъ это у Платона дѣлается, стоитъ только со вниманіемъ прочитать, напримѣръ, страницу 209. Здѣсь доказывается, что слово *μετά λόγου* не можетъ быть мыслимо, какъ исчисленіе признаковъ, которыми извѣстная вещь отличается отъ всѣхъ прочихъ вещей. Сократъ излагаетъ Теэтету свое доказательство слѣдующимъ образомъ: «Имѣя о тебѣ правильное мнѣніе, да если присоединю твой умъ (разум. *μετά λόγου*),—я дѣйствительно знаю тебя; а безъ того,—вожусь однимъ мнѣніемъ. Но умъ-то былъ истолкованіемъ твоего отличія. Посему, водясь только мнѣніемъ, я не касался своею мыслию ни одного изъ признаковъ, которыми ты отличаешься отъ другихъ; стало быть, я мыслилъ что-то общее, что принадлежитъ не больше тебѣ, какъ и другимъ. Объясни же, ради Зевса, какъ это я мнилъ больше тебя, чѣмъ когонибудь инаго?» Не трудно замѣтить, что, опровергая значеніе, какое Теэтеть соединяетъ съ словомъ *μετά λόγου*, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ здѣсь въ виду, во первыхъ, родовое понятіе—человѣка, во вторыхъ, частную идею Теэтета, котораго онъ знаетъ и не перечисляя его признаковъ. На эту самую мысль наводитъ Сократъ и слѣдующими за тѣмъ словами: «Правильное мнѣніе о каждомъ предметѣ», говоритъ онъ, «вращается около различія. И такъ, прилагать умъ къ правильному мнѣнію—что еще будетъ? Вѣдь если бы приказывали имѣть мнѣніе о томъ, чѣмъ отличается нѣчто отъ другаго, то это приказаніе было бы смѣшно; потому что оно предписывало бы намъ имѣть правильное мнѣніе о предметахъ, со стороны отличія ихъ отъ другихъ предметовъ, тогда какъ мы получили уже о нихъ правильное мнѣніе, если находимъ, чѣмъ различаются они отъ другихъ. Вѣдь приказывать взять то, что уже держимъ, для изученія того, о чемъ уже имѣемъ мнѣніе, по истинѣ свойственно человѣку темному». Но то,

что служить основаніемъ не отличія вещи отъ другихъ вещей, а единства ея и тожества съ собою, очевидно, есть идея, которая въ душѣ всегда прежде мнѣнія, равно какъ единство прежде отличія. Эта мысль таилась въ душѣ Платона, какъ норма его разсужденій; но онъ не выставлялъ ея впередъ, когда ей надлежало быть назади и, оставаясь невидимою, управлять движеніемъ мыслей о правильномъ мнѣніи.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЭВКЛИДЪ, ТЕРПСІОНЪ, СОКРАТЬ, ФЕОДОРЪ, ТЕЭТЕТЪ.

142. *Эвкл.* ' Сейчасъ ты изъ деревни, Терпсіонъ, или давно?
Терп. Довольно давно,—и все искалъ тебя на площади, да, къ удивленію, не могъ найти.
Эвкл. Потому, что меня не было въ городѣ.
Терп. Гдѣ же ты былъ?
Эвкл. Ходилъ на пристань встрѣтить Теэтета, котораго везли въ Аѣины изъ коринесскаго лагеря.

---

¹ Эвклидъ, знаменитый основатель школы мегарской или эристической, принадлежалъ къ числу извѣстнѣйшихъ учениковъ Сократа (Diog. Laërt. II, 47, 106. Cicero. Acad. II, 42), и еще въ юношествѣ, для слушанія его уроковъ, хаживалъ въ Аѣины изъ Мегары. Когда Сократъ умеръ, ученики его, боясь тридцати тиранновъ, оставили Аѣины, и многіе изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Платонъ, удалились въ Мегару къ Эвклиду, который принялъ ихъ съ любовію (Diog. Laërt. II, 160; III, 6). Преданность его Сократу видна и изъ того, что онъ находился при смерти своего учителя (Platon. Phaedon. p. 59 B). Въ этомъ же мѣстѣ указывается причина, почему Платонъ заставилъ его разговаривать съ Терпсіономъ. Терпсіонъ былъ также весьма любимъ Сократомъ, и въ послѣдній день его жизни слушалъ бесѣду его съ учениками. Впрочемъ о Терпсіонѣ нигдѣ больше не упоминается; имя его передалъ потомству одинъ Платонъ. У Платона представляется онъ жителемъ деревни, находившейся близъ Мегары, откуда случалось ему хаживать въ городъ. Безуспѣшно искавши теперь Эвклида на мегарской площади, Терпсіонъ случайно встрѣтился съ нимъ на возвратномъ пути его изъ Аѣинъ, куда проводилъ онъ Аѣинскаго юношу Теэтета. Идучи съ Терпсіономъ домой, Эвклидъ вспомнилъ объ одной бесѣдѣ, происходившей между Сократомъ и Теэтетомъ. Терпсіонъ пожелалъ узнать ея содержаніе; но Эвклидъ сказалъ, что она изложена имъ на бумагѣ. Поэтому, когда пришли они въ домъ Эвклида, рукопись о той бесѣдѣ дана была для прочтенія Эвклидову слугѣ, и онъ прочиталъ ее вслухъ.

Терп. Живаго или мертваго?

Эвкл. Едва живаго: онъ сильно страдалъ и отъ нѣкото- В.
рыхъ ранъ, а особенно отъ свирѣпствовавшей въ войскѣ
болѣзни.

Терп. Вѣроятно, поносомъ?

Эвкл. Да.

Терп. Каковъ этотъ человѣкъ, по твоимъ словамъ, на-
ходящійся въ опасности?

Эвкл. Человѣкъ прекрасный и добрый, Терпсионъ: вотъ
я и теперъ слышалъ, какъ нѣкоторые перевозносили его
подвиги въ сраженіи.

Терп. Да и не странно; было бы гораздо удивительнѣе,
если бы онъ оказался не такимъ. Однакожь почему не остано-
вился онъ здѣсь, въ Мегарѣ? С.

Эвкл. Спѣшилъ домой. Я просилъ его и совѣтовалъ; но
онъ не хотѣлъ. Проводивъ его, я на возвратномъ пути
вспомнилъ и удивлялся, какъ пророчески Сократъ высказы-
валъ и другое-таки, и относящееся къ Теэтету. Помнится,
незадолго до смерти, встрѣтившись съ Теэтетомъ, еще мальчи-
комъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ и, разговорившись, восхи-
щался естественными его способностями, а потомъ, когда я
пришелъ въ Аѣины, пересказалъ мнѣ свой съ нимъ разго-
воръ, который стоило выслушать, и прибавилъ, что, при- D.
шедши въ возрастъ, этотъ мальчикъ непременно сдѣлается
человѣкомъ знатнымъ.

Терп. Да и правду, какъ видно, сказалъ онъ. Однакожь
какой именно былъ его разговоръ? Не можешь ли пере-
сказать?

Эвкл. Нѣтъ, такъ-то устно, клянусь Зевсомъ, не могу:
но въ то время, только что пришелъ я домой, тотчасъ набро-
салъ памятную записку, а потомъ на досугѣ ¹ раскрывалъ,

¹ Тотчасъ набросалъ п. з., а потомъ... раскрывалъ,—по гречески
употребленъ одинъ и тотъ же глаголь, только въ различныхъ залогахъ: ἐγραφήμην,
ἐγραφοῦ. На особое значеніе того и другаго изъ нихъ въ этомъ словѣ указываетъ
самъ Эвклидъ; ибо формой ἐγραφήμην выражаетъ здѣсь то, что онъ записалъ

сколько припоминалъ, чего же не помнилъ, всякій разъ, приходя въ Аѳины, спрашивалъ у Сократа и, возвратившись сюда, исправлялъ; такъ что у меня написанъ почти весь разговоръ.

Терп. Правда, я слышалъ это отъ тебя и прежде, и всегда съ намѣреніемъ медлилъ ¹ здѣсь, чтобы попросить тебя показать мнѣ рукопись. Но что мѣшаетъ намъ заняться этимъ теперь,—тѣмъ болѣе, что я, возвратившись изъ деревни, имѣю нужду въ отдыхѣ?

В. Эвкл. Да и самъ я, проводивъ Тээтета до Эрина ², не безъ удовольствія отдохнулъ бы. Пойдемъ же, и мальчикъ, въ минуты нашего отдыха, прочитаетъ намъ рукопись.

Терп. Правильно говоришь.

Эвкл. Вотъ эта рукопись, Терпсіонъ: я написалъ разговоръ такъ, что будто бы Сократъ не пересказываетъ его мнѣ, какъ пересказывалъ, а разговариваетъ, съ кѣмъ, по его словамъ, разговаривалъ. Бесѣда его была съ геометромъ Тео-
С. доромъ ³ и съ Тэететомъ. И чтобы въ рукописи не за-

разговоръ для собственнаго употребленія, съ цѣлю помочь памяти, а форма *ἑρσιον* показываетъ, что тотъ же самый разговоръ обдѣлываемъ былъ имъ для передачи другимъ.

¹ То есть, Терпсіонъ съ нѣкотораго времени жилъ въ деревнѣ, откуда иногда хаживалъ въ городъ. И такъ какъ ему извѣстно было о книгѣ Эвклидовой, то всякій разъ, бывая въ городѣ, онъ нарочно долѣе оставался въ немъ,—въ надеждѣ случайно встрѣтиться съ Эвклидомъ въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ и выѣсть съ этимъ имѣть поводъ попросить его, чтобы онъ показалъ ему свою книгу.

² Мѣсто подъ именемъ *Ἐριων* или *Ἐριων* напоминало Аѳинянамъ о похищеніи Прозерпины Плутономъ. См. Раи ван. I, p. 19, 31, 36, 38, 92.

³ Теодоръ Киринейскій, по свидѣтельству самого Платона (p. 145 A), былъ особенно *γεωμετρικός, ἀστρονομικός καὶ λογιστικός* те καὶ μουσικός, καὶ ὅσα παιδείας ἔχεται. Поэтому не удивительно, что онъ вводится, какъ лицо говорящее, въ трехъ діалогахъ—въ Тэететѣ, Софистѣ и Политикѣ. Но, предавшись исключительно наукамъ математическимъ, требующимъ серьезнаго хода рѣчи, онъ не такъ былъ способенъ къ веденію бесѣды сократической, и оказывался медленнымъ. Поэтому Платонъ заставляетъ его больше слушать, чѣмъ говорить. Впрочемъ познанія его въ философіи были весьма обширны; только онъ держался больше взгляда Протагорова и защищалъ его мнѣнія, такъ что наконецъ Сократъ долженъ былъ опровергать и опровергъ его. Какъ математикъ, онъ былъ человекъ суровый (p. 145 E),—шутка, читаемъ, была не въ характерѣ Теодора. Но

трудняли рѣчи слова вставочныя, какъ о томъ, когда говорить Сократъ,—напримѣръ: «я сказалъ», или—«я говорилъ», такъ и объ отвѣчающемъ: «онъ подтвердилъ», или «не согласился»; то я писалъ такъ, какъ бы Сократъ самъ разговаривалъ съ ними, и потому вставочныя слова выпустилъ.

Терп. И тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, Эвклидъ.

Эвкл. Возьми же, мальчикъ, эту рукопись, и читай.

Сокр. Если бы я болѣе заботился о Киринахъ, Θεодоръ, D. то спросилъ бы тебя о тамошнемъ и о тамошнихъ,—ревностно ли занимаются тамъ нѣкоторые изъ юношей геометрію, или какою иною философіею. А теперь,—такъ какъ тѣхъ люблю меньше, чѣмъ этихъ,—я больше желаю знать, которые изъ юношей у насъ подають надежду сдѣлаться людьми порядочными: это и самъ я наблюдаю, сколько могу, объ этомъ спрашиваю и другихъ, съ которыми юноши, вижу, охотно обращаются. Немалое число ихъ сближается, конечно, и съ тобою,—да и справедливо: ты достоинъ того, E. какъ съ другихъ сторонъ, такъ и со стороны геометріи. Поэтому, если пришлось тебѣ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь, стоящимъ замѣчанія, то съ удовольствіемъ получилъ бы о томъ свѣдѣніе.

Θеод. Да и стоитъ-таки, Сократъ, мнѣ сказать, а тебѣ послушать, съ какимъ встрѣтился я мальчикомъ изъ нашихъ гражданъ. И если бы онъ былъ прекрасенъ, я побоялся бы съ жаромъ говорить о немъ, чтобы не показаться къ нему пристрастнымъ: а то, не завидуй мнѣ, онъ некрасивъ,—походить на тебя, какъ сплюснутостью носа,

---

это не могло охладить къ нему чувствованій Платона, потому что Платонъ высоко цѣнилъ достоинства сего человѣка, и притомъ самъ такъ уважалъ науки математическія, что признавалъ ихъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію мудрости. Кромѣ того, Діогенъ Лаерцій рассказываетъ (II, 8, 103), что Платонъ, находясь въ Киринахъ, слушалъ у Θεодора математику. О томъ же свидѣтельствуеетъ и Апулей (De Habit. Doctr. Plat. p. 2, ed. Elm.). И это весьма правдоподобно; потому что математика хоть и была ему знакома еще въ Афинахъ, но, изучая потомъ философію пиеагорейцевъ, онъ убѣдился, что нѣкоторыя ея части не могутъ быть поняты безъ знанія высшихъ математическихъ законовъ, а потому и обратился къ Θεодору.

такъ и выкатившимися глазами; только то и другое въ
 144. меньшей мѣрѣ, чѣмъ у тебя. Смѣло говорю: хорошо знай,
 что съ кѣмъ когда я ни встрѣчался,—а сближался я весьма
 со многими,—никого не зналъ, кто былъ бы одаренъ такими
 удивительными способностями. Въ ученїи онъ послушенъ,
 тогда какъ въ иныхъ отношенїяхъ упоренъ, отлично также
 кротокъ, и сверхъ того мужественъ больше, чѣмъ кто нибудь:
 я и не предполагалъ, и не вижу такого. Есть, конечно, ост-
 рые, какъ этотъ, смѣтливые, по большей части памятливые
 и порывистые къ гнѣву,—несутся стремительно, будто не
 В. нагруженные корабли, и по природѣ больше неистовы, чѣмъ
 мужественны; тяжелые же опять лѣниво приступаютъ къ
 наукамъ и бываютъ крайне забывчивы. А этотъ направ-
 ляется къ ученю и изслѣдованію такъ легко, непреткновен-
 но, съ успѣхомъ и съ великою кротостію, подобно потоку
 масла ¹, текущему безъ шума, что удивляешься, какъ у
 него дѣлается это въ такомъ возрастѣ.

Сокр. Хорошая вѣсть. Чей же онъ изъ гражданъ?

С. *Теод.* Я слышалъ имя, да не помню. Но онъ въ массѣ
 этихъ подходящихъ: нѣкоторые друзья его и самъ онъ сей-
 часъ мазались во внѣшнемъ портикѣ ², и вотъ, намазав-
 шись, кажется, идутъ теперь сюда; такъ смотри, узнаешь
 ли его.

---

¹ Прекрасное уподобленіе Теэтетовой ревности къ ученю, что, то есть, она походить на непрестанно, но ровно и безъ шума текущее масло, повторяемо было потомъ, по подражанію Платону, многими писателями, какъ замѣчаетъ это Ruhnkenius ad Longini l. c. Не худо обратить здѣсь вниманіе и на особенную выразительность нарѣчїа ἀνοσίτωρ, съ успѣхомъ, которое, происходя отъ глагола ἀνοίω или ἀνοίωμι, у грековъ всегда употреблялось такъ, что скрывало въ себѣ подразумевающееся ἰδόν. О такомъ его употребленіи см. Herthann ad Sophocli. El. v. 1344.

² Изъ этого видно, что разговоръ происходилъ въ какой-то гимназіи; та же сцена разговора въ Хармидѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ диалогахъ Платона. Сократъ имѣлъ обыкновеніе часто бывать въ такихъ мѣстахъ (см. Charmid. p. 153 A. В. Euthyphr. p. 2 A). О томъ, что палестры или гимназіи были окружены портиками, можно читать у Витрувія (Architect. V, II, снес. Mercurial. Gymn. I, 9). Δρόμοι, или портики, были поприща не только для состязанія въ бѣганіи, но и для прогулки (Ruhnken. ad Tim. p. 89).

Сокр. Знаю: это сынъ сунійца Евфронія, человѣка именно такого, другъ мой, какимъ описанъ тобою юноша, знатнаго и въ другихъ отношеніяхъ, и въ томъ, что онъ оставилъ большое состояніе. Но имени этого мальчика я не знаю.

Теод. Имя-то его—Теэтеть, а состояніе, Сократъ, кажется, D. разстроено нѣкоторыми опекунами. Впрочемъ, что касается денегъ, то и онъ удивительно щедръ.

Сокр. Ты описываешь браваго человѣка. Прикажи-ка ему сѣсть здѣсь.

Теод. Это будетъ. Теэтеть! Сюда, подлѣ Сократа.

Сокр. Конечно, Теэтеть, чтобы мнѣ рассмотреть и самого себя, каковъ я лицомъ; такъ какъ Θεодоръ находитъ, что я похожъ на тебя. Однакожъ, если бы каждый изъ насъ Е. держалъ лиру, и намъ сказалъ бы кто нибудь, что онъ подстроены одна подъ другую,—тотчасъ ли бы повѣрили мы, или напередъ испытали, музыкантъ ли тотъ, кто говоритъ это?

Теэт. Испытали бы.

Сокр. И нашедши, что такъ, повѣрили бы, а когда музыки онъ не знаетъ, не повѣрили бы?

Теэт. Правда.

Сокр. Теперь же вотъ думаю я: если занимаетъ насъ сходство лицъ, надобно намъ рассмотреть, живописецъ ли 145. тотъ, кто говоритъ это, или нѣтъ.

Теэт. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ живописецъ ли Θεодоръ?

Теэт. Сколько мнѣ-то извѣстно, нѣтъ.

Сокр. Неужели и не геометръ?

Теэт. Безъ сомнѣнія, геометръ, Сократъ.

Сокр. Тоже и астрономъ, и счетчикъ, и музыкантъ, и все, что относится къ воспитанію?

Теэт. Мнѣ кажется.

Сокр. Если, стало быть, въ похвалу или порицаніе, находитъ онъ насъ въ чемъ нибудь похожими по тѣлу, то не стоитъ обращать на него вниманія.

Теэт. Можетъ быть.

В. *Сокр.* Что же, когда похвалили бы онъ душу котораго либо, за ея добродѣтель и мудрость? Не слѣдовало ли бы слушающему его старательно испытать это, а хвалимому имъ усердно показать себя?

Теэт. Конечно, Сократъ.

Сокр. Такъ теперь время, любезный Теэтеть, тебѣ показать себя, а мнѣ испытать. Хорошо знай, что Θεодоръ сколь ни многихъ нынѣ же хвалилъ мнѣ иностранцевъ и здѣшнихъ горожанъ, никого не хвалилъ, какъ тебя.

Теэт. Хорошо бы такъ, Сократъ; но смотри, не шутя ли с. говорилъ онъ.

Сокр. У Θεодора это не въ обычаѣ. Нѣтъ, не отказывайся отъ того, на что далъ согласіе,—подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ говоритъ шутя; чтобы ему не придти къ необходимости свидѣтельствовать. Вѣдь никто не заподозритъ его свидѣтельства. Нѣтъ, смѣло устоя въ согласіи.

Теэт. Да, надобно сдѣлать это, если тебѣ угодно.

Сокр. Говори же мнѣ: вѣроятно, учишься ты у Θεодора чему нибудь изъ геометріи?

Теэт. Да.

Д. *Сокр.* И чему нибудь также относительно астрономіи, гармоніи, счисленія?

Теэт. По крайней мѣрѣ стараюсь.

Сокр. Да вѣдь и я, дитя мое, учусь, и у него-таки, и у другихъ, которые, по моему мнѣнію, знаютъ нѣчто такое. Но, тогда какъ иное въ этомъ отношеніи я порядочно держу, есть немногое, въ чемъ недоумѣваю и что надобно рассмотреть съ тобою и съ другими. И вотъ говори мнѣ: учиться не значитъ ли дѣлаться мудрѣе въ томъ, чему учишься?

Теэт. Какъ не значитъ.

Сокр. А мудрецы мудры, конечно, мудростію.

Теэт. Да.

Е. *Сокр.* Но это отличается ли чѣмъ нибудь отъ знанія?

Тезт. Что такое—это?

Сокр. Мудрость. Или въ чемъ знатоки, въ томъ самомъ и мудрецы?

Тезт. Какъ же.

Сокр. Стало быть, знаніе и мудрость—то же самое.

Тезт. Да.

Сокр. Такъ вотъ это-то и есть, въ чемъ я недоумѣваю, и не могу достаточно понять самъ собою:—что такое знаніе. Можемъ ли мы объяснить это? Какъ вы думаете? Кто изъ насъ скажетъ первый? Допустившій ошибку и всегда ошибающійся пусть сидитъ осломъ, какъ говорятъ дѣти, играющіе въ мячъ ¹: а кто взялъ верхъ, не сдѣлавъ ошибки, тотъ будетъ у насъ царемъ и станетъ приказывать, чтобы отвѣчали ему по его желанію. Что вы молчите? Можетъ быть, отъ желанія бесѣдовать, Θεοδορῷ, я выхожу нѣсколько грубъ ², когда стараюсь, чтобы мы вошли въ разговоръ и были друзьями взаимно пріятливыми.

Θεοδ. Въ твоихъ словахъ, Сократъ, нѣтъ ничего грубаго; но приказывай отвѣчать кому нибудь изъ мальчиковъ. Вѣдь я-то не привыченъ къ такому собесѣдованію, да не такой уже и возрастъ мой, чтобы привыкать: мальчикамъ же это прилично и они отъ того успѣвали бы гораздо болѣе; ибо юношество дѣйствительно во всемъ получаетъ приращеніе. Такъ вотъ, какъ началъ, не отпускай Теэтета, но спрашивай его.

Сокр. Слышишь теперь, Теэтеть, что говоритъ Θεοδορῷ:

¹ Какъ говорятъ дѣти, играющіе въ мячъ. Schol: Ὅνος χάθου, ἐπὶ τῶν πράγματι (τινὶ) ἡττωμένων. Ἐπιρῆται δὲ ἀπὸ τῶν παιδῶν τῶν σπαιριζόντων καὶ τὸν νικηθέντα εἰς ὄνον καθίζόντων. Объ этой игрѣ подробнѣе Eustathius ad Odys. p. 1601, v. 40 sqq., ed. Rom.,—p. 304 ed. Lips. Pollux IX, 106.

² Здѣсь во многихъ лучшихъ спискахъ, вмѣсто ὑμᾶς ποιῆσαι стоитъ ἡμᾶς ποιῆσαι. И справедливо: Сократу не было никакой причины стараться о дружескомъ сближеніи Θεοδορα и Теэтета и прочихъ, нѣмыхъ въ діалогѣ, лицъ; такъ какъ Θεοδορῷ былъ учитель Теэтета, а другіе юноши принадлежали къ товарищамъ послѣдняго. Но самъ онъ дѣйствительно желалъ, чтобы они принимали участіе въ его бесѣдѣ, особенно когда сказалъ (p. 145 D.), что теперь больше ради его надобно предпринять изслѣдованіе природы знанія.

С. не слушаться его, какъ я думаю, и ты не захотѣлъ бы, да и не слѣдуетъ молодому человѣку показывать неповиновеніе, когда приказываетъ ему что нибудь такое человѣкъ мудрый. Скажи же прямо и благородно: чѣмъ кажется тебѣ знаніе?

Тезт. Да, надобно, Сократъ, когда вы приказываете. Зато, если бы я и нѣсколько ошибся, вы, безъ сомнѣнія, поправите.

Сокр. Конечно, лишь бы только были въ состояніи.

Тезт. И такъ, мнѣ кажется, что познанія суть и то, чему можно научиться у Θεодора, то есть, геометрія и прочее, о чемъ сейчасъ упоминалъ ты, и опять—сапожничество и D. искусство другихъ мастеровъ: всѣ они и каждое порознь суть не иное что, какъ знаніе ¹.

Сокр. Благородно-то благородно, другъ мой, и щедролюбиво: просили одного, а ты далъ многое и, вмѣсто простаго, различное.

Тезт. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Можетъ быть, говорю пустяки; однакожь я скажу, что думаю. Когда приводишь ты сапожничество, тогда разумѣешь ли что иное, кромѣ знанія дѣлать обувь?

Тезт. Ничего.

E. *Сокр.* А что, когда плотничество?—иное ли что тутъ, кромѣ знанія дѣлать деревянные сосуды?

Тезт. И тутъ ничего.

Сокр. Такъ въ обоихъ не то ли ты опредѣляешь, чего знаніе есть каждое изъ нихъ?

Тезт. Да.

Сокр. Но спрашивалось-то не о томъ, Теэтеть, чего зна-

---

¹ Явно, что при опредѣленіи знанія Теэтеть точно такъ же погрѣшаетъ, какъ въ другихъ случаяхъ обличаемы были въ погрѣшностяхъ софисты и ихъ ученики. Требовалось, то есть, общее понятіе о знаніи, а онъ исчисляетъ нѣкоторыя отдѣльныя части и формы знанія, которыя, по безконечному различію предметовъ познаваемыхъ, безъ сомнѣнія, численною своею могутъ простираться въ безконечность. На эту-то ошибку Сократъ очень остроумно указываетъ словами: γενναίως γε καὶ φιλοδώρως κ τ. λ.

нѣ есть знаніе, и сколько ихъ; потому что, спрашивая насъ, не имѣли желанія сосчитать знанія, а хотѣли узнать, что такое само знаніе. Или я ничего не говорю?

Тезт. Совершенно правильно.

Сокр. Разсмотри-ка и это. Пусть бы кто спросилъ насъ 147. о чемъ нибудь изъ вещей простыхъ и подручныхъ,—напримѣръ, о глиняной массѣ, что такое она, и мы отвѣчали бы: глиняная масса бываетъ у горшечниковъ, глиняная масса у печниковъ, глиняная масса у кирпичниковъ:—не смѣшно ли было бы?

Тезт. Можетъ быть.

Сокр. Во первыхъ, намъ кажется, что вопрошающій изъ нашего отвѣта пойметъ дѣло, если, сказавъ: глиняная масса, мы прибавимъ къ этому: масса кукольниковъ, либо—масса какихъ другихъ мастеровъ. Или ты думаешь, что можно В. понять имя чего нибудь, когда не знаешь, что такое оно?

Тезт. Никакъ нельзя.

Сокр. Стало быть, не поймешь и знанія обуви, не зная знанія.

Тезт. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно тотъ не составитъ понятія ни о сапожничествѣ, ни о какомъ иномъ искусствѣ, кто не понимаетъ знанія.

Тезт. Такъ.

Сокр. Стало быть, для вопрошающаго: что такое знаніе, смѣшнымъ покажется отвѣтъ, когда приведутъ имя какого нибудь искусства; потому что отвѣчающій будетъ указывать на знаніе чего нибудь, а объ этомъ его не спрашивали. С.

Тезт. Походить.

Сокр. Тогда какъ можно было, вѣроятно, отвѣчать просто и коротко: оно идетъ путемъ безконечнымъ; напримѣръ, и при вопросѣ о глиняной массѣ, вѣроятно, можно было сказать просто и коротко, что это есть глина, разведенная водою, а чья она, оставить.

Тезт. Теперь-то такъ кажется легко, Сократъ. Но ты

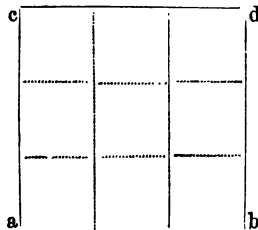
спрашиваешь, должно быть, о томъ же, о чемъ недавно спрашивалось и у насъ самихъ, когда мы, я и соименникъ Д. твой Сократъ ¹, разговаривали другъ съ другомъ.

Сокр. О чемъ, то есть, Теэтеть?

Теэт. Этотъ Θεодоръ объяснялъ намъ чертежами нѣчто о потенціяхъ ², о трехфутовой и пятифутовой величинѣ,

¹ Соименникъ твой Сократъ. Это—тотъ самый Сократъ младшій, который въ Политикѣ разговариваетъ съ элейскимъ иностранцемъ. Онъ, какъ видно, былъ въ дружеской связи съ Теэтетомъ, и Платонъ здѣсь не безъ причины упоминаетъ о немъ, сколько можно замѣтить это, читая въ Софистѣ р. 218.

² О потенціяхъ, περί δυναμέων, первыхъ и вторыхъ, или квадратахъ, см. Еріном. р. 991 A; Euclid. XIII, 13 sqq.; Theon Smyrn. De music. с. 17 al. Видя, что отношенія этихъ потенцій многообразны, юноши вздумали привести ихъ къ опредѣленнымъ нѣкоторымъ родамъ. Это значило συλλαβεῖν ихъ εἰς ἓν, обнять однимъ общимъ понятіемъ, которымъ могли бы быть означены всѣ онѣ. Они замѣтили, что потенцій есть два рода: однѣ γράμματα τῶν ἰσοπλευρῶν καὶ ἐπίπεδον ἀριθμῶν τετραγωνίστου, — и ими они опредѣлили долготу, μήκος; другія назвали τὸν ἑτερομήκη, или собственно потенціями. Такимъ образомъ всякое число распалось у нихъ на два класса и представило два рода сложныхъ величинъ. Явно, что здѣсь дѣло шло о числахъ рациональныхъ и иррациональныхъ числахъ квадратныхъ корней. Основанія ихъ объясняются такъ, что названія для нихъ заимствуются изъ геометріи, какъ дѣлается это и теперь въ той части аримететики, которая рассуждаетъ о числахъ квадратныхъ и кубическихъ. Помня это, мы легко объяснимъ себѣ смыслъ настоящаго мѣста. Именно: ἡ τρίπους и πεντέπους δύναις суть трехфутовая и пятифутовая стороны квадрата, — что не есть μήκει σίμμετρον, т. е. несоразмѣримо сторонѣ одного фута. Выраженное числами, это будетъ имѣть такой смыслъ: квадратный корень числа троячнаго или пятеричнаго будетъ число иррациональное. И такъ, разобравши дѣло, юноши поняли сами, что однѣ потенціи суть совершенные квадраты, какъ напр. $9=3 \cdot 3$; $4=2 \cdot 2$, которые, по протяженію, соизмѣримы, потому что стороны ихъ равны; другія, напротивъ, не совершенно квадраты, такъ какъ рождены одною потенціею и производятся неравными факторами, наприм. $12=6 \cdot 2$, или $2 \cdot 6$, — онѣ сходны не относительно протяженности, а только относительно потенціи, и потому называются ἑτερομήκεις. Это самое можно возвести къ очевидности геометрическими чертежами. Возьмемъ линію с въ одинъ футъ: $\frac{c}{a}$. Квадратъ ея будетъ: $\left[\frac{c}{a} \right]$. По отношеніемъ чиселъ $9=3 \cdot 3$ выражается фигура. И такъ, начертимъ трехфутовую линію a b и на ней опишемъ a b c d. Такимъ образомъ a b будетъ τὸ μήκος

доказывая, что по долготѣ онѣ не соразмѣрны футу: такъ бралъ онѣ каждую порознь потенцію до семнадцатифутовой, и на этой какъ-то остановился. Тогда пришло намъ въ голову нѣчто подобное твоему вопросу: такъ какъ потенцій представлялось безчисленное множество, то намъ вздумалось попытаться заключить ихъ въ одной, чтобы эту одною обозначить всѣ потенціи. Е.

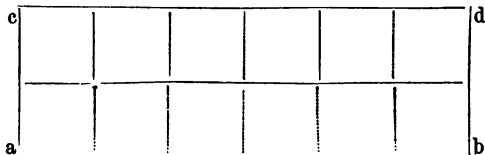
Сокр. И вы нашли нѣчто такое?

Тетт. Кажется, нашли. Смотри и ты.

Сокр. Говори.

Тетт. Всякое число мы раздѣлили на двое, и ту его

квадрата. Если теперь квадратъ а сравнимъ съ а b c d, то найдемъ, что первый столько разъ содержится въ послѣднемъ, сколько разъ число единицы обнимается числомъ девятичнымъ, и отсюда выходитъ фигура, справедливо называемая тетраγώνος, ισόπλευρος, ἐπιπέδος,—и всѣ эти имена Тететь весьма вѣрно перевелъ на числа. Изъ этого очевидно, что значать слова: τὸν μὲν (ἀριθμὸν) δυναμένον ἰσὸν ἰσάμις γίγνεσθαι (которое имѣетъ равныхъ факторовъ, какъ $16=4 \cdot 4$; $25=5 \cdot 5$; $36=6 \cdot 6$); τῷ τετραγώνῳ τὸ σχῆμα ἀπεικάζοντες τετραγώνον τε καὶ ισόπλευρον προσείπομεν. И такъ, числа, соразмѣримыя не только по потенціямъ, но и по сторонамъ, у юношей получили названіе чиселъ опредѣленныхъ относительно къ протяженію, μήκος, поколику они—совершенные квадраты. Но не такими, полагали они, должны выйти фигуры, строяемыя только потенціально, безъ отношенія πρὸς τὸ μήκος. Это будутъ фигуры продолговатыя, и, такъ какъ долгота ихъ у каждой своя, онѣ называются ἑτερομήκεις. Долгота своя,—то есть свои числа, въ которыхъ факторы, слѣдовательно стороны, не равны, напр. $12=2 \cdot 6$. Переведемъ эти самыя числа на чертежи. Возьмемъ линію с въ одинъ футъ: с; потомъ протянемъ линію а b въ два фута: а————b, соотвѣтствующую фактору меньшему—2. Къ этимъ присоединимъ еще третью линію, которая имѣла бы 6 футовъ долготы, слѣдовательно соотвѣтствовала бы фактору числа шестеричнаго; такая линія будетъ с————d. Приготовивъ это, изъ линій а b и с d построимъ прямолинейный четверугольникъ а b c d:

Потомъ изъ футовой линіи с возьмемъ квадратъ и будемъ сравнивать его съ прямолинейнымъ четверугольникомъ: откроется, что онъ столько разъ входитъ въ четверугольникъ, сколько разъ единица содержится въ двѣнадцати. Но фигура, обусловленная этими отношеніями, не имѣетъ равенства сторонъ, а выходитъ продолговатою. Стало быть, числа $12=6 \cdot 2$ соразмѣряются не μήκει, а δυνάμει.

часть, которая могла быть равножды равною, уподобивъ четверугольнику, назвали равностороннимъ четверугольникомъ.

Сокр. Да и хорошо.

Теэт. А число промежуточное, какъ на примѣръ: три, пять, 148. и всякое, которому нельзя быть равножды равнымъ, но которое бываетъ корнемъ произведенія, или бѣльшаго на меньшее, или меньшаго на большее, и за свои стороны всегда принимаетъ большее и меньшее,—такое число, уподобивъ опять фигурѣ продолговатой, мы назвали числомъ продолговатымъ.

Сокр. Прекрасно; но что потомъ?

Теэт. Всѣ линіи, изображающія число равносторонняго четверугольника и четверугольной плоскости, мы опредѣлили понятіемъ долготы, а всѣ, дающія число изъ разв. личныхъ протяженій,—понятіемъ потенцій, такъ какъ по долготѣ эти числа соразмѣрны не тѣмъ, а плоскостямъ, на которыя указываютъ. То же самое и о твердыхъ тѣлахъ.

Сокр. Превосходно, дѣти; Θεодоръ, кажется, не будетъ виноватъ въ ложности своихъ свидѣтельствъ.

Теэт. Впрочемъ, Сократъ, что спрашиваешь ты о знаніи, на то не могъ бы я отвѣчать, какъ о долготѣ и потенціи, хотя вопросъ-то твой мнѣ кажется такимъ же; такъ что Θεодоръ снова оказывается солгавшимъ.

С. *Сокр.* Что ты! Но если бы кто, хваля тебя за бѣганье, говорилъ, что онъ не встрѣчалъ никого изъ юношей, столь быстро на бѣгу, а потомъ, состязаясь, ты былъ бы побѣжденъ сильнѣйшимъ и быстрѣйшимъ: то думаешь ли, что меньше былъ бы правъ хвалившій тебя?

Теэт. Не думаю.

Сокр. Найти же знаніе, какъ теперь-таки говорилъ я о немъ, маловажнымъ чѣмъ-то считаешь ты, а не крайне высокимъ?

Теэт. О, клянусь Зевсомъ, по мнѣ-то, оно относится къ предметамъ наивысочайшимъ.

Сокр. Будь же смѣлѣе въ отношеніи къ себѣ и думай, что Теодоръ говоритъ не пустяки; постарайся всячески D. взяться за слово и о другихъ предметахъ, и о знаніи, чтó такое оно.

Тезт. Предъ стараніемъ, Сократъ, оно, конечно, откроется.

Сокр. Ну же; вѣдь ты сейчасъ хорошо началъ: подражая отвѣту о потенціяхъ, которыя, какъ многочисленныя, соединены тобою въ одномъ видѣ, постарайся такимъ же образомъ и многія знанія высказать однимъ словомъ.

Тезт. Но знай хорошо, Сократъ, что я, выслушивая про- E. износимые тобою вопросы, часто принимался разсматривать это; только и самъ себя не могу убѣдить, что говорю что-то удовлетворительное, и отъ другихъ не слышу такого отвѣта, какого ты требуешь, хотя и не думаю отстать отъ попытки.

Сокр. Потому что испытываешь боли, любезный Теэтеть, какъ беременный, а не праздный.

Тезт. Не знаю, Сократъ; говорю именно то, что чувствую.

Сокр. Эхъ, чуждакъ! ты не слышалъ, что я сынъ благо- 149. родной и строгой ¹ повивальной бабки Фенареты?

Тезт. Это-то уже слышалъ.

Сокр. А слышалъ ли, что и я занимаюсь тѣмъ же самымъ искусствомъ?

Тезт. Вовсе нѣтъ.

Сокр. Знай же хорошо, что такъ; только не оговори меня предъ другими. Отъ иныхъ я такую, другъ мой, что владѣю такимъ искусствомъ,—и они, по незнанію, не говорятъ

¹ Благородной и строгой повивальной бабки, *μαίας μάλα γενναίας τε καὶ βλοσυρᾶς*. Филологи затрудняются здѣсь словомъ *βλοσυρός*, которое означаетъ человѣка и жестокаго или строгаго, и такого, который возбуждаетъ уваженіе къ себѣ. Говорять, что Сократъ, какъ добрый сынъ, не могъ приложить къ матери такого оскорбительнаго эпитета. Въ худую также сторону принималъ это слово Атений и порицалъ за него Платона (V, p. 343, ed. Schw.). Но подъ именемъ *βλοσυρᾶς τῆς μαίας* Сократъ, конечно, разумѣлъ женщину строгую, которая самою строгостію возбуждала къ себѣ уваженіе.

о мнѣ этого,—а говорить то, что я человекъ самый не-
сносный, привожу людей въ недоумѣніе ¹. Слышалъ ли ты
по крайней мѣрѣ это?

Теэт. Слышалъ.

В. *Сокр.* А сказать ли причину?

Теэт. Конечно.

Сокр. Такъ размысли, какъ все бываетъ у повивальныхъ
бабокъ, и легко поймешь, чего я хочу. Вѣдь ты, конечно,
знаешь, что ни одна изъ нихъ, сама бремениѣя и раждая,
не помогала бы другимъ; но онѣ раждать уже не могутъ.

Теэт. Конечно.

С. *Сокр.* Причина же этого-то, говорятъ,—въ Артемидѣ,
которая, сама будучи неплодною, получила жребій попе-
ченія о родахъ. Но неплоднымъ не дала она способности
бабничать, ибо человѣческая природа слабѣе, чѣмъ могла
бы усвоить искусство въ томъ, чего не испытала: напротивъ,
женщинамъ, неплоднымъ по возрасту, желая почтить ихъ
сходство съ собою, приказала это.

Теэт. Естественно.

Сокр. А то развѣ не естественно и не необходимо, что
беременные никѣмъ инымъ такъ не узнаются, какъ пови-
вальными бабками?

Теэт. Конечно.

Д. *Сокр.* Притомъ повивальныя-то бабки, давая зелья и
напѣвая родильницамъ, могутъ возбуждать боли, либо, когда
захотятъ, ослаблять ихъ, раждающимъ трудно помогаютъ
родить, либо, когда покажется нужнымъ выкинуть, распола-
гаютъ къ выкидышу.

Теэт. Такъ.

Сокр. Не извѣстно ли тебѣ о нихъ и то, что онѣ—страш-
нѣйшія свахи: чрезвычайно мудры узнавать, какой жен-

---

¹ Съ этимъ мѣстомъ хорошо снести Менон. р. 79 E, гдѣ раскрывается то же самое сравненіе съ нѣкоторою обстоятельностью и выразительностію. Удовлетворительно объясняетъ его и Plutarch. Quaest. Plat. р. 1000.

щинѣ надобно сойтись съ какимъ мужчиною, чтобы раждались наилучшія дѣти?

Тээт. Объ этомъ я не очень знаю.

Сокр. Такъ знай, что объ этомъ онѣ больше хлопчуть, чѣмъ объ отрѣзаніи пупка. Подумай-ка: къ тому же, или Е. къ иному искусству относится ухаживать и выращивать изъ земли плоды, и знать, какое растеніе и сѣмя посадить въ какую землю?

Тээт. Не къ иному, а къ тому же.

Сокр. А въ отношеніи къ женщинѣ, иное ли, думаешь, искусство дѣлать это, и иное—выращать?

Тээт. Не естественно.

Сокр. Конечно нѣтъ. По причинѣ несправедливой и безъ- 150. искусственной связи мужчины съ женщиною, чему имя—обольщеніе, повивальныя бабки, какъ особы почтенныя, конечно, избѣгаютъ искусства сватать, боясь, чтобы отъ послѣдняго не сдѣлаться виновными въ первомъ; но правильное-то сватовство идетъ, точно, къ однимъ настоящимъ повивальнымъ бабкамъ.

Тээт. Видимо.

Сокр. Тагъ вотъ велико дѣло повивальныхъ бабокъ; но оно меньше моего; потому что женщинамъ не свойственно раждать иногда призраки, иногда дѣйствительныя существа; В. а это не легко распознать. Вѣдь если бы было свойственно, то важнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ дѣломъ повивальныхъ бабокъ оказалось бы различать истинное и не истинное. Или не думаешь?

Тээт. Думаю.

Сокр. Моему же искусству бабничанья свойственно иное, чѣмъ ихнему: мое отличается тѣмъ, что бабничанье прилагаетъ не къ женщинамъ, а къ мужчинамъ, и наблюдаетъ надъ родами не тѣлесными, а душевными. Важнѣйшее же дѣло нашего искусства есть возможность всячески испытывать, при- С. зракъ ли и ложь раждается въ мысли юноши, или плодъ здоровый и истинный. Вѣдь и со мной бываетъ то же, что

съ повивальными бабками: я не раждаю мудрости, и многіе, порицавшіе меня за то, что другихъ я спрашиваю, а самъ не даю ни на что никакого отвѣта, потому что не мудрецъ, порицають справедливо. Причина же этого слѣдующая: бабничать мнѣ Богъ повелѣваетъ, а раждать запретилъ. Такъ самъ я не очень что-то мудръ, и порожденіе моей души D. не есть какое нибудь мое изобрѣтеніе. Но обращающіеся со мною,—хотя иные на первый разъ оказываются и очень не свѣдущими,—всѣ, кому Богъ помогаетъ, съ теченіемъ времени обращенія ¹, удивительно до какой степени успѣваютъ, какъ представляется это и имъ самимъ, и другимъ. Отсюда ясно, что у меня они ничему не научаются, но многое и прекрасное находятъ и держатъ въ самихъ себѣ. Такимъ образомъ причина родовспоможенія—Богъ и я; а E. это явно вотъ изъ чего. Многіе уже, не уразумѣвъ того и все приписавъ себѣ, меня же, или сами собою, или подъ вліяніемъ другихъ, презрѣвъ, разошлись со мною раньше надлежащаго,—а разошедшись, чрезъ дурное обращеніе, прочее выкинули, рожденное же при моемъ бабничаньи, худо выкормивъ, погубили, потому что призрачное и ложное поставили выше истиннаго, и наконецъ какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ стали казаться невѣждами. Однимъ изъ 151. такихъ былъ Аристидъ ², сынъ Лизимаха, и иные, очень

¹ Объ этомъ мѣстѣ разсуждаетъ Плутархъ—*Quaest. Plat. t. II, p. 999*, гдѣ спрашивается, чтò такое разумѣлъ Сократъ подъ именемъ Бога. Этотъ вопросъ дѣйствительно стѣбитъ изслѣдованія. Въ отношеніи къ нему многое высказалъ писатель діалога, носящаго имя Феага, но высказалъ къ своему вреду; потому что Богомъ въ пок занномъ мѣстѣ почиталъ Сократова генія, который, по его мнѣнію, не только въ Сократѣ, но и во всякомъ человѣкѣ, кто съ нимъ обращается, можетъ производить вещи дивныя, чудесныя. Потому-то, между прочимъ, писателемъ Феага мы и не признали Платона, который о геніи своего учителя нигдѣ не передаетъ подобныхъ мыслей. Говоря вообще о Богѣ, Сократъ разумѣетъ не генія своего, такъ какъ послѣдняго ясно отличаетъ отъ Бога словами (p. 151 A): ἐνίοις μὲν τὸ ὑγρόμενόν μοι δαιμόνιον ἀποκώλει συνέυσι, Бога же признаетъ попечителемъ о повивальномъ его искусствѣ, который равно помогаетъ и его труду, и собесѣдникамъ-раждателямъ.

Объ Аристидѣ см. *Lachet. p. 178 A*. О немъ говорятъ съ обыкновенными своими прикрасами и писатель Феага, p. 130. Подобное читаемъ *Sympos. p. 213 D*.

многіе. Когда потомъ снова приходили они просить моего обращенія и дѣлали крайнія усилія,—живущій во мнѣ геній нѣкоторымъ возбранилъ обращаться со мною, нѣкоторымъ позволилъ,—и они стали снова успѣвать. Обращающіеся со мною чувствуютъ вотъ и это, общее съ раждающими женщинами: они терпятъ боли, испытываютъ затруднительность своего положенія день и ночь—гораздо болѣе, чѣмъ тѣ. Возбуждать такія боли и успокоивать можетъ мое искусство. И эти-то такъ. Но иногда бываетъ, Теэтеть, что юноши В. какъ-то не кажутся мнѣ беременными¹: тогда, узнавъ, что во мнѣ они не имѣютъ нужды, я радушно сватаю ихъ и, слава Богу, очень достаточно угадываю, съ кѣмъ обращаясь могутъ они получить пользу. Многихъ передалъ я Продику, многихъ инымъ мудрымъ и богоугоднымъ мужамъ. Объ этомъ я распространился съ тобою, почтеннѣйшій, подзрѣвая, какъ и самому тебѣ кажется, что ты внутренно мучишься болями чревоношенія. И такъ, относись ко мнѣ, какъ къ сыну повивальной бабки, который и самъ знаетъ повивальное искусство,—и о чемъ я буду спрашивать, поставь на то какъ можешь лучше отвѣчать. И если, разсматривая, что ты говоришь, я найду слова твои призракомъ, а не правдою, и потому потихоньку выну ихъ и выкину,—ты не сердись, какъ сердятся по поводу дѣтей матери, при первыхъ родахъ. Вѣдь многіе уже, почтеннѣйшій, такъ чувствовали себя въ отношеніи ко мнѣ, что готовы были просто укусить, когда я вынималъ у нихъ какія нибудь бредни: они не думаютъ, что я дѣлаю это изъ добра-

¹ Сократъ, очевидно, говоритъ здѣсь о различныхъ способностяхъ учениковъ и о такомъ или другомъ настроеніи ихъ душъ. Предполагается въ молодомъ человѣкѣ невозможность беременности для философіи, которая требуетъ углубленія въ предметъ и разсматриванія его въ формахъ всеобщихъ, тогда какъ онъ, по легкости своихъ способностей, любитъ держаться только на поверхности предмета,—изучать его, напимѣръ, съ точки зрѣнія филологической или исторической. Такихъ молодыхъ людей Сократъ отсылалъ то къ Продику, тогдашнему филологу, то къ инымъ мудрецамъ, которыхъ называетъ этимъ именемъ, конечно, не безъ ироніи.

го расположенія, и далеки отъ той мысли, что какъ ни D. одинъ богъ не мыслить людямъ зла, такъ и я не дѣлаю ничего такого по злему намѣренію; но вѣдь никакъ же не позволительно мнѣ уступать лжи и скрывать правду. Постарайся же, Теэтеть, опять сначала сказать, что такое знаніе. Не говори, что не можешь; если Богъ захочетъ и ты будешь мужаться, то сможешь.

Теэт. Да и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ; когда ты-то такъ E. приказываешь, стыдно не постараться всячески сказать, что можно. Такъ вотъ мнѣ кажется, что нѣчто знающій чувствуетъ то, что знаетъ; а потому теперь представляется, что знаніе есть не иное что, какъ чувствованіе.

Сокр. Хорошо, конечно, и благородно, дитя мое; такъ долженъ говорить, кто заявляетъ свое мнѣніе. Но давай рассмотримъ сообща, здраво ли оно, или пусто. Знаніе, говоришь, есть чувствованіе ¹?

Теэт. Да.

Сокр. Ты сказалъ, должно быть, не маловажное положеніе 152. о знаніи, а такое, которое объявлялъ и Протагоръ; только онъ то же самое высказалъ другимъ образомъ, ибо говорилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей ²,—существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ, что онѣ не существуютъ. Вѣроятно, читалъ?

Теэт. Читалъ, и много разъ.

Сокр. Не говоритъ ли онъ какъ-то такъ, что какою

¹ Это—первое опредѣленіе знанія. Оно принадлежитъ Протагору, и Платонъ сперва самъ тонко объясняетъ его, а потомъ, отъ р. 161 A, подвергаетъ критическому изслѣдованію и опровергаетъ. Объ этомъ мнѣніи Протагора снес. Sext. Empir. Pyrrh. Нур. I, 216—219; Advers. mathem. VII, 59—64; Diog. Laërt. IX, 51; Cicero. Acad. II, 46.

² Объ этомъ мнѣніи Протагора, которое Платонъ колко разбираетъ также въ Кратилѣ (р. 385 E), съ большею подробностію говорится Legg. IV, р. 716 C и въ Протагорѣ. Протагоръ отвергъ въ человѣкѣ способность познавать что нибудь абсолютно и объективно, и все поставилъ въ отношеніе къ собственнымъ каждому усмотрѣніямъ и представленіямъ, говоря, что чѣмъ кому представляется, то таково и есть. Поэтому всѣ усмотрѣнія равно вѣрны.

всякая вещь кажется мнѣ, такова она для меня, и какую тебѣ, такова для тебя, а ты и я—человѣкъ?

Теэт. Да, онъ говоритъ такъ.

Сокр. Мудрый человѣкъ, вѣроятно, ужъ не сумасбродничаетъ; послѣдуемъ же ему.—Но не бываетъ ли иногда, что, в. при дуновеніи того же вѣтра, одинъ изъ насъ забнетъ, другой нѣтъ, и одинъ немного, другой сильно?

Теэт. И очень.

Сокр. Такъ тогда вѣтеръ, самъ по себѣ, холоднымъ ли назовемъ мы, или не холоднымъ? Или повѣримъ Протагору, что для забнущаго онъ холоденъ, а для не забнущаго нѣтъ?

Теэт. Походитъ на то.

Сокр. Не такъ ли и является это каждому?

Теэт. Да.

Сокр. А явленіе-то (τὸ φαίνεται) есть чувствованіе?

Теэт. Конечно.

Сокр. Стало быть, являемость (φαντασία) и чувствованіе— с. то же самое и въ тепломъ, и во всемъ тому подобномъ; ибо чтò всякій чувствуетъ, τὸ для всякаго, должно быть, и есть.

Теэт. Походитъ.

Сокр. Слѣдовательно, чувствованіе, какъ знаніе, всегда есть чувствованіе существующаго ¹, и никогда не бываетъ лживымъ.

Теэт. Видимо.

Сокр. Такъ, ради Харитъ, не всесвѣтнымъ ли какимъ-то мудрецомъ былъ Протагоръ, когда открылъ это намъ, пестрой толпѣ, а ученикамъ тайно говорилъ истину?

¹ Знаніе, по мысли Платона, особенно тѣмъ отличается отъ мнѣнія, что послѣднее неточно и не достигаетъ до существующаго, тогда какъ первое относится къ тому, чтò существуетъ само по себѣ и содержитъ въ себѣ истинную силу и природу всякой вещи. Правда, и чувствованію, говоритъ Платонъ, должно также нѣчто подлежать, чтò существовало бы: но это существующее, каково бы оно ни было, поколику будутъ разсматривать его протагоровски, не будетъ твердымъ, постояннымъ, но будетъ зависѣть отъ инуду, измѣняться, оразнообразиваться, и можетъ быть названо скорѣе бывающимъ, чѣмъ существующимъ.

Д. *Тетт.* Какъ ты говоришь это, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ очень не малозначительное слово: что нѣтъ ничего одного самого по себѣ, что не назвать тебѣ правильно никакого качества вещи, но что назовешь ты великимъ, то покажется малымъ, что—тяжелымъ, то—легкимъ, и все такимъ же образомъ; такъ что нѣтъ ничего одного, ни по бытію, ни по качествамъ: все, чему неправильно приписываемъ мы понятіе бытія, происходитъ отъ стремленія, движенія и взаимнаго смѣшенія вещей; ибо ничто никогда не существуетъ, но все бываетъ. И въ этомъ,

Е. кромѣ Парменида, сходились всѣ по порядку ¹ мудрецы: Протагоръ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, и главы поэтовъ во всякомъ родѣ: въ комедіи Эпихармъ, въ трагедіи Омиръ,—который, сказавъ:

Видѣтъ безсмертныхъ отца Океана и мать Теѳису, прибавляетъ, что все есть порожденіе теченія и движенія. Или онъ, кажется тебѣ, не это говорить?

Тетт. Мнѣ кажется, это.

¹ Парменидъ, какъ извѣстно, почиталъ истиннымъ цѣлое сущее, вѣчное и, имѣя его въ виду, къ нему относилъ всякое свое разсужденіе (Karsten. De Parmenide p. 178 sqq.). Отъ его мнѣнія далеко отступили физики, которые старались все объяснить непрестанною измѣняемостью вещей, а сужденіе объ истинѣ совершенно отвергли. Изъ нихъ особенно стоитъ упоминанія Гераклитъ, учившій, πάντα ῥεῖν ποταμοῦ δίχην (Diog. Laërt. IX, 8. Sext. Emp. Hypot. III, 115 al.) Ему слѣдовалъ и Протагоръ, отчего Сократъ и говорить: Πρωταγόρας τε καὶ Ἡράκλειτος. Обоихъ ихъ соединяетъ и Аристотель (Metaph. III, in). Въ сопутники ему прибавляется и Эмпедоклъ, который матерію вещей составлялъ изъ земли, воды, воздуха и огня, и причинами надъ ними поставлялъ дружбу и вражду; поэтому въ основаніе всякаго рожденія необходимо долженъ былъ положить также движеніе (Sext. Emp. Adv. mathem. VII, 115 sqq.; IX, 10; X, 317). Кромѣ этихъ упоминается еще Эпихармъ, древнѣйшій комическій поэтъ и философъ, по мнѣнію котораго вещи такъ измѣнчивы, что бывшее вчера нынѣ уже не существуетъ. De Epicharmo comoediarum scriptore, Theocrit. Epigr. 17, I: ἀτε φωνὰ Δωρίως, Χωνῆρ ὁ τὰν κωμῳδῶν εὐρών Ἐπίχαρμος. Themist. Or. XIX, p. 486: ἐπεὶ καὶ κωμῳδία τὸ παλαιὸν ἤρξατο μὲν ἐκ Σικελίας, ἐκείθεν γὰρ ἦσθη Ἐπίχαρμος τε καὶ Φόρμος. κάλλιον δὲ Αθῆναςε συνηορήθη. Къ этимъ присоединяется и Омиръ, котораго приведенный здѣсь стихъ взять изъ Илиады, XIV, 201, 302. Причину, по которой Платонъ называетъ его отцемъ трагедіи, см. Rep. X, p. 598 B и 598 D.

Сокр. Кто же еще могъ бы спорить противъ такого-то 153. лагеря и вождя—Омира, не дѣлаясь отъ того смѣшнымъ?

Тезт. Не легко, Сократъ.

Сокр. Конечно, не легко, Тезететь, когда вотъ и достаточныя доказательства этого положенія: что кажимость бытія и явленія доставляется движеніемъ, а небытія и исчезанія—покоемъ. Напримѣръ, теплотворъ и огонь, раждающій и упорядочивающій также прочее, самъ раждается отъ усилія и тренія; а это есть движеніе. Или не таковы условія рожденія огня?

Тезт. Именно таковы.

В.

Сокр. Даже и родъ-то животныхъ раждается изъ этого самага.

Тезт. Какъ же не изъ этого!

Сокр. Что же? состояніе тѣлъ разрушается не отъ покоя ли и бездѣйствія, а сохраняется большею частію не отъ гимнастическихъ ли упражненій и движеній?

Тезт. Да.

Сокр. Состояніе же души пріобрѣтаетъ познанія, сохраняется и дѣлается лучше не отъ ученія ли и размышленія,—что имѣетъ свойство движеній,—а не познаетъ и, что узнало, забываетъ—не отъ покоя ли, свойственнаго отсутствію мысли и невѣжеству?

Тезт. И очень.

Сокр. Стало быть, движеніе, и по душѣ и по тѣлу, есть добро, а противное тому будетъ противное?

Тезт. Походитъ.

Сокр. Не сказать ли тебѣ еще о безвѣтренной и тихой погодѣ, и о прочемъ подобномъ,—что это затишье распространяетъ гнилость и губитъ, а противное ему сохраняетъ? Сверхъ того не заставитъ ли тебя, въ заключеніе, привести золотую цѣпь ¹, подъ которою Омиръ разумѣетъ не иное

¹ Объ употребленіи пословицы—τὸν κολοφῶνα ἐπιθεῖναι, сказать въ заключеніе, кромѣ Схолиаста къ этому мѣсту, см. Strab. XIV, p. 952; Ruhnkens. ar.

что, какъ солнце, и показываетъ, что, пока есть круговра-
D. щеніе и солнце движется, все существуетъ и сохраняется
у боговъ и людей, а какъ скоро оно остановилось бы, буд-
то связанное,—всѣ вещи разрушились бы и все, какъ го-
ворится, перевернулось бы кверху дномъ?

Тезт. Мнѣ кажется, Сократъ, Омиръ показываетъ то,
что ты говоришь.

Сокр. Понимай же это такъ, почтеннѣйшій: во первыхъ,
относительно зрѣнія,—то, что называешь ты бѣлымъ цвѣ-
томъ, не есть нѣчто особое, внѣ твоихъ глазъ, или въ са-
мыхъ глазахъ, и не назначай для этого какого нибудь мѣ-
E. ста; потому что иначе это уже существовало бы въ ряду
вещей, какъ что-то постоянное, и потому не находилось
бы въ состояніи рожденія.

Тезт. Какъ же смотрѣть на это?

Сокр. Будемъ слѣдовать недавно сказанному, полагая, что
само по себѣ ничто не существуетъ. Такимъ образомъ чер-
ный, бѣлый и всякій иной цвѣтъ окажется произведеніемъ
зрѣнія, приражающагося къ присущему движенію, и каж-
дое такое прираженіе мы называемъ цвѣтомъ; хотя не бу-
154. деть тутъ ни приражающагося, ни приражаемаго, а вый-
детъ нѣчто среднее, свойственное тому и другому. Или

Neusdium Spec. crit. p. 33 etc. Платонъ этою формулою воспользовался также
въ Эвтидемѣ, р. 301 E; Закон. II, р. 673 D, 674 C. Употребляли ее и римляне—
colorphonem imponere vel addere, прилагая это выраженіе къ тому, кто
довелъ дѣло до конца. Но, вмѣсто ἐπιτιθεῖς, Сократъ у Платона здѣсь беретъ
слово προσβράζω, такъ какъ для окончанія изслѣдованія считаетъ нужнымъ нѣ-
которое насиліе, и упоминаетъ о золотой цѣпи, о которой идетъ рѣчь у Омира
(Iliad. 8, v. 17 sqq.). Евстацій говоритъ: Πλάτων δὲ αὐτὸν τὸν ἥλιον χρυσεῖαν λέγει
σειράν· αὐτῷ γὰρ ἐκδέδεσθαι τὸ πᾶν. Между тѣмъ явно, что Платонъ вноситъ
сюда мысль о золотой Омировой цѣпи, имѣя въ виду показать превратное по-
нятіе физиковъ, которые воображали, что въ этомъ мѣстѣ у Омира таится какое-то
глубокое знаніе природы вещей. Оттого произошло, что онъ и самъ писателями
позднѣйшаго времени, которые не поняли его насмѣшки, безразсудно введенъ въ
общеніе съ этимъ превратнымъ представленіемъ; ибо позднѣйшіе платонисты
долго и настойчиво прославляли эту Платонову цѣпь (см. Creuzerus ad Procl.
Institut. Theolog. Plat. p. 142. Hermann, ad Lucian. De histor. conscrib. p. 56).

ты станешь утверждать, что какимъ всякій цвѣтъ представляется тебѣ, таковъ онъ и для собаки, и для иного какого хочешь животнаго?

Тезт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не стану.

Сокр. Что же? думаешь ли, что нѣчто и другому человеку представляется такимъ, какъ тебѣ? Твердо ли ты стоишь въ этомъ, или гораздо скорѣе согласишься, что и для тебя самого то же является не тѣмъ же, потому что ты никогда не бываешь подобенъ самому себѣ?

Тезт. Послѣднее мнѣ больше кажется, чѣмъ первое.

Сокр. Поэтому если бы то, что мы измѣряемъ, или чего касаемся, было либо велико, либо бѣло, либо тепло, то, приравнявшись къ другому, оно не сдѣлалось бы инымъ, не измѣняясь само-то въ себѣ. И опять, если бы былъ таковъ каждый измѣряемый или осязаемый предметъ, то, по привхожденію другаго предмета или другаго впечатлѣнія, самъ онъ, не впечатлѣваясь, не дѣлался бы инымъ. Между тѣмъ теперь-то, другъ мой, мы какъ бы съ удовольствіемъ поставляемъ себя въ необходимость говорить вещи странныя и смѣшныя, что сказалъ бы и Протагоръ и всякій рѣшающійся подтверждать его положеніе ¹.

Тезт. Какъ же и что скажешь ты?

Сокр. Прими небольшой примѣръ,—и узнаешь все, чего я хочу. Возьми, положимъ, шесть игорныхъ костей: приложивъ къ нимъ четыре, мы скажемъ, что ихъ больше четырехъ на цѣлое съ половиною, а когда приложимъ двѣнадцать,—ихъ будетъ меньше на половину. И не потерпимъ, чтобы говорили иначе. Или ты потерпишь?

Тезт. Не потерплю.

Сокр. Что же? Пусть бы Протагоръ, или кто другой спросилъ тебя: Теэтеть! можно ли увеличить или усложнить

¹ Смысль рѣчи такой: ни вещи, представляющіяся извнѣ, ни чувства наши и мнѣнія, если бы имѣли въ себѣ свойства, не испытывали бы никакой перемѣны или смѣненія другими свойствами; а между тѣмъ опытъ показываетъ, что дѣйствительно бываетъ такъ.

чтонибудь иначе какимъ нибудь образомъ, нежели чрезъ умноженіе? Что будешь отвѣчать?

Теэт. Если буду смотрѣть, Сократъ, на смыслъ настоящаго вопроса, то скажу, что нельзя; а когда посмотрю на прежній-то,—какъ бы не сказать противнаго, что можно.

Сокр. Хорошо; право, клянусь Ирою, другъ мой, божественно. Однакожь видно, что если ты будешь отвѣчать «можно», то выйдетъ что-то эврипидовское ¹,—языкъ-то у насъ будетъ неукоризненъ, а мысль укоризненна.

Теэт. Правда.

Сокр. Поэтому если бы мы были сильны и мудры,—я и ты,—то, изслѣдовавъ все, относящееся къ мыслямъ, стали бы теперь наконецъ, отъ избытка силъ, пробовать другъ друга и, входя софистически въ борьбу, отражать слова одного словами другаго: но такъ какъ теперь мы еще простоваты, то сперва хотимъ разсмотрѣть дѣло само по себѣ, что такое то, о чемъ у насъ идетъ разсужденіе,—согласны ли между собою наши мысли, или нисколько.

Теэт. Я, конечно, хотѣлъ бы этого.

Сокр. Да и я тоже. И если такъ, то, имѣя множество досуга, что иное будемъ мы дѣлать, какъ не изслѣдывать 155. легонько снова, не съ досадою, но дѣйствительно въ духѣ самоиспытанія, что такое въ насъ эти представленія. Разсматривая первое изъ нихъ, мы скажемъ, какъ я думаю, что никогда ничто не бываетъ больше или меньше, ни массою, ни числомъ, пока не сдѣлается равно само себѣ. Не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. А второе: къ чему ничто не прилагается и отъ чего ничто не отнимается, то и не увеличивается никогда, и не умалывается, но всегда бываетъ равно.

---

¹ Указывается на извѣстный стихъ Эврипида (Eurpolit. 612, гдѣ см. объясн. Снес. Сісер. De officiis III, 29. Hug. Grotius, De jure belli et pacis, II, 13).

Теэт. Совершенно такъ.

Сокр. Не положимъ ли и третьяго: чего прежде не было, тому быть послѣ, безъ бытности и происхожденія, невозможно?

Теэт. По крайней мѣрѣ кажется.

Сокр. Такъ эти, думаю, три принятыя нами положенія борятся въ нашей душѣ сами съ собою, когда мы говоримъ объ игорныхъ костяхъ, или когда утверждаемъ, что я, достигши такого возраста, и не выросъ, и не пришелъ въ состояніе противное, хотя, въ теченіе года твоей молодости, сперва былъ больше, потомъ сталъ меньше, — не потому, чтобы отъ моей величины было что нибудь отнято, а потому, что ты выросъ. Вѣдь я впослѣдствіи сталъ то, чѣмъ, не сдѣлавшись, не былъ; ибо, не сдѣлавшись, бывать не возможно, — хотя, не теряя ничего изъ величины, никогда не становился меньше. Если только мы примемъ это, то найдемъ безчисленное множество и другихъ такихъ же вещей. Ты, вѣроятно, слѣдуешь за мною, Теэтеть; потому что кажешься не неопытнымъ въ подобныхъ вопросахъ.

Теэт. Нѣтъ, клянусь богами, Сократъ; я чрезвычайно удивляюсь, что это такое, и когда пристально всматриваюсь въ это, — у меня отъ темноты кружится голова.

Сокр. Θεодоръ, кажется, не худо гадаеть, другъ мой, о Д. твоей природѣ: вѣдь удивляться есть ¹ свойство особенно философа; ибо начало философіи не иное, какъ это, и тотъ, кто Ириду называлъ порожденіемъ Тавманта ² (удивляющаго-

¹ Съ этимъ мѣстомъ хорошо сравнить слова Аристотеля, *Metaph. I, 2*: Διὰ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ τὸ νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν, ἐξ ἀρχῆς μὲν τὰ πρόχειρα τῶν ἀπόρων θαυμάσαντες, εἶτα κατὰ μικρὸν οὕτω προϊόντες καὶ περὶ τῶν μακρόνων διαπορήσαντες. Ὁ δ' ἀπόρων καὶ θαυμάζων οἶσται ἄγνοεῖν. *Clem. Alex. II, p. 380 A*: τῆς ἀληθείας ἀρχὴ τὸ θαυμάζειν, ὡς Πλάτων ἐν Θεαίτητῳ λέγει.

² Философъ весьма искусно пользуется словами Исиода въ *Theogon. v. 780*, и примѣняетъ ихъ къ своему предмету, придавая имъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой былъ въ умѣ поэта. Какъ ксати Ириду, посланницу боговъ, называетъ онъ Философіею и почитаетъ ее дочерью Тавманта!

ся), не худо знаетъ ея генеалогію. Но понимаешь ли теперь, отчего по ученію Протагора, о которомъ мы говоримъ, выходитъ такъ, или еще нѣтъ?

Тэт. Кажется, еще нѣтъ.

Сокр. Такъ будешь ли ты мнѣ благодаренъ, если я вмѣстѣ съ тобою внѣдрюсь въ смыслъ скрытой истины того Е. человѣка, или, лучше, тѣхъ именитыхъ людей?

Тэт. Какъ же не быть? и очень.

Сокр. Соображай же осмотрительно, какъ бы не подслушалъ насъ кто изъ непосвященныхъ.—Вѣдь есть люди, полагающіе, что существуетъ только то, что можно ощути-тельно взять руками, а дѣль бытности и всего невидимаго въ число сущностей не принимаютъ ¹.

156. *Тэт.* Ты говоришь, Сократъ, о людяхъ грубыхъ и упря-мыхъ.

Сокр. Одни изъ нихъ—даже большіе невѣжды, дитя мое; но другіе очень образованны, и относительно ихъ-то я хочу открыть тебѣ тайну. Начало, отъ котораго все зависи-ть, какъ мы и сейчасъ говорили, у нихъ таково: все есть движеніе, и кромѣ движенія нѣтъ ничего; движеніе же бываетъ двухъ родовъ, и по количеству каждое безпредѣль-но, а по силѣ—одно дѣятельное, другое страдательное. Изъ взаимоотношенія и тренія ихъ происходятъ порожденія, по В. количеству тоже безпредѣльныя, но двойственныя,—чув-ственное и чувство, всегда совпадающее и раждающееся вмѣ-стѣ съ чувственнымъ. Чувство вотъ какія получило у насъ названія: зрѣніе, слухъ, обоняніе, холодъ и тепло, удоволь-ствие и скорбь, желаніе и страхъ, и проч.; неопредѣленное множество чувствованій не носитъ никакихъ названій, а весьма многія наименованы. Каждому изъ этихъ чувствъ,

¹ Платонъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь атомистовъ, которые не допускали ничего, кромѣ пустоты и атомовъ, и потому все поставляли въ отношеніе только къ тѣлеснымъ чувствамъ. Согласно съ такимъ представленіемъ, они, по словамъ Платона, не вѣрятъ ничему, чего не могутъ ἀπίσθαι τοῖν ἡρώων λαβεῖν или συμπ- λειν, какъ говорится также Sophist. p. 247 C.

по рожденію, современенъ и чувственный родъ: зрѣнію—цвѣта, по различію его, различные, слуху, такимъ же образомъ, звуки,—а другимъ чувствамъ представились сродными другіе чувственные предметы. Что же такое значить С. для насъ это разглагольствіе, Теэтеть? Понимаешь?

Теэт. Не очень, Сократъ.

Сокр. Такъ соображай; не достигнемъ ли какъ нибудь цѣли. Оно хочеть выразить то, что хотя все это, какъ говоримъ, движется, но въ движеніи всего есть скорость и медленность. И вотъ, восколько что медленно, востолько своимъ движеніемъ на ближайшее и дѣйствуетъ, да такъ и раждаетъ, и раждаемое такимъ образомъ бываетъ медленнѣйшее; напротивъ, восколько что быстро, востолько далѣе простираетъ свое движеніе, и такъ раждаетъ, и раждаемое такимъ образомъ бываетъ быстрѣйшее, ибо бѣжить, и въ этомъ бѣгѣ состоитъ природа движенія. И такъ, когда око (бѣла—смотря) и что нибудь другое ему соотвѣтствующее сблизилась и произвели съ одной стороны бѣлизну, съ другой—сродное бѣлизнѣ ощущеніе, чего, до взаимнаго сблизенія ихъ, никогда прежде не было: тогда, въ промежуткѣ между ними, зрѣніе пошло къ глазамъ, а бѣлизна—къ тому, что современно произвело цвѣтъ; такимъ образомъ Е. глазъ наполнился зрѣніемъ, сталъ видѣть, и сдѣлался не зрѣніемъ какимъ-то, а глазомъ зрящимъ; произведшее же вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтъ наполнилось бѣлизною, и вышла опять не бѣлизна, а бѣлое,—дерево ли то случилось, или камень, или какая бы ни была вещь, окрашенная такимъ цвѣтомъ. Такъ надобно понимать и прочее,—жесткое, теплое и все другое. А самого по себѣ, какъ и прежде говорили, нѣтъ ничего: все происходитъ изъ взаимоотношенія, и все разнообразіе вещей—отъ движенія; потому что объ одномъ, говорятъ, нельзя мыслить такъ, что оно неизмѣнно есть и дѣйствующее что нибудь, и опять страдающее что нибудь. Вѣдь ничто не есть дѣйствующее, прежде чѣмъ сошлось съ страдающимъ, и ничто не есть страдающее, 157.

прежде чѣмъ встрѣтилось съ дѣйствующимъ: сошедшееся съ чѣмънибудь дѣйствующее, встрѣтивши другое, является страдающимъ; такъ что по всему этому, какъ мы вначалѣ говорили, нѣтъ ничего одного самого по себѣ, но все В. всегда находится въ отношеніи къ чемунибудь;—бытіе надобно изгнать отсюду, хотя, по привычкѣ и незнанію, мы многократно и теперь принуждены были употреблять это слово. По ученію мудрецовъ, не должно быть допускаемо ни нѣчто, ни чтонибудь, ни мое, ни это, ни то, ни иное какое имя, показывающее остановку; напротивъ, природа велитъ произносить: бывающее и дѣлающееся, погибающее и измѣняющееся; ибо кто словомъ остановилъ бы чтонибудь, тотъ, дѣлая это, былъ бы легко обличенъ. Такъ говорить должно и относительно частей, и относительно многого вмѣстѣ собраннаго, какъ, напримѣръ, собирательному С. даютъ имя человѣка, камня, извѣстнаго животнаго и вида. Скажи же, Теэтеть, нравится ли тебѣ это, и желалъ ли бы ты наслаждаться такимъ ученіемъ, какъ нравящимся?

Теэт. Не знаю, Сократъ; потому что не могу понять, одобряешь ли ты то, что говоришь, или только испытываешь меня.

Сокр. Ты не помнишь, другъ мой, что я и не знаю, и не усвою себѣ ничего такого, потому что неплоденъ, а только бабничаю относительно тебя и потому напѣваю тебѣ и Д. предлагаю отвѣдать каждое ученіе мудрецовъ, пока не выведу на свѣтъ собственнаго твоего убѣжденія. Когда же будетъ выведено, тогда уже посмотрю, пустымъ ли окажется оно, или здоровымъ. Будь же смѣлъ, твердъ и отвѣчай мужественно, что покажется тебѣ относительно того, о чемъ я буду спрашивать.

Теэт. Спрашивай.

Сокр. Говори же опять: нравится ли тебѣ, чтобы и доброе, и прекрасное, и все, о чемъ мы сейчасъ разсуждали, не существовало, а происходило?

Теэт. Когда слушаю, какъ излагаешь это ты,—нравит-

ся: твое изложеніе представляется удивительно основательнымъ и должно быть принято.

Сокр. Такъ не опустимъ же того, что остается еще раз-Е. смотреть. А остаются сновидѣнія ¹, болѣзни,—какъ прочія, такъ и сумасшествіе,—и все, что называется недостаткомъ слуха, зрѣнія и иныхъ чувствъ. Вѣдь ты, вѣроятно, знаешь, что всѣмъ этимъ обыкновенно обличаются сейчасъ разсмотрѣнные нами основанія; потому что въ такихъ случаяхъ 158. чувства у насъ бываютъ всего болѣе ложны, и являющееся тогда каждому изъ нихъ далеко не то, что дѣйствительно есть, а совершенно напротивъ,—что представляется имъ, того вовсе нѣтъ.

Тезт. Ты говоришь, Сократъ, очень справедливо.

Сокр. Какое же основаніе остается тому, дитя мое, кто знаніе поставляетъ въ чувствѣ и утверждаетъ, что являющееся каждому чувству то и есть, чѣмъ является?

Тезт. Я затрудняюсь сознаться, Сократъ, что не въ состояніи ничего сказать, такъ какъ ты теперь только укорилъ меня за такой отвѣтъ; хотя по правдѣ-то не могу сомнѣваться въ томъ, что сумасшедшіе и сновидцы имѣютъ лож-В. ные представленія, когда одни изъ нихъ считаютъ себя богами, другіе—пернатыми и во снѣ летающими.

Сокр. А не имѣешь ли ты въ виду и вотъ какого спора ихъ, особенно когда говорятъ они о снѣ и бодрствованіи?

Тезт. Какого?

---

¹ Платонъ объясняетъ здѣсь ученіе Протагора, вѣроятно, такъ, что пользуется доказательствами, не слишкомъ далекими отъ доказательствъ, приводимыхъ самимъ Протагоромъ. Но вотъ теперь могутъ, въ опроверженіе его теоріи, указать на сновидѣнія, болѣзни, сумасшествіе, въ которыхъ чувства, очевидно, обманываютъ насъ. Это возраженіе разрушается Платономъ такъ. Каковъ я, говоритъ онъ, который чувствую, таковы и мои ощущенія. Если въ болѣзни или сумасшествіи вино кажется мнѣ горькимъ, то оно въ эту минуту таково и есть, какимъ представляется; ибо быть и казаться—одно и то же. Вѣдь ничѣмъ нельзя доказать, что представленія спящихъ или сумасшедшихъ ложны; да и нѣтъ очевидныхъ признаковъ, которыми можно бы отличить состояніе бодрствующаго отъ состоянія спящаго. Здѣсь нѣтъ основанія въ пользу истины. Основаніе же сужденія о ней по меньшей продолжительности болѣзней—недостаточно.

Сокр. Тебѣ, думаю, случилось уже много разъ слышать вопросъ: какимъ доказательствомъ можно подтвердить слова того, кто изслѣдовалъ бы, что теперь, въ настоящую минуту, спимъ ли мы, и обо всемъ, о чемъ разсуждаемъ, разсуждаемъ ли во снѣ, или бодрствуемъ, и то, что между собою говоримъ, совершается на яву?

Теэт. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ затруднишься, Сократъ, какимъ тутъ воспользоваться доказательствомъ; потому что все въ этомъ случаѣ хотъ и обратно противоположно, а идетъ къ той же цѣли. О чемъ, на примѣръ, разговаривали мы теперь, о томъ самомъ, ничто не мѣшаетъ подумать намъ, будто разговариваемъ другъ съ другомъ во снѣ; и если когда мы пересказываемъ какой нибудь сонъ, то бываетъ удивительное сходство этого съ тѣмъ.

Сокр. Такъ видишь, споры-то заводить не трудно, когда D. спорятъ и о томъ, во снѣ ли что бываетъ или на яву,—тѣмъ болѣе, что равно и время, въ продолженіе котораго мы спимъ и въ продолженіе котораго бодрствуемъ, и что, какъ въ то, такъ и въ это, душа наша усиливается мнѣнія настоящей минуты выставить всего болѣе истинными; такъ что равное время мы считаемъ дѣйствительнымъ то и это, и съ равною силою утверждаемъ одно и другое.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не то же ли надобно сказать о болѣзняхъ и неистовствѣхъ, кромѣ только времени, такъ какъ оно не равно?

Теэт. Правильно.

Сокр. Что же? долговременностію или кратковременностію опредѣлится истинное?

E. *Теэт.* Это было бы во всякомъ случаѣ смѣшно.

Сокр. Чѣмъ же инымъ можешь ты ясно доказать, которыя изъ этихъ мнѣній истинны?

Теэт. Не представляю.

Сокр. Слушай же меня, что стали бы говорить объ этомъ люди, полагающіе, что что всегда кому кажется, то для того, кому кажется, истинно. Говорить начинаютъ они,

какъ я думаю, предложеніемъ вотъ какого вопроса: Тээтеть! по всему другое неужели будетъ имѣть силу ту же самую съ другимъ?—И не должно думать, что предметъ, о которомъ спрашивается, отчасти тотъ же, отчасти другой, но всецѣло другой.

Тээт. Тамъ, конечно, нельзя быть чему нибудь тѣмъ же, ни въ силѣ, ни въ иномъ чемъ либо, гдѣ совершенно другое. 159.

Сокр. Такъ не необходимо ли согласиться, что это будетъ и не подобно?

Тээт. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно, если случится чему быть подобнымъ либо не подобнымъ, себѣ ли то, или иному, —уподобляющееся мы назовемъ тѣмъ же, а не уподобляющееся—другимъ?

Тээт. Необходимо.

Сокр. А не сказали ли мы прежде ¹, что есть много, и неисчислимо много, такого, что дѣйствуетъ, равно какъ и такого, что страдаетъ?

Тээт. Да.

Сокр. И если при этомъ иное смѣшается съ инымъ и инымъ, то родить не то же, а другое?

Тээт. Конечно.

В.

Сокр. Давай же говорить о мнѣ, о тебѣ и о всякомъ,—хотя бы, на примѣръ, о Сократѣ здоровомъ и о Сократѣ больномъ. Этотъ подобенъ ли, скажемъ, или не подобенъ тому?

Тээт. То ли ты говоришь, что цѣлаго больного Сократа сравниваешь съ тѣмъ цѣлымъ здоровымъ Сократомъ?

Сокр. Прекрасно понялъ. Я говорю это самое.

Тээт. Такъ не подобенъ.

Сокр. Слѣдовательно, какъ не подобенъ онъ, то и другой?

¹ Доказательство идетъ такъ: Что совершенно отлично отъ другаго, то ни съ которой стороны не можетъ быть тѣмъ же, чѣмъ другое. Но дѣятельныя начала безчисленны, равно какъ и страдательныя; слѣдовательно, примѣшивающееся къ тому или этому произведетъ не то же, а различное. На примѣръ, нѣчто дѣятельное, встрѣчаясь съ Сократомъ въ здоровомъ его состояніи, породитъ что либо иное, чѣмъ если бы встрѣтилось оно съ Сократомъ больнымъ.

Тезт. Необходимо.

С. *Сокр.* Скажешь то же и о спящемъ, видно, и о всемъ, о чемъ мы сейчасъ разсуждали?

Тезт. Скажу.

Сокр. Такъ всякая вещь, имѣющая способность что нибудь дѣлать, какъ скоро захватить Сократа здоровымъ, подѣйствуетъ на меня, какъ на другаго, а когда больнымъ, какъ на другаго?

Тезт. Почему же не быть этому?

Сокр. И съ обѣихъ сторонъ произведемъ мы другое,—я страдающій и та дѣйствующая?

Тезт. Какъ же.

Сокр. Когда я пью вино въ состояніи здоровья, не представляется ли оно мнѣ пріятнымъ и сладкимъ?

Тезт. Да.

Д. *Сокр.* Потому что, согласно съ прежними соглашеніями, дѣйствующее и страдающее производятъ сладость и чувство, и оба эти произведенія приходятъ въ совмѣстное движеніе: чувство, исходя отъ страдающаго, дѣлаетъ чувствующимъ языкъ; а сладость, принадлежа вину и движась вокругъ него, дѣлаетъ то, что вино бываетъ и представляется здоровому языку сладкимъ.

Тезт. Прежнія наши соглашенія были, конечно, таковы.

Сокр. А когда Сократъ боленъ, не правда ли, что вино съ перваго же раза застааетъ его по истинѣ не тѣмъ? Вѣдь подходитъ-то оно къ не подобному.

Тезт. Да.

Е. *Сокр.* Тогда и Сократъ въ такомъ состояніи, и питье вина, конечно, произведутъ другое: относительно къ языку—чувство горечи, а относительно къ вину—происходящую и движущуюся горечь; и вино будетъ не горечью, а горько, а же—не чувствомъ, а чувствующимъ.

Тезт. Совершенно такъ.

Сокр. И я, чувствуя такъ, никогда не сдѣлаюсь инымъ; потому что у иного—иное чувство, а иное чувство дѣлаетъ

измѣненнымъ и инымъ того, кто чувствуетъ. Да и дѣй- 160.
ствующее на меня, сошедшися съ инымъ чѣмъ либо и про-
извода то же, не останется такимъ же; потому что, отъ иного
раждая иное, оно сдѣлается измѣненнымъ.

Тезт. Такъ.

Сокр. Ни я самъ для себя, ни то само для себя не будетъ
такимъ.

Тезт. Конечно, не будетъ.

Сокр. Вѣдь когда я чувствую, чувствовать-то мнѣ необ-
ходимо что нибудь; потому что быть чувствующимъ и ни-
чего не чувствовать невозможно. Да и то бываетъ въ от-
ношеніи къ чему нибудь, что бываетъ или сладкимъ, или В.
горькимъ, или чѣмъ либо такимъ; потому что сладкому ни
для чего не быть сладкимъ нельзя.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ остается намъ, думаю, если существуемъ,
существовать, если бываемъ, бывать одно для другаго; по-
тому что необходимость хотя и связываетъ нашу сущность,
однакожь связываетъ ее не съ чѣмъ инымъ, и не съ нами
самими. Слѣдовательно, намъ остается быть связанными толь-
ко взаимно; такъ что если называютъ что либо существую-
щимъ, или бывающимъ, то надобно говорить, что это су-
ществуетъ или бываетъ въ отношеніи къ чему нибудь,
отъ чего нибудь, для чего нибудь; а что есть нѣчто суще-
ствующее или бывающее само по себѣ,—того, какъ показы-
ваетъ изложенное нами разсужденіе, не слѣдуетъ ни самому
говорить, ни отъ другаго принимать. С.

Тезт. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Такъ не правда ли, что дѣйствующее на меня на-
ходится въ отношеніи ко мнѣ, а не къ иному чему либо,
и что я чувствую его дѣйствіе, а не иной кто нибудь?

Тезт. Какъ же иначе?

Сокр. Слѣдовательно, мое чувство вѣрно для меня; потому
что оно всегда принадлежитъ моей сущности. И я, по Прота-

гору, судья какъ сущаго во мнѣ, поколику оно существуетъ, такъ и не сущаго, поколику оно не существуетъ.

Теэт. Походить.

Д. *Сокр.* И такъ, если я не ошибаюсь и не сбиваюсь съ пути мыслию относительно сущаго или бывающаго, то какъ мнѣ не знать того, что я чувствую?

Теэт. Никакъ нельзя не знать.

Сокр. Стало быть, ты прекрасно сказалъ, что знаніе есть не иное что, какъ чувство: къ этому приходитъ оно и по Омиру ¹, Гераклиту и ихъ послѣдователямъ,—что все течетъ на подобіе рѣки; къ этому—и по мудрѣйшему Протагору,—что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; къ этому—и по Теэтету, **Е.** что если такъ, то познаніе есть чувство. Не правда ли, Теэтеть? Скажемъ ли, что это-то—какъ бы вновь тобсю рожденное и мною воспринятое дитя? Или какъ будешь говорить?

Теэт. Необходимо такъ, Сократъ.

Сокр. Каковъ бы ни былъ этотъ плодъ, мы однакожъ, какъ видно, кое-какъ родили его. Но послѣ родовъ надобно намъ своимъ словомъ по надлежащему обѣжать вокругъ оба соединенныя съ ними поприща ², и смотрѣть, чтобы рожденное не скрыло отъ насъ чего нибудь недостойнаго питанія, чего нибудь пустаго и ложнаго. Или ты думаешь, что твое непременно надобно воспитывать, а не выкидывать? Будешь ли ты смотрѣть терпѣливо, какъ станутъ испытывать его, и не разсердишься ли сильно, если отнять у тебя этого какъ бы твоего первенца?

Теод. Теэтеть будетъ терпѣливъ, Сократъ; потому что

¹ См. р. 152 D—E.

² Пятый день по рожденіи младенца у грековъ считался торжественнымъ. Тогда женщины, исполнявшія должность повивальныхъ бабокъ при родильницѣ, очистивъ руки торжественнымъ обрядомъ, носили младенца около очага. Въ десятый же день новорожденнымъ давали имена. См. Suidas in v. Ἀμφιδρόμα. Athenaeus, Deipn. IX, 2, p. 370 sq. Поэтому Сократъ, принявъ на себя должность повивальной бабки, весьма кстати теперь говорить, что ему слѣдуетъ совершить ἀμφιδρόμα τῷ λόγῳ.

вовсе не упоренъ. Но говори, ради боговъ. Неужели опять не такъ?

Сокр. Ты подлинно охотникъ до разсужденій, и очень добръ, Θεодоръ, если думаешь, будто я какой мѣшокъ рѣчей, и будто мнѣ легко вынуть изъ него одну и сказать, что раскрытое мнѣніе не годится. Ты не обращаешь вниманія В. на происходящее и не замѣчаешь, что всякое разсужденіе выходитъ не отъ меня, а отъ моего собесѣдника; я же ничего больше не знаю, кромѣ малости,—принимать всякое слово отъ другаго мудреца и скромно разсматривать его. Вотъ и теперь я буду допытываться этого отъ него, ничего не говоря самъ.

Θεод. Ты прекрасно говоришь, Сократъ; такъ и дѣлай.

Сокр. Знаешь ли, Θεодоръ, чему удивляюсь я въ другѣ твоёмъ Протагорѣ?

Θεод. Чему?

Сокр. Прочее, что онъ сказалъ, мнѣ очень нравится,—что, напимѣръ, всякому кажется, τὸ и есть; но началу его слова я удивился: почему, начиная свою Истину ¹, не сказалъ онъ, что мѣра всѣхъ вещей есть свинья, кинокефаль, или иное, еще болѣе странное изъ чувствующихъ животныхъ. Такое начало говорило бы намъ великолѣпно и весьма презрительно, показывая, что, тогда какъ мы удивляемся этому человѣку за его мудрость, будто Богу, онъ по своему разумѣнію не лучше не только прочихъ людей, но и лягушечьяго D. помета. Или какъ скажемъ, Θεодоръ?—Вѣдь если для каждаго истинно будетъ то, что представляется его чувству, и одинъ не въ силахъ лучше обсудить состояніе другаго и основательнѣе изслѣдовать его мнѣніе, правильно оно или ложно,

¹ Слово «Истину» мы означили прописною буквою, ибо не сомнѣваемся, что здѣсь указывается на сочиненіе Протагора, озаглавленное словомъ Ἀλήθεια. Это подтверждаетъ и Схολіастъ: τὸ τοῦ Πρωταγόρου σύγγραμμα, ἐν ᾧ ταῦτα δοξάζει, Ἀλήθεια ἐκαλεῖτο ὑπὸ Πρωταγόρου. Это же доказывается и мѣстомъ въ Кратилѣ (р. 386 C sq.), и слѣдующими ниже (р. 162 A) словами въ Теэтетѣ: εἰ ἀληθὴς ἡ ἀλήθεια Πρωταγόρου, ἀλλὰ μὴ παίξουσα ἐκ τοῦ αὐτοῦ τῆς βίβλου ἐφερέγματο.

но, какъ уже много разъ сказано, всякій о своемъ будетъ думать только самъ, и всѣ эти думы правильны и истинны; Е. то почему, другъ мой, Протагоръ-то былъ бы мудръ, такъ что справедливо удостоился за большую цѣну учить другихъ, а мы были бы невѣжественнѣе его и должны ходить къ нему,—когда всякій самъ есть мѣра своей мудрости? Какъ не скажешь, что это говорить онъ въ угодность народу? О себѣ и о моемъ повивальномъ искусствѣ я молчу: сколько смѣху возбуждаемъ мы, да и вся, думаю, метода діалектическая! Вѣдь изслѣдывать и рѣшаться обличать представленія и мнѣнія другъ друга, когда у всякаго они правильны, не значить ли вдаваться въ длинную и нескончаемую болтовню,—если Истина Протагора—истина, если изъ глубины своей книги провѣщавалъ онъ намъ не шутя?

Теод. Сократъ! Протагоръ дѣйствительно мнѣ другъ, какъ ты сейчасъ сказалъ. Поэтому я не рѣшился бы, соглашаясь съ тобою, обличать его, да не хотѣлъ бы противорѣчить и тебѣ противъ моего убѣжденія. Такъ возьми опять Теэтета, который, казалось, и теперь слушалъ тебя очень внимательно.

В. *Сокр.* Неужели, Θεодоръ, пришедши хоть бы въ лакедемонскія ¹ палестры, ты сталъ бы смотрѣть на другихъ—обнаженныхъ, и нѣкоторыхъ—худыхъ, а самъ не раздѣлся бы и не показалъ за то своего вида?

Теод. Но почему тебѣ кажется, что я не убѣдилъ бы ихъ, если бы они стали предлагать мнѣ это? Такъ-то думаю я убѣдить теперь и васъ, чтобы вы позволили мнѣ быть только зрителемъ, а не волокни меня высохшаго въ гимназію—бороться съ человѣкомъ, который и моложе и сочнѣе, чѣмъ я.

Сокр. А если тебѣ, Θεодоръ, это любо, то и мнѣ не про-

---

¹ «Лакедемоняне первые обнажались и, вышедши на средину, для гимназическихъ упражненій жирно намазывались» (Thucyd. 1, 6). Этому предмета Платонъ касается также De Rep. V, p. 452 С.

тивно ¹, какъ говорятъ люди, выражающіеся пословицами. С. И такъ надобно снова обратиться къ мудрому Теэтету ². Скажи же, Теэтетъ: во первыхъ, какъ это мы сейчасъ разсматривали, не удивляешься ли ты вмѣстѣ со мною, что вдругъ явишься въ мудрости нисколько не хуже не только какихъ бы то ни было людей, но и боговъ? Или Протагорова мѣра меньше, думаешь, принадлежитъ богамъ, чѣмъ людямъ?

Теэт. Этого, клянусь Зевсомъ, я не думаю, и очень удивляюсь тому, о чемъ ты спрашиваешь. Когда мы разсматривали, какъ это говорятъ, что кому что кажется, то и есть для того, кому кажется, тогда это положеніе мнѣ D. представлялось хорошимъ, а теперь вышло вдругъ противное.

Сокр. Потому что ты молодъ, любезное дитя, и оттого живо выслушиваешь ораторство ³ и убѣждаешься. Но къ этому Протагоръ, или иной кто за него, скажетъ: Благородные дѣти и старцы! вы, сидя вмѣстѣ, разглагольствуете между собою и выводите на сцену боговъ, которыхъ, есть ли они, или ихъ нѣтъ, я изъемлю ⁴ изъ своихъ рѣчей и сочиненій. Слыша, что принимаетъ толпа, вы сами говорите E. то же: какъ страшно, если въ мудрости никто изъ людей

¹ Εἰ οὕτως σοὶ φίλον, οὐδ' ἐμοὶ ἐχθρόν,—пословица, встрѣчающаяся также у Аристотеля,—Erist. XXI, p. 98.

² Причина, по которой Сократъ называетъ Теэтета мудрымъ, видна изъ слѣдующихъ далѣе словъ. Кто относитъ знаніе къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, тотъ естественно не уступить никому имени мудреца; потому что, владѣя собственными чувствами, онъ поэтому такой же мудрецъ, какъ и всѣ, и никому не даетъ отчета въ своей мудрости.

³ Сократова рѣчь называется здѣсь δημηγορία, потому что произносящимъ ее представляется Протагоръ, чтобы показать себя и снискать благоволеніе народа. Такъ обыкновенно поступали народные ораторы.

⁴ Протагоръ о бытіи и природѣ боговъ писалъ въ выраженіяхъ, сильно обличавшихъ его сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Protagoras, говоритъ Цицеронъ, (De nat. deor. I, 12 и 23), sophistes temporibus illis vel maximus, cum in principio libri sui sic posuisset: De divis, neque ut sint, neque ut non sint, habeo dicere: Atheniensium jussu urbe atque agro est exterminatus, libri que ejus in concione combusti. По гречески передаетъ это Sext. Emp. Adv. mathem. p. 329. Diog. Laert. IX, 51: Περί μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι εἰθ' ὡς εἰσὶν εἰθ' ὡς οὐκ εἰσὶν. πολλὰ γὰρ τὰ κωλύοντα εἰδέναι, ἥτε ἀθλότης καὶ βραχύς ὢν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου.

ничѣмъ не будетъ отличатьея отъ какого бы то ни было скота! Но доказательства и необходимаго основанія не высказываете, а руководитесь правдоподобіемъ,—съ которымъ Θεодоръ, или кто другой изъ геометровъ, если бы захотѣлъ прибѣгать къ нему въ геометріи, не имѣлъ бы никакого значенія. Смотрите же, ты и Θεодоръ, относительно столь
163. важныхъ рѣчей будете ли вы держаться вѣроятія и правдоподобія.

Теет. Но не справедливо, Сократъ; ни ты, ни мы не сказали бы этого.

Сокр. Такъ надобно, какъ видно, разсмотрѣть иначе, уступая твоему и Θεодорову слову.

Теет. Конечно, иначе.

Сокр. Будемъ же разсматривать такъ: знаніе и чувство—одно ли и то же, или отличное? Вѣдь къ этому, кажется, направлялось все наше разсужденіе, и для этого тронули мы много такихъ странностей. Не такъ ли?

Теет. Безъ сомнѣнія.

В. *Сокр.* Согласимся ли мы, что все, постигаемое чувствомъ зрѣнія и слуха, есть вмѣстѣ и знаніе? Напримѣръ, прежде чѣмъ изученъ нами языкъ варваровъ, скажемъ ли, что не слышимъ, когда они говорятъ, или будемъ утверждать, что какъ скоро слышимъ, то и понимаемъ ихъ говоръ? Тоже опять, не зная буквъ и смотря на нихъ, будемъ ли настаивать, что не видимъ ихъ, или, когда видимъ, станемъ говорить, что знаемъ?

Теет. То-то самое въ нихъ, Сократъ, чтò видимъ и слышимъ, мы назовемъ знаніемъ: образъ, то есть, и цвѣтъ ихъ
С. видимъ и знаемъ; высокій и низкій тонъ ихъ слышимъ и вмѣстѣ знаемъ. Но чему относительно ихъ учатъ грамматисты и толкователи, того мы не чувствуемъ ни зрѣніемъ, ни слухомъ, и не знаемъ.

Сокр. Очень хорошо, Теэтеть, и спорить съ тобою въ этомъ отношеніи, чтобы ты усовершился, не слѣдуетъ.

Но смотри, вотъ подходитъ еще нѣчто, и наблюдай, какъ бы намъ отогнать это.

Теэт. Что такое?

Сокр. Слѣдующее. Если бы спросили: возможно ли, что бы кто, узнавъ нѣкогда что нибудь, и притомъ помня это D. самое и сохраняя, тогда какъ помнить, не зналъ того самаго, что помнить? Но я, кажется, многословлю. Вотъ мой вопросъ: правда ли, что узнавшій что нибудь не знаетъ того, когда помнить?

Теэт. Да какъ же это, Сократъ? Ты говоришь что-то чудовищное.

Сокр. Такъ не брежу ли я? Смотри-ка. Не говоришь ли ты, что видѣть есть чувствовать, и зрѣніе есть чувство?

Теэт. Говорю.

Сокр. По сказанному сейчасъ, видящій что нибудь не сдѣлался ли знатокомъ того, что видѣлъ?

Теэт. Да.

Сокр. Что же теперь? не называешь ли ты чего нибудь E. памятью?

Теэт. Да.

Сокр. Памятью ничего, или чего нибудь?

Теэт. Конечно, чего нибудь.

Сокр. Не такого ли чего нибудь, что узнано и почувствовано?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Такъ видѣвшій что нибудь иногда помнить это?

Теэт. Помнить.

Сокр. Хотя бы и зажмурился? Или, поступивъ такъ, забывается?

Теэт. Это-то, Сократъ, странно и сказать.

Сокр. Однако должно же, чтобы сберечь прежнее слово; 16 а иначе убѣжить.

Теэт. Да и я, клянусь Зевсомъ, подозреваю то же, только не довольно понимаю. Скажи же, какъ?

Сокр. Вотъ какъ: видящій, говоримъ, сдѣлался знатокомъ

того, что видитъ; ибо мы согласились, что зрѣніе, чувство и знаніе—одно и то же.

Тезт. Конечно.

Сокр. Но видящій-то и сдѣлавшійся знатокомъ того, что видѣлъ, если зажмурится, помнитъ это, конечно, однакожь не видитъ. Не такъ ли?

Тезт. Да.

В. *Сокр.* А не видѣть-то значить не знать: если кто видитъ, тотъ и знаетъ.

Тезт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно, выходитъ, что чего кто сдѣлался знатокомъ, того тотъ, если не видитъ, не знаетъ, и тогда, когда помнитъ. А это, скажемъ, было бы чудомъ, если бы случилось.

Тезт. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Такъ выходитъ, явно, что-то невозможное, если и знаніе и чувство ты назовешь однимъ и тѣмъ же.

Тезт. Вѣроятно.

Сокр. Стало быть, то и другое надобно назвать инымъ.

Тезт. Должно быть.

С. *Сокр.* Чѣмъ же бы еще могло быть знаніе? Надобно, какъ видно, говорить опять сначала. А между тѣмъ что тутъ будемъ дѣлать ¹, Теэтеть?

Тезт. Относительно чего?

Сокр. Мы оказываемся похожими на трусливаго пѣтуха; отскочили и поемъ прежде побѣды.

Тезт. Какъ это?

¹ Когда, по видимому, было уже опровергнуто мнѣніе тѣхъ, которыми αἰσθητικὴ καὶ ἐπιστημὴ принималась за одно,—Сократъ вдругъ велитъ поостеречься, чтобы не позволить себѣ торжествовать прежде побѣды; вѣдь доказательства противъ этого ученія, можетъ быть, можно опровергнуть, или по крайней мѣрѣ ослабить. Въ самомъ дѣлѣ, переставъ опровергать Протагорово мнѣніе, Сократъ опять переходитъ на сторону своихъ противниковъ и показываетъ, какимъ образомъ дѣло ихъ можетъ быть поддержано. О обычаяхъ грековъ, особенно же афинянъ, воспитывать пѣтуховъ и пускать ихъ въ бой известно всякому (см. Plat. Hurr. Maj. p. 295 D; Lysid. p. 211 E; Legg. VII, p. 789 B; Aristoph. Acharn. v. 166. Avv. v. 70 etc.).

Сокр. Мы походимъ на тѣхъ спорщиковъ ¹, которые соглашаются между собою относительно принятаго ими значенія именъ и такимъ образомъ въ разсужденіи любятъ брать верхъ. Называя себя не борцами, а философами, мы и не сознаемъ, что дѣлаемъ одно и то же съ тѣми сильными D. мужами.

Тезт. Я еще не понимаю, какъ ты говоришь.

Сокр. А вотъ постараюсь объяснитьсь относительно того, что думаю-то. Вѣдь мы спрашивали, дѣйствительно ли тотъ, кто узналъ и помнить что либо, не знаетъ, и доказавъ, что видѣвшій и зажмурившійся помнить, хотя не видитъ, заключили, что не видѣвшій есть вмѣстѣ и помнящій: а это невозможно. Такимъ образомъ положеніе Протагорovo и твое, что знаніе и чувство—одно и то же, потеряно.

Тезт. Явно.

E.

Сокр. Но не было бы, думаю, потеряно, другъ мой, если бы отецъ этого положенія былъ живъ: онъ сильно защитилъ бы его; а теперь надъ сиротою-то мы издѣваемся. Да вотъ и оставленные Протагоромъ попечители, изъ которыхъ одинъ—этотъ Θεодоръ, не хотятъ помочь ему. Такъ должно быть, ради справедливости, мы сами окажемъ ему помощь.

Θеод. Попечитель его не я, Сократъ, а болѣе Калліасъ ², 165. сынъ Иппоника. Мы же отъ простыхъ рѣчей скоро какъ-то уклонились къ геометріи. Впрочемъ все-таки будемъ тебѣ благодарны, если поможешь ему.

¹ Мы походимъ, говорить Сократъ, на тѣхъ рьяныхъ и изворотливыхъ спорщиковъ, которые, условившись между собою въ значеніи именъ, двусмысленностію ихъ опровергаютъ мнѣніе противника. Кто таковы ἀντιλογικοί, объяснено въ Федонѣ (р. 101 E). Еще же яснѣе поставляются здѣсь на видъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, которые пускались въ разныя словесныя хитрости, хватаясь то за то, то за другое значеніе слова. И такъ, Сократъ показываетъ, что протагорейцы могутъ помочь своему мнѣнію тогда, когда съ извѣстными словами будутъ соединять иное значеніе.

² О Калліасѣ, афинскомъ богачѣ, который изъ тщеславія давалъ въ своемъ домѣ пріютъ Протагору и другимъ софистамъ, см. Plat. Protagor. p. 311 A; Cratyl. p. 391 A.

Сокр. Прекрасно говоришь, Θεодоръ. Вникай же въ мою-то помощь. Вѣдь кто не будетъ обращать вниманія на тѣ слова, которыми мы большею частію привыкли утверждать и отрицать, тотъ можетъ давать согласіе на положенія, еще ужаснѣе сейчасъ допущенныхъ.

В. *Θεод.* Обращайся къ намъ обоимъ, но отвѣчаетъ пусть младшій; потому что ошибаться ему менѣе неприлично.

Сокр. Такъ я предлагаю ужаснѣйшій вопросъ. Онъ, думаю, что-то такое: возможно ли, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ, зная нѣчто, не зналъ того, чтò знаетъ?

Θεод. Что будемъ отвѣчать на это, Теэтеть?

Теэт. Я-то думаю, что, вѣроятно, невозможно.

Сокр. Да, если видѣніе-то сочтешь знаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлаешь ты съ этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ, держимый имъ, по пословицѣ, будто въ колодезѣ ¹, когда какой смѣльчакъ, зажавъ рукою одинъ твой глазъ, спросить:

С. видишь ли ты зажатымъ глазомъ свое платье?

Теэт. Не скажу, думаю, этимъ-то; но другимъ—конечно.

Сокр. Такъ правда ли, что то же самое ты видишь и не видишь?

Теэт. Какъ-то такъ.

Сокр. Не этого требую я, скажетъ онъ, и не о томъ спрашиваю—какъ, а *то ли*:—правда ли, то есть, что чтò ты знаешь, того и не знаешь? Теперь тебѣ представляется, что чего не видишь, тò видишь. Но ты уже согласился, что видѣть значитъ знать, а не видѣть—не знать. Заключай же изъ этого, чтò у тебя выходитъ.

Д. *Теэт.* Я заключаю, что изъ моего положенія вытекають противныя слѣдствія.

Сокр. А вѣдь можетъ быть, почтеннѣйшій, что ты испытываешь и много такихъ затрудненій, если кто спросить

¹ Пословица: ἐν φρέατι συνήχεσθαι, держать связаннымъ въ колодезѣ, примѣняется къ тѣмъ, которые поставлены въ такое затрудненіе, что высвободиться изъ него никакъ не могутъ (см. р. 174 С).

тебя: можно ли знать одно и то же остро и тупо, вблизи знать, а издали не знать, знать твердо и слегка, и будетъ предлагать другіе безчисленные вопросы,—которыми этотъ пращникъ¹, вдающійся въ споры по найму, закидаетъ тебя изъ своей засады, какъ скоро ты положишь, что знаніе и чувство—то же самое: нападаая на твой слухъ, на твое обоняніе и на прочія чувства, онъ будетъ опровергать тебя настойчиво и не отпустить, пока, связанный имъ, ты не удивишься многожеланной его мудрости и, попавшись къ Е. нему въ руки, запутавшись въ его сѣти, не откупишься деньгами, сколько нужно будетъ ихъ по твоему и его мнѣнію. Но ты, можетъ быть, скажешь: какимъ же словомъ Протагоръ поможетъ своимъ положеніямъ? Не попытаться ли показать это?

Тезт. Конечно.

Сокр. Все, что мы говоримъ съ цѣлію помочь ему, онъ, думаю, соберетъ въ одно, и, выражая намъ презрѣніе, скажетъ: 166. Этотъ добрякъ Сократъ,—когда какой-то ребенокъ, испуганный его вопросомъ: возможно ли, чтобы одинъ и тотъ же одно и то же помнилъ и не зналъ, отъ страха отвѣчалъ отрицательно, потому что не могъ предвидѣть слѣдствій,—въ своихъ разсужденіяхъ поднялъ на смѣхъ меня. А это, пустѣйшій Сократъ, бываетъ у тебя вотъ какъ: когда ты котороенибудь изъ моихъ положеній изслѣдываешь чрезъ вопросъ, и спрошенный, отвѣтивъ, какъ отвѣтилъ бы я, ошибается, тогда опроверженъ; а какъ скоро иначе,—опроверженъ В. самъ спрошенный. Между тѣмъ согласится ли, думаешь, ктонибудь съ тобою, что память о впечатлѣніяхъ удерживаетъ впечатлѣнія такими, каковы они были, когда воспринимались, у того, къмъ болѣе не воспринимаются?—Далеко не такъ. Или опять, усумнится ли ктонибудь допустить, что воз-

¹ Ловкій тотъ спорщикъ сравнивается съ легко вооруженнымъ наемнымъ воиномъ. Здѣсь, очевидно, разумѣется софистъ, который, пуская въ ходъ свое остроуміе, будто какой торгашъ, прианеваетъ къ своему ученію другихъ и общаетъ имъ важную пользу.

можно одно и то же знать и не знать? Или, если побоится этого, уступить ли когданибудь, что измѣнившійся будетъ тотъ самый, какимъ былъ до измѣненія? Скорѣе ли допустимъ, что есть которыйнибудь, а не которыенибудь, и эти не дѣлаются безчисленными, какъ скоро происходитъ измѣненіе,—

C. если ужъ ловли именъ-то должно избѣгать? Нѣтъ, почтеннѣйшій, скажетъ онъ, къ тому, что я говорю, приступай честно: докажи, если можешь, что у каждаго изъ насъ не особыя свои чувства; или, когда они и особыя, все-таки являющееся представляется не ему одному; или, если надобно называть чтонибудь бытіемъ, все-таки являющееся есть бытіе не для него одного. А что ты говоришь о свинѣ и кинокефалѣ, то не только самъ свинствуешь, но и слу-

D. шателей своихъ располагаешь дѣлать то же относительно моихъ сочиненій,—и такой поступокъ твой не хорошъ. Конечно, я утверждаю, что истина такова, какъ она описана мною: что, то есть, каждый изъ насъ есть мѣра существующаго и не существующаго, и одинъ отъ другаго этимъ самымъ дѣйствительно до безконечности различенъ, такъ какъ для одного есть и является то, для другаго—иное; но я далеко отъ того, чтобы не признавать ни мудрости, ни человѣка мудраго; напротивъ, того самаго и я называю мудрецомъ, кто, если кому изъ насъ представляется и есть зло, помогаетъ это представляющееся и существующее превратить въ добро. Притомъ не привязывайся въ моемъ ученіи къ

E. слову, но узнай еще яснѣе, что я говорю, вотъ съ какой стороны. Припомни, наприимѣръ, что было сказано прежде: что, то есть, больному представляется горькою пища, которую онъ вкушаетъ, и что такова она и есть; а у здороваго бытіе и представленіе бываетъ противное. Мудрѣйшимъ изъ нихъ не слѣдуетъ почитать ни того ни другаго, да и невозможно,

167. ибо нельзя произнести приговоръ, будто больной невѣжда, когда такъ думаетъ, или будто здоровый мудръ, когда думаетъ иначе; но надобно измѣнить одно состояніе, потому что другое лучше. Такъ и въ дѣлѣ воспитанія,—надобно пере-

водить дитя изъ извѣстнаго состоянія въ лучшее. Но врачъ измѣняетъ состоянія лѣкарствами, а софистъ—разсужденіями. Впрочемъ имѣющаго какія нибудь мнѣнія ложныя никто не заставитъ впослѣдствіи держаться мнѣній какихъ либо истинныхъ; потому что ни не существующаго, ни другаго чего, кромѣ того, чѣмъ кто впечатлѣнъ, нельзя ввести въ мнѣніе; а впечатлѣнное всегда истинно. Я думаю, что у в. людей, имѣющихъ мнѣнія въ худомъ состояніи души, сродное ей мнѣніе доброе возбуждаетъ другія такія же,—и вотъ иные, по неопытности, называютъ ихъ истинными представленіями; а я признаю одни только лучшими другихъ, но нѣкоторыхъ не считаю самыми истинными. И мудрецовъ, любезный Сократъ, я называю далеко не лягушками, но относительно къ тѣлу—врачами, а относительно къ растительности—земледѣльцами. Вѣдь с. и земледѣльцы, когда растенія ихъ хвораютъ, по моему мнѣнію, вмѣсто худыхъ чувствъ, доставляютъ имъ хорошія, здоровыя и истинныя, а мудрые-то и добрые риторы тоже городамъ, вмѣсто худыхъ мнѣній, внушаютъ добрыя и справедливыя. Въ самомъ дѣлѣ, что каждому городу кажется справедливымъ и похвальнымъ, то и есть для него справедливое и похвальное, пока онъ такъ думаетъ: а мудрецъ, вмѣсто худаго существующаго въ немъ мнѣнія и бытія, внушаетъ ему доброе. Подобно этому и софистъ, имѣющій силу такъ руководствовать воспитывающееся юношество, для воспитанныхъ D. имъ есть мудрецъ, достойный многихъ денегъ. Такимъ образомъ одни становятся мудрѣе другихъ, но никто не имѣетъ понятія ложнаго, и ты, хочешь или не хочешь, а долженъ сдѣлаться мѣрою; потому что такъ только сохраняется это ученіе. Если тебѣ угодно оспаривать его съ самаго начала, оспаривай,—изложи свое мнѣніе въ непрерывной рѣчи; а когда хочешь посредствомъ вопросовъ,—посредствомъ вопросовъ; потому что человѣку умному не надобно избѣгать и этого способа, но должно болѣе всего преслѣдовать его. Дѣлай же пожалуй такъ; но не обижай своими вопросами. Потому что весьма несообразно—говорить, будто равнуешь E.

о добродѣтели, а между тѣмъ ничего не домогаться въ разсужденіи, кромѣ обиды. Обида же состоитъ здѣсь въ томъ, когда бы кто вель бесѣду скорѣе какъ противникъ, нежели какъ собесѣдникъ: въ первомъ случаѣ онъ шутилъ бы и вводилъ, сколько можетъ, въ обманъ, тогда какъ въ разговорѣ ему надлежало бы быть серьезнымъ и поправлять собесѣдника, указывая ему тѣ только погрѣшности, въ которыя онъ впалъ

168. самъ по себѣ и вслѣдствіе прежней бесѣды. И вотъ если ты будешь дѣлать такъ, то собесѣдники твои, за свою опрометчивость и сомнѣніе, станутъ винить самихъ себя, а не тебя, послѣдуютъ за тобою и, питая къ тебѣ любовь, а къ себѣ ненависть, уйдутъ отъ себя къ философіи, чтобы, сдѣлавшись иными, отстать отъ тѣхъ, съ которыми были прежде. А когда будешь дѣлать противное этому, какъ дѣлаютъ многіе,—съ тобою случится тоже противное: въ слушателяхъ своихъ ты, вмѣсто философовъ, воспитаешь людей, которые будутъ нена-

В. видѣть это занятіе, какъ скоро станутъ постарше. Такъ если хочешь послушать меня, изслѣдывай, какъ и прежде было говорено, именно съ снисходительностію,—не враждебно и задорно, а благожелательно,—что мы говоримъ, когда заявляемъ, что все движется, и что всякому что кажется,—частный ли то будетъ человѣкъ, или городъ,—то и есть; изъ этого-то смотри, одно ли и то же—знаніе и чувство, или иное, а не изъ употребленія названій и именъ (какъ дѣлалъ ты сейчасъ), которыми многіе, привлекая ихъ къ че-

С. му придется, по требованію случая, поставляютъ другъ друга въ различныя затрудненія.—Эту-то, Θεодоръ, малую отъ малаго, по моимъ силамъ, приношу я помощь твоему другу; а если бы онъ самъ былъ живъ, то помогъ бы своимъ положеніямъ гораздо сильнѣе.

Θεод. Шутишь, Сократъ: напротивъ, ты очень мужественно помогъ этому человѣку.

Сокр. Ты хорошо говоришь, другъ мой. Скажи же мнѣ, замѣтилъ ли ты, какъ сейчасъ говорилъ Протагоръ и по-рицалъ насъ, что мы, разговаривая съ ребенкомъ, для опро-

верженія его положеній, пользуемся робостію ребенка, и, съ одной стороны, отзываясь объ этомъ какъ о насмѣшкѣ, а съ другой—величаясь мѣрою всѣхъ вещей, приказывалъ намъ разсуждать о его ученіи серьезно?

Θεод. Какъ не замѣтить, Сократъ.

Сокр. Что же? прикажешь послушаться его?

Θεод. И очень.

Сокр. А видишь ли, что здѣсь всѣ, кромѣ тебя,—ребята? Такъ если слушаемся того человѣка,—ученіе его должны серьезно разсматривать я и ты, спрашивая и отвѣчая другъ другу, чтобы въ томъ-то нельзя было обвинять насъ, будто мы изслѣдывали его положенія, играя съ дѣтьми.

Θεод. Что же? развѣ Теэтеть не лучше можетъ слѣдовать за разсматриваемымъ предметомъ, чѣмъ многіе съ большою бородою?

Сокр. По крайней мѣрѣ не лучше тебя-то, Θεодоръ. Такъ не думай, что, тогда какъ я долженъ всячески защищать умершаго твоего друга, ты не долженъ никакъ; нѣтъ, почетнѣйшій, слѣдуй-ка немного за предметомъ, до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ, тебѣ ли надобно быть мѣрою относительно геометрическихъ чертежей, или всѣ, такъ же какъ ты, достаточны для себя и въ астрономіи, и во всемъ, въ чемъ состоитъ твое отличіе. 169.

Θεод. Сидя подлѣ тебя, Сократъ, трудно не давать отчета. Я сейчасъ говорилъ вздоръ, полагая, что ты позволишь мнѣ не снимать одежды, и не станешь принуждать меня, какъ лакедемоняне; впрочемъ въ тебѣ, кажется, больше сходства съ Скиррономъ ¹. Лакедемоняне приказываютъ или удалиться, или раздѣться; а ты, по видимому, дѣлаешь дѣло скорѣе Антеево ²: подошедшаго къ тебѣ не отпускаешь, В.

¹ Тыходишь больше на Скиррона, который низвергалъ путешественниковъ со скалы, пока самъ не былъ убитъ Тезеемъ, отправлявшимся изъ Трезены въ Аены (см. Plutarch. Theb. 3; Diodor. IV, 61; Ovid. Met. VII, 446.

² Антей нѣкогда жилъ въ ливійской пещерѣ и всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ въ ту страну, вызывая съ собою на бой, умерщвлялъ. Но наконецъ

пока не принудишь его раздѣться и сразиться съ тобою на словахъ.

Сокр. Ты, въ самомъ дѣлѣ, отлично изобразилъ мою болѣзнь, Θεодоръ; только я крѣпче тѣхъ, потому что со мною встрѣчалось уже множество Иракловъ и Тезеевъ ¹, сильныхъ въ словѣ, и они очень больно били меня, а я все-таки не отступаю,—такая страшная вселилась въ меня любовь къ этому занятію. Не отказывайся же и ты помѣряться со мною и принести пользу какъ себѣ, такъ и мнѣ.

Θеод. Больше не противорѣчу: веди куда хочешь; опровергнутому всячески надобно въ этомъ отношеніи терпѣть судьбу, какую ты назначишь. Впрочемъ, конечно, не далѣе же того, чѣмъ предположено тобою, буду я въ состояніи ввѣрить себя твоему водительство.

Сокр. Довольно и этого. Но будь у меня особенно внимателенъ къ тому, чтобы, разговаривая, не допустить намъ безъ сознанія какого нибудь дѣтскаго рода разговоръ, и чтобы не стали насъ опять порицать за это.

Θеод. Да ужъ постараюсь,—по крайней мѣрѣ сколько могу.

Сокр. Возьмемъ же ², во первыхъ, снова за прежнее, и посмотримъ, правильно или неправильно досадовали мы и укоряли то разсужденіе, что оно по разумности дѣлало самодовлѣющимъ всякаго, тогда какъ Протагоръ согласился съ нами, что нѣкоторые, относительно лучшаго и худшаго, превосходятъ другихъ, и что эти именно—мудрецы. Не такъ ли?

онъ и самъ былъ схваченъ и задушенъ Геркулесомъ, когда послѣдній, похитивъ Геріоновыхъ быковъ, прибылъ въ Ливію.

¹ Разумѣеть софистовъ, сильно нападавшихъ на Сократа; таковы были Эвтидемъ и Діонисіодоръ, описанные въ діалогѣ, озаглавленномъ именемъ Эвтидема; таковъ Тразимахъ, изображенный въ книгахъ о Государствѣ; таковъ Калликлесъ, выставленный въ Горгіасѣ, и другіе подобные.

² То самое положеніе Протагора, которое Сократъ доселѣ такъ прекрасно объяснялъ и такъ тонко защищалъ, теперь снова вызывается на обсужденіе, чтобы сказать противъ него все, что можно. Теперь признается нужнымъ прежде всего изслѣдованіе, правильно или нѣтъ Протагоръ полагаетъ, что человѣкъ есть мѣра вещей.

Θεод. Да.

Сокр. И если онъ самъ лично соглашался, а не мы, по-могающіе, допустили это его именемъ, то признанное имъ не слѣдовало бы опять браться доказывать; но, можетъ быть, кто найдетъ, что мы не въ правѣ соглашаться за него. Посему хорошо будетъ ясъѣ условиться касательно настоящаго пункта; ибо не малое различіе, такъ ли быть этому, или иначе.

Θεод. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такое условіе кратчайшимъ образомъ возьмемъ мы 170. не иначе, какъ изъ собственныхъ словъ Протагора.

Θεод. Какъ?

Сокр. Вотъ какъ. Кажущееся всякому, говорить онъ,—это и есть для того, кому кажется.

Θεод. Конечно, говорить.

Сокр. Такъ вѣтъ и мы, Протагоръ, высказываемъ мнѣнія человѣка, или лучше—мнѣнія всѣхъ людей, и полагаемъ, что нѣтъ никого, кто въ одномъ не почиталъ бы себя мудрѣ прочихъ, а въ другомъ—прочихъ мудрѣ себя, и въ величайшихъ особенно опасностяхъ, когда возстаютъ бури, или на войнѣ, или въ болѣзняхъ, или на морѣ, не смотрѣлъ бы на правителей, въ своемъ родѣ, будто на боговъ, ожидая отъ В. нихъ спасенія и приписывая имъ превосходство не въ чемъ болѣе, какъ въ знаніи. Да и все человѣческое полно тѣмъ, что люди ищутъ учителей и правителей то для себя, то для прочихъ животныхъ и для подѣлокъ, въ той мысли опять, что они способны и учить, способны и управлять. А во всемъ этомъ что иное, скажемъ, скрывается, какъ не то, что люди признаютъ въ себѣ и мудрость и невѣжество?

Θεод. Не иное.

Сокр. Мудрость же не почитаютъ ли они истинною мыслію, а невѣжество—ложнымъ мнѣніемъ?

Θεод. Какъ же.

Сокр. Что же мы сдѣлаемъ, Протагоръ, съ твоимъ положеніемъ? Скажемъ ли, что мнѣнія у людей всегда справед-

ливы, или иногда справедливы, иногда ложны? Вѣдь изъ того и другаго, вѣроятно, слѣдуетъ, что они не всегда справедливы, но что бываютъ тѣ и эти. Смотри-ка, Θεодоръ, захотѣлъ ли бы кто изъ послѣдователей Протагора, или самъ ты, спорить, что никто не почитаетъ другаго ни невѣждою, ни человѣкомъ, питающимъ ложное мнѣніе?

Θеод. Невѣроятно, Сократъ.

D. *Сокр.* И однакожъ къ этой необходимости приходитъ положеніе, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей.

Θеод. Какъ же такъ?

Сокр. Когда ты, обсудивъ что нибудь самъ съ собою, открываешь мнѣ свое о чемъ либо мнѣніе, тогда это мнѣніе, по положенію Протагора, для тебя должно быть истиннымъ; а намъ-то, прочимъ, точно ли нельзя быть цѣнителями твоего сужденія, будемъ ли мы судить, что твое мнѣніе всегда вѣрно, или множество людей противопоставить тебѣ собственныя мнѣнія,—въ той мысли, что ты судишь и думаешь ложно?

E. *Θеод.* Клянусь Зевсомъ, Сократъ! въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ числа такимъ, какъ говоритъ Омиръ ¹, которые чрезвычайно обезпокоиваютъ меня.

Сокр. Что же? хочешь ли, скажемъ, что тогда ты, по твоему мнѣнію, говоришь правду, а по мнѣнію безчисленнаго множества людей,—ложь?

Θеод. Изъ твоихъ словъ это необходимо слѣдуетъ.

Сокр. Что же для самого Протагора? Если и самъ онъ не думалъ, что человѣкъ есть мѣра, и люди дѣйствительно такъ не думаютъ,—не необходимо ли, что ни для кого нѣтъ той истины, которую онъ написалъ? А когда самъ-то онъ думалъ, только толпа не раздѣляетъ его мыслей,—то знаешь ли, во первыхъ, что чѣмъ больше тѣхъ, которымъ не кажется, нежели тѣхъ, которымъ кажется, тѣмъ больше не существующаго, нежели существующаго?

¹ Odyss. π' v. 121; ρ' v. 422; τ' v. 78. Fischerus.

Теод. Необходимо, если съ каждымъ мнѣніемъ въ самомъ дѣлѣ будетъ соединяемо существованіе и несуществованіе.

Сокр. А потомъ вотъ и это великолѣпно. Протагоръ, вѣроятно, соглашается признавать истинными мнѣнія всѣхъ, которые противопологаютъ его мнѣнію свои собственныя и ими утверждаютъ его лживость.

Теод. Конечно.

Сокр. Такъ не соглашается ли онъ, что его мнѣніе ложно, в. если согласенъ, что тѣ говорятъ правду, которые признаютъ его ложнымъ?

Теод. Необходимо.

Сокр. Другіе-то не соглашаются, что они лгутъ?

Теод. Конечно, нѣтъ.

Сокр. А тотъ-то опять уступаетъ, судя по написанному имъ, что и это мнѣніе вѣрно?

Теод. Явно.

Сокр. Стало быть, со всѣхъ сторонъ, начиная съ Протагора, возникнетъ сомнѣніе, и онъ-то особенно допустить его. Когда будетъ положено, что мнѣніе того, кто говоритъ противное, справедливо, тогда и самъ Протагоръ согласится, с. что ни собака, ни любой человѣкъ не есть мѣра ни одной вещи, которая не познана. Не такъ ли?

Теод. Такъ.

Сокр. А если всё будутъ сомнѣваться, то Протагорова истина ни для кого не будетъ истинною,—ни для иного кого либо, ни для самого Протагора.

Теод. Мы уже слишкомъ, Сократъ, нападаемъ на моего друга.

Сокр. А между тѣмъ неизвѣстно, другъ мой, пройдетъ ли намъ это даромъ. Вѣдь, по всей вѣроятности, онъ какъ старше, то и мудрѣ насъ. Чтѣ, если вдругъ покажется онъ d. изъ земли по самую шею?—прежде чѣмъ опять погрузится и уйдетъ назадъ, вѣроятно, сильно побранить и меня, говорящаго вздоръ, и тебя, соглашающагося со мною? Такъ намъ необходимо, думаю, воспользоваться самими собою,

каковы мы ни есть, и что покажется, то всегда и говорить. Вотъ и теперь, иное ли что скажемъ, кромѣ слѣдующаго: кто бы то ни былъ, всякій согласится по крайней мѣрѣ въ томъ, что изъ людей бываетъ одинъ мудрѣе другаго, бываетъ и невѣжественнѣе?

Теод. И мнѣ то же кажется.

Сокр. Что жъ? устоять ли и такъ-то особенно то мнѣніе, кое торое мы изложили, помогая Протагору: что, то есть, многія вещи, какими кажутся, таковы и есть для каждаго,—теплыя, сухія, сладкія, и всякія того же рода? Вѣдь если по отношенію къ чему Протагоръ уступить, что одинъ человекъ преимущественнѣе другаго, то, конечно, по отношенію къ здоровому и болѣзненному, охотно скажетъ, что ни бабенка, ни мальчишка, ни звѣрекъ, не зная, что имъ здорово, не способны вылѣчить самихъ себя, и гдѣ какъ, а ужъ здѣсь-то одинъ будетъ превосходнѣе другаго.

Теод. Мнѣ кажется, такъ.

172. *Сокр.* То же и относительно дѣлъ политическихъ ¹: прекрасное и постыдное, справедливое и не справедливое, святое и не святое,—что изъ этого каждый городъ, по своимъ мыслямъ, полагаетъ законнымъ для себя, то для каждаго и есть на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не мудрѣе ни гражданинъ гражданина, ни городъ города. Но въ опредѣленіи полезнаго и не полезнаго для себя,—если гдѣ опять, то здѣсь Протагоръ согласится, что совѣтникъ превосходнѣе совѣтника и одно опредѣленіе города, для исправ. тины, превосходнѣе другаго, и не очень осмѣлится утверждать, будто что городъ по своимъ мыслямъ полагаетъ

---

¹ По мнѣнію Протагора, и общества, постановляющія что либо для себя, въ той мысли, что это полезно для нихъ, постановляютъ не въ самомъ дѣлѣ полезное и спасительное; даже надобно уступить ему, что между людьми, публично совѣтующими что либо или не совѣтующими, относительно къ пользѣ, велико различіе. Мнѣніе Протагора, какъ мы видѣли, было таково, что мудрецы не тѣмъ превосходятъ другихъ, что знаютъ истину лучше народа, а больше тѣмъ, что въ состояніи вѣрнымъ сужденіемъ отличить полезное отъ бесполезнаго и вреднаго.

полезнымъ для себя, то болѣе всего и принесетъ ему пользу. А тамъ, о чемъ говорю,—въ справедливомъ и не справедливомъ, въ святомъ и не святомъ,—рѣшаются настаивать, что, по природѣ, нѣтъ ничего, имѣющаго свою сущность, но все вообще бываетъ истиннымъ мнѣніемъ тогда, когда мнится и во сколько времени мнится. И люди-то, не совсѣмъ раздѣляющіе ¹ положеніе Протагора, какъ-то такъ проводятъ свое ученіе.—Но у насъ, Θεодоръ, къ разсужденію С. приводить ² другое разсужденіе,—къ меньшему большее.

Θеод. А развѣ намъ не досугъ, Сократъ?

Сокр. По видимому. Я и въ другое-таки время часто размышлялъ, почтеннѣйшій, но особенно теперь думаю, что людямъ, послѣ того какъ они много времени провели въ философіи, пришедши въ судъ, естественно казаться смѣшными ритораміи.

Θеод. Какъ это говоришь ты?

Сокр. Съ молодости толкающіеся въ судахъ и другихъ такихъ мѣстахъ, противъ людей, воспитанныхъ въ философіи и въ подобныхъ занятіяхъ, отличны по воспитанію едва ли не такъ же, какъ рабы противъ свободныхъ.

¹ То есть, люди, не совсѣмъ согласные съ Протагоромъ, что человѣкъ есть мѣра вещей, полагаютъ однакожь, что нѣтъ ничего по природѣ святаго, справедливаго, честнаго, и всякую добродѣтель и честность поставляютъ въ одномъ мнѣніи. Такимъ образомъ философъ показываетъ, что и другіе также не лучше думаютъ о добродѣтели, хотя и не соглашаются съ сужденіемъ Протагора объ истинѣ.

² Какъ скоро привзошла мысль объ управленіи государствомъ, говоритъ Сократъ, матерія для разсужденій увеличилась; ибо вмѣстѣ съ этимъ приходятъ ему на мысль философы и ораторы, до крайности неспособные къ несенію общественныхъ обязанностей. По этому поводу здѣсь, въ видѣ эпизода, излагается сравненіе политиковъ и философовъ. Во первыхъ, Сократъ описываетъ рабское состояніе народныхъ ораторовъ и низость ихъ чувствованій; такъ какъ, примѣняясь единственно къ обстоятельствамъ времени, они не могутъ свободно заниматься дѣлами, или разсуждать о вещахъ, достойныхъ знанія. Философы же, и притомъ лучшіе, чуждаются дѣлъ общественныхъ, за что народъ не имѣетъ къ нимъ никакого уваженія и даже обвиняетъ ихъ. Съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ говорится о неумѣннѣ философовъ нести общественныя обязанности, хорошо сравнить то, что излагается въ Горгіасѣ—р. 484 С sqq. и De Rep. VI. р. 487; VII, 517 D. Ораторы и философы сравниваются также въ Эвтидемѣ.

Θεод. Какъ это?

Сокр. Такъ, что у нихъ, какъ ты сказалъ, всегда есть досугъ, и они въ тишинѣ досуга разсуждаютъ. Подобно намъ, въ третій уже разъ теперь принимающимся за рѣчь послѣ рѣчи, и они, когда привзошедшая нравится имъ, какъ и намъ, больше, чѣмъ подлежащая, не заботятся, длинно или коротко говорить о ней, только бы найти истину. Но
 Е. говорящіе всегда при недосугѣ,—какъ бы увлекали ихъ водяные часы,—не позволяютъ себѣ разсуждать, о чемъ желали бы: тутъ стоитъ противникъ, съ своею необходимостію ¹ и съ читаемымъ обвиненіемъ; кромѣ этого ничего нельзя говорить, и это называютъ очною ставкою. Съ рѣчью здѣсь обвиняемый ² всегда обращается къ господину, сидящему и держащему въ рукѣ свитокъ правъ, и препирательствъ
 173. никогда не бываетъ о стороннемъ, а о самомъ дѣлѣ; часто подвизаются и изъ-за души. Въ числѣ этихъ случаются лювкрадчивые и острые, умѣющіе господину польстить словомъ и угодить дѣломъ,—души маленькія и неправыя. Вѣдь рабство съ молодости отнимаетъ у нихъ развитіе, прямогу и независимость, заставляя ихъ кривить и въ еще нѣжныя души вселяя великое опасеніе и страхъ; не умѣя совмѣщать этого страха и опасенія съ справедлостію и истинною, и тотчасъ обращаясь ко лжи и къ обидамъ другъ другу, они крайне искажаются и портятся; и такимъ образомъ, не
 В. имѣя ничего здраваго въ умѣ, изъ дѣтей становятся мужами, полными убѣжденія, что вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались они

¹ Н е о б х о д и м о с т ь ю, ἀνάγκη, Сократъ называетъ, можетъ быть, водяные часы, которыми опредѣлялось время для произнесенія рѣчи. При изложеніи просьбы, надлежало смотрѣть особенно на то, что относилось къ главному вопросу, а дѣлать отступленія не позволялось. Этотъ законъ особенно имѣлъ силу при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ. Lysias c. Sim. p. 163: ἔχομι δ' ἄν καὶ ἄλλα πολλὰ εἶπεῖν περὶ τοῦτου, ἀλλ' ἐπειδὴ παρ' ὀμίῳ οὐ νόμιμόν ἐστιν, ἔξω τοῦ πράγματος λέγειν, ἐκείνο ἐνδομεῖσθε.

² О б в и н я е м ы й, ὁμολούλος,—который защищаетъ себя; а г о с п о д и н ѣ, δεσπότης καθήμενος—судья. Отсюда судьи вообще назывались καθήμενοι. См. Thucyd. V, 55. Такъ какъ отъ воли судьи зависѣло весьма многое, то онъ именовался господиномъ ссорящихся.

сильными и мудрыми. Эти-то таковы, Θεодоръ; но хочешь ли, рассмотримъ и людей нашего сонма? или, оставивъ ихъ, опять возвратимся къ своему предмету, чтобы, какъ сейчасъ только говорили, не злоупотребить и намъ слишкомъ много свободою и измѣнчивостію рѣчей?

Θεод. Отнюдь нѣтъ, Сократъ;—разсмотримъ. Вѣдь ты очень хорошо сказалъ, что, обращаясь въ этомъ сонмѣ, не мы подчиняемся рѣчамъ; напротивъ, рѣчи—какъ бы наши слуги, с. и каждая изъ нихъ ожидаетъ, пока, по нашему произволению, она будетъ доведена до конца; ибо насъ, какъ поэтовъ, не укорить ни судья, ни зритель, и нѣтъ власти, намъ предписывающей.

Сокр. Будемъ, стало быть, если тебѣ такъ кажется, говорить только о корифеяхъ: ибо что можно сказать о тѣхъ-то, которые худо проводятъ жизнь въ философіи? А эти съ самой молодости не знаютъ дороги ни на площадь, ни туда, гдѣ d. находится судъ, или совѣтъ, или иное какое мѣсто общественнаго городского собранія; законовъ и опредѣленій, произносимыхъ или написанныхъ, и не видятъ и не слышатъ; стремление же къ партизанству для полученія правительственной должности, сходки, ужины, пирушки съ флейтщицами и во снѣ имъ не грезятся. Хорошо или худо чье нибудь состояніе въ городѣ, приключилось ли кому несчастіе чрезъ предковъ, либо отъ мужей, или женъ, это ему менѣе извѣстно, чѣмъ то, сколько, по пословицѣ, въ морѣ ведеръ ¹. И онъ даже не знаетъ, что всего этого не знаетъ; потому что e. чуждается такихъ познаній,—не ради молвы, а оттого, что въ городѣ находится и жительствоуетъ только его тѣло, а мысль почитаетъ все это маловажнымъ и ничтожнымъ, и, по сло-

¹ Сколько ведеръ въ морѣ, οἱ τῆς θαλάττης λεγόμενοι χόες: пословица, примѣняемая ἐπὶ τοῦ πολυμανθοῦς καὶ ἐμπείρου; такъ говоритъ Схолиастъ. По видимому, она имѣла такое же значеніе, какое и другая: arepas dinumerare posse. Themistius p. 97—116, ed. Dind.: διὰ τοῦτο ἀρα ὁ Πύθιος τῆς μὲν φάμμου τὸν ἀριθμὸν οὐκ ἐδίσταζεν ὁπόση εἴη, οὐδὲ τῆς θαλάττης τοὺς χόας.

вамъ Пиндара ¹, съ презрѣніемъ носясь всюду, измѣряетъ глубину и поверхность земли, возлетаетъ выше неба въ астрономіи и, внѣдряясь совершенно во всю природу каждаго существа, вообще не нисходитъ ни къ чему близкому.

Теод. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вѣдь такъ же, Θεодоръ, астрономничалъ и Θαเลสъ ², когда, смотря вверхъ, упалъ въ колодезь, а одна остроумная и шутливая еракійская служанка посмѣялась надъ нимъ и сказала: небесное-то домогается узнать, а что предъ глазами и подъ ногами у него, того не видитъ. Эта же насмѣшка приложима ко всѣмъ, которые проводятъ время въ философіи.

В. Такой человекъ, по истинѣ, не знаетъ ни ближняго, ни сосѣда,—не знаетъ не только, что онъ дѣлаетъ, но и человекъ ли онъ, или какая скотина. А между тѣмъ что такое человекъ, и что такой природѣ, преимущественно предъ другими, свойственно дѣлать или испытывать,—это онъ разыскиваетъ и изслѣдываетъ. Понимаешь, Θεодоръ, или нѣтъ?

Теод. Понимаю, и ты говоришь правду.

Сокр. Такъ вотъ такой-то, сносясь съ кѣмъ нибудь частно или публично, другъ мой, какъ я говорилъ вначалѣ, и будучи принужденъ, въ судѣ ли то, или въ другомъ мѣстѣ, разсуждать о предметѣ, находящемся подъ ногами или предъ глазами, возбуждаетъ смѣхъ не только въ еракіянкахъ, но и во всякомъ иномъ народѣ, когда, по неопытности, попадаетъ въ колодези и въ различныя затруднительныя обстоятельства; и этотъ срамъ, дающій понятіе о глупости, бываетъ ужасенъ. Вѣдь если бранять его, то онъ не находитъ въ себѣ возможности отвѣчать кому нибудь бранью, такъ какъ не знаетъ ни за кѣмъ ничего худаго, не занимавшись этимъ, и въ безъисходности своей оказывается смѣшнымъ;

¹ По словамъ Пиндара. Указывается на отрывокъ, недавно разобранный Беккомъ. Том. II, Р. II, р. 668 sq. Смыслъ Пиндаровыхъ словъ передаютъ: Clem. Al. V, р. 707; Euseb. Praepar. Ev. XII, р. 672 et al.

² Разсказъ объ этомъ можно читать у Диог. Л. I, 34.

а когда хвалятся и величаются другіе,—онъ является не Д. притворно, а дѣйствительно смѣющимся, и оттого кажется безумнымъ поносителемъ. Превозносятъ ли тиранна или царя,—ему представляется, что слышитъ онъ ублажаніе одного изъ пастуховъ, напримѣръ, свинопаса, или овчара, или какого нибудь волопаса, который выдаиваетъ много молока; только думаетъ, что животное у тѣхъ упрямѣе, и что тѣмъ опаснѣе пасти и доить его: а впрочемъ такого Е рода пастухъ, отъ недосуга, необходимо долженъ быть не менѣе дигъ и необразованъ, какъ и обыкновенные пастухи, обнесенный на своей горѣ стѣною, будто закономъ. Если же слышитъ онъ, что кто нибудь, пріобрѣтши десять тысячъ, или еще болѣе, плетровъ земли, владѣетъ удивительнымъ множествомъ; то ему кажется, что онъ слышитъ мелочи, потому что привыкъ смотрѣть на всю землю. Восхваляютъ ему и родъ, говоря, что у такого-то семь богатыхъ дѣдовъ: но онъ думаетъ, что это—похвала людей, смотрящихъ тупо и узко и, по невѣжеству, не могущихъ всегда 175. смотрѣть на все, и сосчитать, что дѣдовъ и прадѣдовъ у каждаго имѣлись несчетныя мириады, и что въ числѣ ихъ, у кого бы то ни было, часто являлись десятки тысячъ богатыхъ и бѣдныхъ, царей и рабовъ, варваровъ и эллиновъ. Хвалятся же спискомъ двадцати-пяти предковъ и возводятъ ихъ къ Ираклу, сыну Амфитріону, представляется ему чрезвычайно мелочностію; а что двадцать-пятый вверхъ В. отъ Амфитріона и пятидесятый отъ него самого былъ такимъ, какимъ быть ему пришлось, этому онъ смѣется, такъ какъ не могутъ они объ этомъ поразмыслить и освободиться отъ суетности несмысленной своей души. Такъ этотъ за все подобное бываетъ осмѣиваемъ толпою, поколику съ одной стороны кажется гордымъ, а съ другой—не знаетъ, что у него подъ ногами, и при всякомъ случаѣ впадаетъ въ затрудненіе.

Феод. Ты, Сократъ, дѣйствительно говоришь быль.

Сокр. А когда самъ-то онъ влечетъ кого нибудь вверхъ,

другъ мой ¹, и кто либо захотѣлъ бы, вышедши изъ среды С. вопросовъ: чѣмъ обидѣлъ я тебя, или ты меня? войти въ разсмотрѣніе самой справедливости и несправедливости, что такое каждая изъ нихъ, и чѣмъ отличаются онѣ отъ всѣхъ, либо одна отъ другой,—или, оставивъ вопросъ: счастливъ ли царь, пріобрѣтшій много золота? разсудить вообще о царствованіи, о человѣческомъ счастіи и бѣдности, каковы они, и какимъ образомъ человѣческой природѣ свойственно одно D. изъ нихъ пріобрѣтать, а отъ другаго убѣгать; тогда, какъ скоро тому малодушному, криводушному и сутяжливому человѣку надобно дать отчетъ, онъ обнаруживаетъ опять обратно противное (философу) свойство. Чувствуя головокруженіе, вися вверху и съ высоты смотря внизъ, онъ, по непривычкѣ, мучится, находится въ затрудненіи, косноязычествуетъ ² и возбуждаетъ смѣхъ не въ еракіянкахъ и не въ иномъ какомъ либо человѣкѣ необразованномъ, потому что они не замѣчаютъ этого, а во всѣхъ тѣхъ, которые получили воспитаніе, противное рабскому.—Таковъ-то характеръ того и другаго, Θεοδωρ: одинъ принадлежитъ чело- E. вѣку, воспитанному дѣйствительно въ свободѣ и въ досугѣ, и этого именно называешь ты философомъ, а для такого казаться простоватымъ не составляетъ вины, и ничего не значить, когда онъ бываетъ обязанъ къ рабскому служенію, не умѣтъ, напрімѣръ, ни приготовить дорожный вьюкъ, ни варить кушанье, ни произносить льстивыя рѣчи; а другой

¹ Влечь кого либо вверху, ἐλκύσαι ἀνω τινά, приписывается философу, который, отвлекая чью либо мысль отъ разсматриванія жизни ежедневной, возносить ее къ созерцанію вещей высшихъ, такъ какъ и самъ онъ всегда занятъ созерцаніемъ божественнаго, и къ этому стремится свободно, безъ всякаго принужденія.

² Здѣсь, вмѣсто βαρβαρίζων, я читаю βατταρίζων, потому что при глаголѣ βαρβαρίζειν стоящая причина τοῦ βαρβαρίζειν. ὑπὸ ἀηθείας, никакъ не можетъ быть его причиною; между тѣмъ τὸ βατταρίζειν дѣйствительно происходитъ ὑπὸ τῆς ἀηθείας. L u c. Lur. Tragoed. § 27: ἐν πληθει δὲ εἰπεῖν ἀτολμωτάτος ἐστίν, καὶ τὴν φωνὴν ἰδιώτης καὶ μισοβαρβαρος, ὥστε γέλωτα ὀφλοκάνειν διὰ τοῦτο ἐν ταῖς συνουσίαις, οὐ συνείρων, ἀλλὰ βατταρίζων καὶ ταρρατόμενος.

во всемъ этомъ-то можетъ служить ловко и скоро, да не въ состоянїи свободно бросить плащъ на правое плечо ¹, равно какъ уловить гармонїю словъ, чтобы правильно восхвалить истинную жизнь боговъ и счастливыхъ мужей. 176.

Теод. Если бы ты, Сократъ, убѣдилъ всѣхъ, какъ меня, въ томъ, чтò говоришь, то между людьми было бы больше мира и меньше зла.

Сокр. Но погибнуть злу, Θεοδορῷ, невозможно ²; потому что всегда необходимо что нибудь противное добру. И не въ богахъ утвердилось оно, а обходить по необходимости смертную природу и это мѣсто. Потому и надобно стараться какъ можно скорѣе уходить отсюда туда ³. Бѣгство это В. есть посильное уподобленіе Богу; а уподобляться Богу значить дѣлаться справедливымъ и мудро благочестивымъ ⁴.

¹ Свободно бросить плащъ на правое плечо, ἀναβάλλεσθαι ἐπι δεξιᾷ ἐλευθέρως. Плащъ, по обычаю людей благородныхъ, клали на лѣвое плечо, и потомъ откидывали его на правое, гдѣ онъ и завязывался: напротивъ, перекидывать его справа налѣво почиталось признакомъ деревенщины и необразованности. См. Casaubon. Animadv. in Athen. I. 18, p. 54. Salmas, ad Tertull. p. 113. Böttiger, Griechische Wasengemälde, Vol. 1, P. 1, p. 55 sq.

² Извѣстно положеніе Платона, что никакое зло не происходитъ отъ боговъ, но всякое имѣетъ свой источникъ въ слабости человѣческой природы. См. Tim. p. 47 D. E; 69 A sqq. De Rep. X, p. 613 A. Legg. X, p. 906 sqq. Politic. p. 268 E sqq.

³ Это положеніе Платона по всѣмъ вѣкамъ переходило изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, такъ что въ древности почти нельзя указать писателя, который бы не цитовалъ его. Доказано же и объяснено оно больше самимъ философомъ. De Rep. VI, p. 501 B—C; X, p. 613 A, al. Нѣтъ сомнѣнїя, что Платонъ заимствовалъ его у пивагорейцевъ; послѣ же Платона оно усвоено было стоиками и позднѣйшими платонистами, даже христіанскими. См. Wyttenbach, ad Plutarch. De ser. num. Vind. p. 27. Оно встрѣчается у Климента Алекс. Strom. II, p. 500 A; усиленно слѣдовалъ ему и Плотинъ Ennead. I, 2. 1. p. 12 A и 3, p. 13 C.

⁴ Мудро благочестивымъ, δειόν μετὰ φρονήσεως. Природа добродѣтели у Платона такова, что всецѣло основывается на мудрости. См. Phaedon. p. 69 B. Поэтому безъ мудрости, по его мнѣнїю, невозможны ни справедливость, ни разсудительность, ни мужество. Философъ вышелъ изъ того знаменитаго Сократова положенїя, по которому добродѣтель должна была состоять въ знанїи. Отсюда въ книгахъ и о Государствѣ, и о Законахъ, и въ другихъ діалогахъ, онъ разсуждаетъ о добродѣтели такъ, что ко всѣмъ видамъ ея постоянно прибавляется μετὰ φρονήσεως, — въ той мысли, что добродѣтель есть произведеніе не слѣпаго чувственнаго стремленїя, а разумной, сознательной дѣятельности.

Но дѣло очень не легкое, почтеннѣйшій, убѣдить, что не для того надобно избѣгать порока и преслѣдовать добродѣтель, для чего говорить толпа,—что въ нихъ самихъ должна быть цѣль подвига, а не въ томъ, какъ бы казаться не злымъ, но добрымъ; ибо это-то мнѣ представляется, по пословицѣ, одной болтовней старухъ ¹. Истинное же мы выскажемъ слѣдующимъ образомъ: Богъ ни въ чемъ и никакъ С. не несправедливъ, но есть существо всевозможно справедливейшее; и ничто столько не подобно ему, какъ то, когда кто изъ насъ становится опять самымъ справедливымъ. Этимъ, по истинѣ, опредѣляется какъ сила человѣка, такъ и его ничтожество, безсиліе. Знаніе этого есть мудрость и истинная добродѣтель, а незнаніе—невѣжество и очевидное зло: прочія же кажущіяся превосходства и мудрости въ гражданскихъ правительствахъ бывають суетны, а въ искусствахъ D. корыстны. Поэтому кто обижаетъ и говоритъ либо поступаетъ нечестиво, тому гораздо лучше не попускать быть сильнымъ въ злодѣйствѣ; ибо такіе увеселяются укоризною и думаютъ слышать въ ней, что они не пустые люди, не лишнее бремя земли, но мужи, какіе въ городѣ должны быть сохраняемы. И такъ, надобно сказать истину, что они тѣмъ болѣе таковы, какими не почитаютъ себя, что не почитаютъ. Вѣдь имъ неизвѣстно наказаніе за неправду; а оно не должно быть неизвѣстно; потому что удары и смерти, которымъ иногда и не подвергаются дѣлающіе E. неправду,—по ихъ мнѣнію, не наказаніе: наказаніе у нихъ то, чего нельзя избѣжать.

Теод. Что же именно разумѣешь ты?

---

¹ Добродѣтель должна быть предметомъ всеобщаго благоговѣнія не за видимую или внѣшнюю ея честность, а за то, что она ближайшимъ образомъ подходит къ справедливости Божества. Человѣкъ называется здѣсь справедливымъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ предикатъ прилагается къ нему на народной площади, а въ смыслѣ справедливости совершенной, какова *δικαιοσύνη* въ книгахъ о Государствѣ, гдѣ завершаются и исполняются ею все прочія возможныя для человѣка добродѣтели.

Сокр. Тогда какъ въ природѣ вещей, другъ мой, есть образцы,—одинъ божественный—образецъ счастья, другой безбожный—образецъ страданія,—люди, не видящіе, что это такъ, по глупости и крайнему безумію, не замѣчаютъ, что одному они несправедливыми дѣйствіями уподобляются, а 177 отъ другаго отступаютъ, и чрезъ это, проводя жизнь соотвѣтствующую тому, которому уподобляются, несутъ наказаніе. И скажи мы имъ, что, если не разстанутся они съ своею способностію,—по смерти, то чистое отъ золь мѣсто не приметъ ихъ, и имъ достанется всегда проводить жизнь, подобную здѣшней,—какъ злымъ, обращаться съ злыми:—эти умники и хитрецы будутъ слушать такія предостереженія, безъ сомнѣнія, будто отъ какихъ нибудь безумцевъ.

Феод. И очень-таки, Сократъ.

Сокр. Да, знаю, другъ мой. Съ ними случается нѣчто В. одно: если должны бываютъ они въ частномъ разговорѣ дать и принять отчетъ въ томъ, что порицаютъ, и хотятъ мужественно выдерживать бесѣду долгое время, а не убѣгають малодушно; то,—странно, почтеннѣйшій,—имъ наконецъ не нравятся собственныя ихъ рѣчи, и та риторика какъ-то увядаеть, такъ что они оказываются ничѣмъ не лучше дѣтей. Но оставимъ это, какъ замѣчаніе, сказанное мимоходомъ; потому что иначе постоянный наплывъ ихъ будетъ С. удалять насъ отъ начальнаго предмета. Возвратимся къ прежнему, если это и тебѣ кажется.

Феод. Мнѣ-то, Сократъ, не непріятно слушать объ этомъ; потому что человѣкъ моего возраста легче слѣдуетъ за рѣчью. Впрочемъ, если тебѣ угодно, возвратимся.

Сокр. Слово свое мы простерли, помнится, до того мѣста, гдѣ встрѣтились съ людьми, которые, говоря, что сущность движется, и что всегда кажущееся всякому то и есть для того, кому кажется, хотятъ утверждать это какъ по отношенію къ прочему, такъ не менѣе и по отношенію къ справедливому,—что какое, то есть, дѣлаеть городъ постановленіе, какъ ему кажущееся, то для постановляющаго, пока поста- D.

новленное стоять, и есть всего болѣе справедливое. Что же касается до добра, то никто еще не имѣеть столько мужества, чтобы осмѣлился настойчиво утверждать, будто городъ постановляетъ у себя что либо и въ видахъ пользы, и будто постановленіе его столько времени полезно, сколько времени стоять, развѣ кто будетъ пожалуй произносить одно имя. А это была бы насмѣшка надъ тѣмъ, о чемъ мы говоримъ. Не такъ ли?

Теод. Конечно.

Е. *Сокр.* Пусть же будетъ у насъ рѣчь не объ имени, а о дѣлѣ, которое означается именемъ.

Теод. Пусть.

Сокр. Но что означается именемъ, то-то, вѣроятно, городъ и постановляетъ, и всѣ законы, сколько онъ понимаетъ и можетъ, даетъ себѣ, какъ самые полезные. Или при законодательствѣ имѣеть онъ въ виду что иное?

178. *Теод.* Никакъ не иное.

Сокр. Однакожь всегда ли онъ достигаетъ этого, или всякій во многомъ и ошибается?

Теод. Думаю, и ошибается.

Сокр. Въ томъ же самомъ всякій согласится еще болѣе тогда, когда кто спроситъ о всемъ родѣ, въ которомъ содержится польза. Вѣдь польза, вѣроятно, простирается и на

---

¹ Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ. Протагорейцы добровольно соглашались, что общество о добромъ и полезномъ не можетъ постановить ничего опредѣленнаго. Что это такъ, еще яснѣе можно видѣть изъ понятія о томъ, что называется полезнымъ. Полезное, въ чемъ бы оно ни состояло, относится еще ко времени будущему. И такъ, государство, излагая и постановляя законы, имѣеть въ виду пользу на время будущее. А отсюда слѣдуетъ, что если человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то эту мѣру надобно прилагать и ко времени будущему, такъ какъ мы судимъ не о настоящемъ только, но и о будущемъ. Но въ этомъ отношеніи никакимъ образомъ нельзя замѣтить, что ктонибудь, снося вещи между собою, произноситъ сужденіе вѣрнѣе, чѣмъ человѣкъ не знающій. Это доказывается примѣромъ самого Протагора. Онъ утверждалъ, что о будущемъ результатѣ судебныхъ рѣчей можетъ говорить лучше и вѣрнѣе всѣхъ,—и, судя по множеству его учениковъ, ему вѣрили въ этомъ. Стало быть, Протагоръ долженъ былъ согласиться, что не всякій, а только мудрецъ можетъ быть мѣрою вещей.

время будущее; потому что когда мы законодательствуемъ, тогда постановляемъ законы, какъ имѣющіе быть полезными во времени послѣдующемъ; а это время можно правильно назвать будущимъ.

Теод. Конечно.

В.

Сокр. Давай же спросимъ Протагора, или иного кого изъ тѣхъ, которые говорятъ одинаково съ нимъ, и спросимъ вотъ какъ: Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, утверждаете вы, Протагоръ,—мѣра бѣлыхъ, тяжелыхъ, легкихъ, не исключая никакихъ? Потому что, имѣя въ себѣ знакъ ихъ и думая, что онѣ таковы, каковы впечатлѣнія, онъ полагаетъ, что онѣ для него истинны и дѣйствительны. Не такъ ли?

Теод. Такъ.

Сокр. Но имѣетъ ли онъ въ себѣ признакъ, скажемъ, и для будущихъ, Протагоръ,—такъ что какими, думаетъ, будутъ онѣ, такими и бываютъ для него думающаго? Напримеръ, касательно теплоты: когда кто, не знающій врачебнаго искусства, думаетъ, что онъ получить горячку, и что эта теплота у него будетъ, а другой, врачъ, думаетъ о немъ противное; то по мнѣнію ли котораго нибудь скажемъ, выйдетъ будущее, или по мнѣнію обоихъ, такъ что онъ для врача будетъ и не тепелъ и не въ горячкѣ, а для себя—то и другое?

Теод. Это было бы смѣшно.

Сокр. Но о будущей сладости и остротѣ вина будетъ, думаю, уважительно мнѣніе земледѣльца, а не цитриста.

Теод. Какъ же.

Сокр. И о будущей ненастроенности и настроенности мнѣніе педотрива не можетъ быть лучше, чѣмъ мнѣніе музыканта, въ томъ, что послѣ покажется настроеннымъ самому педотриву.

Теод. Никакъ не можетъ.

Сокр. И когда кто имѣетъ пировать, не зная повареннаго искусства, а между тѣмъ готовится пиръ,—сужденіе его о будущемъ удовольствіи не такъ важно, какъ сужденіе

повара. Потому что мы вовсе не препираемся о томъ, Е. что кому теперь пріятно, или было уже пріятно, а спрашиваемъ о будущемъ,—что всякому, то есть, кажется, то и будетъ; въ этомъ отношеніи всякій есть ли превосходный судья самъ для себя? Или ты, Протагоръ, лучше предусмотрѣшь своимъ мнѣніемъ, что въ словахъ каждаго изъ насъ будетъ для судилища убѣдительнымъ, чѣмъ кто либо изъ простыхъ гражданъ?

Теод. И очень, Сократъ; въ этомъ-то сильно онъ ручался, что превосходить всѣхъ.

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, любезный; иначе никто вѣдъ 179. не бесѣдовалъ бы съ нимъ, платя ему много денегъ, если бы собесѣдниковъ своихъ онъ не увѣрилъ, что относительно будущаго, что будетъ и покажется, ни провѣщатель и никто иной не можетъ быть лучшимъ судьей, чѣмъ онъ самъ для себя.

Теод. Весьма справедливо.

Сокр. Но не къ будущему ли относятся и законодательства, и польза, и не согласится ли всякій, что законодательствующій городъ часто по необходимости уклоняется отъ самаго полезнаго?

Теод. И очень.

Сокр. Стало быть, мы основательно скажемъ противъ твоего учителя, что необходимо ему признать одного мудрѣ другаго, и что такой есть мѣра; а мнѣ, не знающему, нѣтъ никакой необходимости быть мѣрою, какъ недавно произнесенная за него рѣчь принуждала меня, хочешь—не хочешь, ею быть.

Теод. Такимъ способомъ, Сократъ, положеніе его, кажется мнѣ, особенно уловляется, хотя оно ловится и на томъ, что придаетъ вѣсь мнѣніямъ другихъ, между тѣмъ какъ открылось, что послѣднія отнюдь не полагаютъ его словъ истинными.

С *Сокр.* Такое-то, Теодоръ, могло бы быть уловлено и иными многими способами, такъ какъ не всякое всякаго

мнѣніе истинно: но что касается присущихъ каждому впечатлѣній, отъ которыхъ происходятъ ощущенія и соотвѣтственные ощущеніямъ мнѣнія, то эти труднѣе ¹ обличить въ неистинности. Впрочемъ, можетъ быть, я не то говорю: вѣдь случится пожалуй, что ихъ и не поймашь, а тѣ, которые почитаютъ ихъ столь же ясными, какъ и знанія, можетъ быть, говорятъ дѣло, и мысль этого Теэтета не далека была отъ цѣли, когда онъ положилъ, что ощущеніе и знаніе—одно и то же. Посему надобно подойти ближе, какъ велѣла произнесенная за Протагора рѣчь, и изслѣдовать эту движущуюся сущность, постукивая ², крѣпкою ли она отзывается, или дребезжащею. Борьба за нее не мало важна, и не между немногими.

Теод. Далеко не маловажна, потому что чрезвычайно распространилась въ Іоніи, гдѣ друзья Гераклита съ великимъ усиліемъ проводятъ эту мысль.

Сокр. Потому-то болѣе, любезный Теодоръ, и надобно изслѣдовать ее сначала, какъ она предлагается ими. Е.

Теод. Безъ сомнѣнія. Вѣдь что касается этихъ гераклитянь, Сократъ, или, какъ ты говоришь, омиритянь, и даже жившихъ еще раньше, не исключая самыхъ ефесянъ, которые выдаютъ себя за людей весьма опытныхъ,—то съ ними можно разговаривать не иначе, какъ съ бѣшенными. Они подвижны, точно слѣдуютъ въ этомъ своимъ книгамъ; а чтобы остановиться на словѣ и, по очереди, то спокойно отвѣчать на вопросъ, то спрашивать,—этого у нихъ или ма- 180.

¹ Гораздо труднѣе было бы, говорить, доказать, что не вѣрны настоящія чьи впечатлѣнія, ощущенія и мнѣнія. Даже, можетъ быть, и вовсе нельзя обличить ихъ въ обманѣ и заблужденіи, если только вѣрно положеніе гераклитянь, что все течетъ, какъ рѣка. И такъ, это положеніе ихъ надобно подвергнуть испытанію, хотя, по темнотѣ ихъ разсужденій, испытаніе здѣсь едва ли возможно.

² Постукивая, *διακρούοντα*,—метафора, взятая отъ способа пробовать глиняную посуду, крѣпка она, или нѣтъ. Этою метафорою хорошо воспользовался Персей (*Satyr. III. 45*): *sonat vitium percussa, maligne respondet viridi non cocta fidelia limo*; (*V, 17*): *pulsa, dignoscere cautus, quid solidum crepet, et pictae tectoria linguae*.

ло, или нисколько не бываетъ; даже больше, чѣмъ нисколько, — у этихъ людей нѣтъ ни на волосъ покоя. А если ты кого спросишь ¹ о чемъ нибудь, — они начнутъ вытаскивать загадочныя словечки, будто стрѣлы изъ колчана, и стрѣлять ими; когда же захочешь потребовать отчета въ сказанномъ, — пораженъ будешь другимъ, снова переименованнымъ въ значеніи словомъ, и никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ ничего не кончишь. Да не кончаютъ они ничего и между собою, но очень остерегаются, какъ бы не допустить чего постояннаго въ словѣ, или въ душахъ своихъ, въ той в. мысли, какъ мнѣ кажется, что чрезъ это произошла бы остановка, противъ которой они сильно воюютъ и, сколько могутъ, изгоняютъ ея отовсюду.

Сокр. Можетъ быть, ты видѣлъ, Феодоръ, людей воинственныхъ, а съ мирными не встрѣчался, такъ какъ они не были твоими друзьями. Я думаю, они такъ бесѣдуютъ въ школѣ съ учениками, когда желаютъ сдѣлать ихъ подобными себѣ.

с. *Феод.* Съ какими учениками, почтеннѣйшій? У такихъ и не бываетъ одинъ ученикомъ другаго; тамъ дюдѣ образуются сами собою, когда каждому изъ нихъ случается придти въ состояніе воодушевленія; тамъ всякій думаетъ, что другой ничего не знаетъ. Отъ этихъ людей, какъ я уже

---

¹ Это мѣсто особенно замѣчательно. Здѣсь весьма обстоятельно говорится о способѣ разсужденій, которому слѣдовали гераклитяне того времени. Они обвиняются, во первыхъ, въ непостоянствѣ, потому что не хотѣли ни на минуту остановиться, чтобы внимательно разсмотрѣть настоящую матерію разсужденія; во вторыхъ, въ томъ, что пользовались какими-то темными остротами, которыя имѣли свой источникъ, вѣроятно, въ прославленной темнотѣ рвчей самого Гераклита, о которой см. примѣч. ad Ciceron. De nat. deor. I, 26; III, 14. De finib. II, 5. Diog. L. IX, 6. Aristot. Rhet. III, 5. Гераклитъ, по видимому, оттого впадалъ въ темноты, что любилъ въ своихъ мнѣніяхъ остроумничать, старался, чтобы они производили на слушателей эффектъ, поражали, и для того употреблялъ иногда *ῥηματικὰ ἀιμύματα*; любилъ также вводить въ свою рѣчь слова въ новыхъ значеніяхъ, которыя самъ выдумывалъ, — оттого Феодоръ и прибавляетъ: *ἐτέρω πελάξει χαλῶς μετῴμασμένω* (см. Phileb. p. 45 A; Sophist. p. 252 A).

говорилъ, ты никогда не добьешься основанія,—ни по желанію ихъ, ни противъ желанія, и мы должны брать ихъ слова, какъ вопросъ для послѣдованія.

Сокр. Ты мѣтко-таки говоришь. А вопросъ-то иной ли приняли мы отъ древнихъ, скрывшихъ его отъ черни подъ D. поэтическою формою, какъ не тотъ, что начало всѣхъ вещей—рѣки, Океанъ и Тиѳиса, и что ничто не стоитъ? Послѣдующіе же, какъ болѣе мудрые, стали уже открыто доказывать это, чтобы и сапожники ¹, слушая, понимали ихъ мудрость и перестали глупо думать, будто одно сущее стоитъ, а другое движется, но, узнавъ, что все находится въ движеніи, оказывали имъ уваженіе. Чуть-было не забылъ я, Феодоръ, что другіе опять объявляли противное тому, представляя бытіе неподвижное, которому имя—*все* ², E.—и иное многое, что, вопреки всему этому, утверждали Мелиссы и Пармениды: будто все есть одно и стоитъ само въ себѣ, такъ какъ не имѣетъ мѣста, въ которомъ могло бы двигаться;—что же дѣлать намъ со всѣмъ этимъ, другъ мой? Вѣдь, подвинувшись немного впередъ, мы незамѣтно попадаемъ въ средину между двухъ крайностей, и если какъ нибудъ не защитимся и не уйдемъ, то будемъ наказаны, 181. подобно дѣтямъ, играющимъ въ палестрѣ въ линію ³, когда, схваченные обоими лагерями, они бываютъ влекомы въ противныя стороны. Мнѣ кажется, надобно сперва разсмотрѣть однихъ, къ которымъ мы уже приступали,—то есть текущихъ;

¹ Въ образецъ самыхъ тупыхъ людей взяты здѣсь сапожники, потому что *σοκωτόμοι* между мастеровыми, во мнѣніи народа, стояли на послѣдней степени невѣжества, такъ что вошли въ пословицу (см. Charmid. p. 163 B; De Rep. V, p. 456 D; Men. p. 90 C al.).

² Это—стихъ Пармениды; онъ читается у Карстена—97, см. p. 178, и Брандиса, Commentatt. Eleaticc. 1, p. 118.

³ Упоминаемая здѣсь дѣтская игра состояла, кажется, въ томъ, что дѣти составляли изъ себя два строя или ряда, и между этими двумя рядами проводима была черта. Кто изъ одного котораго либо ряда подбѣгалъ къ этой чертѣ, того сторона противная старалась схватить и увлечь къ себѣ. Поллуксъ называетъ эту игру *δελκοτινδα*. Polluc. IX, 112.

и если откроется, что они говорят дѣло, то будемъ тянута сами на ихъ сторону, стараясь убѣжать отъ другихъ. А когда покажется, что истиннѣе мнѣніе тѣхъ, которые останавливаютъ цѣлое,—уйдемъ къ нимъ отъ этихъ, у которыхъ и неподвижное приводится въ движеніе ¹. Въ слу-
 В. чаѣ же увидимъ, что ни тѣ, ни другіе не говорятъ ничего ладнаго,—мы будемъ смѣшны съ своею мыслию, будто, не смотря на свою слабость, нѣчто утверждаемъ, отвергнувъ мужей древнѣйшихъ и мудрѣйшихъ. Такъ смотри, Θεодоръ, выгодно ли намъ выходить на такую опасность.

Θεод. Нельзя удержаться, Сократъ, отъ разсмотрѣнія, что говорятъ тѣ и другіе мужи.

Сокр. Ужъ когда ты такъ желаешь, надобно разсмотрѣть.
 С. Въ вопросѣ о движеніи, началомъ изслѣдованія представляется мнѣ то, что такое разумѣютъ, полагая, что все движется. Я хочу сказать слѣдующее: одинъ ли видъ движенія понимаютъ они, или, какъ мнѣ кажется, два? Пусть однако не мнѣ только кажется это, но принимай участіе и ты, чтобы намъ сообща терпѣть, если бы дѣйствительно пришлось. Скажи мнѣ: называешь ли ты движеніемъ то, когда предметъ переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, либо вращается въ томъ же мѣстѣ?

Θεод. Называю.

Сокр. Такъ пусть будетъ это одинъ видъ. Но когда, на-
 D. ходясь въ томъ же мѣстѣ, старѣетъ онъ, дѣлается либо чернымъ изъ бѣлаго, либо жесткимъ изъ мягкаго, или измѣняется инымъ образомъ,—не стоить ли назвать это другимъ видомъ движенія?

Θεод. Мнѣ кажется.

Сокр. Да и необходимо. Такъ я полагаю два вида движенія: измѣненіе и переходеніе.

¹ И неподвижное приводится въ движеніе, οἱ καὶ τὰ ἀκίνητα κινεῖται. Это выраженіе имѣло силу пословицы и прилагалось къ тѣмъ, которые двигали самые алтари, жертвенники, и отваживались на всѣ виды нечестія. Legg. III, p. 684 E; p. 813 A. E. gasm. Adagg. Phil. 1 Cent., p. 181 sqq.

Θεод. И правильно полагаешь.

Сокр. Раздѣливъ это такимъ образомъ, будемъ мы теперь разговаривать съ тѣми, которые утверждаютъ, что все движется, и спросимъ: обоими ли видами, полагаете вы, все движется,—стремленіемъ и измѣненіемъ, или иное обоими, Е. а иное которымъ нибудь однимъ?

Θεод. Но, клянусь Зевсомъ, я не могу отвѣчать на это. Думаю, что сказали бы: обоими.

Сокр. А вѣдь если бы не сказали, другъ мой, то все представилось бы имъ и движущимся, и стоящимъ; и не болѣе правильно было бы утверждать, что все движется, чѣмъ то, что все стоитъ.

Θεод. Весьма справедливо.

Сокр. Но такъ какъ все должно двигаться, и недвижности нѣтъ ни въ чемъ, то все движется всегда всякимъ 182. движеніемъ.

Θεод. Необходимо.

Сокр. Разсматривай у нихъ еще вотъ что: происхожденіе теплоты, или бѣлизны, или чего бы то ни было, не такъ ли какъ-то, говорили мы, объясняютъ они, что каждое изъ этихъ свойствъ стремится вмѣстѣ съ чувствомъ между дѣйствующимъ и страдающимъ, и страдающее бываетъ чувствуемымъ, но не чувствомъ, а дѣйствующее—качественнымъ, но не качествомъ? Можетъ быть, качество представляется тебѣ именованъ необыкновеннымъ, и ты не понимаешь его въ общемъ значеніи: такъ слушай въ частяхъ. Дѣйствующее не бываетъ вѣдь ни теплотою, ни бѣлизною, В. но бываетъ теплымъ и бѣлымъ; и прочее такимъ образомъ. Ты, вѣроятно, помнишь: мы въ прежнихъ разсужденіяхъ говорили такъ, что одно, само по себѣ, не есть ни дѣйствующее, ни страдающее, и что только изъ взаимнаго сближенія обоихъ этихъ состояній происходятъ чувства и вещи чувствовостигаемыя, становясь, съ одной стороны, такими или такими, съ другой—чувствуемыми.

Θεод. Помню; какъ не помнить!

С. *Сокр.* Пускай же прочее мы оставимъ,—иначе, или такъ говорятъ они, и, удерживая лишь то, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, спросимъ: движется и течетъ, какъ вы полагаете, все, —не такъ ли?

Теод. Да.

Сокр. И обоими, какія различили мы, движеніями, —стремленіемъ и измѣненіемъ?

Теод. Какъ же иначе?—если движеніе-то будетъ полное.

Сокр. А когда бы оно состояло только въ стремленіи, измѣненія же не имѣло, мы могли бы, вѣроятно, сказать, что стремящееся течетъ такимъ-то. Или какъ скажемъ?

Теод. Такъ.

Д. *Сокр.* Но, поколику и это не стоитъ,—то есть, текущее течетъ не бѣлымъ, а измѣняется, такъ что происходитъ теченіе и этого самаго—бѣлизны, и превращеніе ея въ иной цвѣтъ, чтобы не улавливалась она пребывающею въ этомъ состояніи,—возможно ли назвать какой нибудь цвѣтъ такъ, чтобы названіе его было правильно?

Теод. Какъ же это возможно, Сократъ? Вѣдь что бы ни было въ этомъ родѣ,—поколику текущее, оно всегда ускользаетъ, какъ скоро произносится.

Сокр. А что скажемъ мы о какомъ нибудь чувствѣ, на примѣръ, о чувствахъ зрѣнія или слуха? пребываютъ ли

Е. они въ томъ же состояніи зрѣнія или слуха?

Теод. Конечно, не должны, какъ скоро все движется.

Сокр. Стало быть, не больше слѣдуетъ называть что нибудь зрѣніемъ, чѣмъ не зрѣніемъ, и не больше иное чувство—чувствомъ, чѣмъ не чувствомъ, если все-то непремѣнно движется.

Теод. Конечно, нѣтъ.

Сокр. И однакожь чувство-то есть знаніе, какъ сказали мы,—я и Теэтеть.

Теод. Было сказано.

Сокр. Стало быть, вопрошающему, что такое знаніе, мы скажемъ въ отвѣтъ, что оно—не больше знаніе, чѣмъ незнаніе.

Θεод. Выходить.

Сокр. Прекрасно же пришлось намъ поправить свой отвѣтъ, по поводу нашего старанія доказать, что все движется, и съ тою цѣлю, чтобы онъ показался вѣрнымъ! Оказалось, какъ видно, что, какъ скоро все движется, и всякій отвѣтъ, о чемъ бы кто ни отвѣчалъ, равно правиленъ, поколику полагаетъ, что это и такъ и не такъ — *есть*, или, если угодно, *бываетъ*, — чтобы не останавливать ихъ на словѣ.

Θεод. Правильно замѣчаешь.

Сокр. Кромѣ того только, Θεодоръ, что сказалъ *такъ* и не *такъ*. Вѣдь и этого *такъ* говорить не слѣдуетъ: потому что *такъ* уже не движется, — равно и не *такъ*, которое тоже *В.* не есть движеніе. Впрочемъ людямъ, высказывающимъ эту мысль, можно ли даже и употребить какое слово, если для выраженія своего положенія у нихъ нѣтъ наименованій, кромѣ одного: никакимъ образомъ? Такъ-то имъ больше пристало бы то, что называется безпредѣльнымъ.

Θεод. Имъ, въ самомъ дѣлѣ, очень прилично это нарѣчіе.

Сокр. И такъ, отъ твоего друга, Θεодоръ, мы отдѣлились, и еще не уступаемъ ему, что всякій челоуѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, если кто не мудръ. Не согласимся мы и въ *С.* томъ, будто, по методѣ всеобщаго движенія, знаніе есть чувство, если только этотъ Теэтеть не понимаетъ дѣла какъ иначе.

Θεод. Ты превосходно сказалъ, Сократъ. Когда это рѣшено, то и я, по условію, долженъ отдѣлиться отъ тебя съ своими отвѣтами; такъ какъ рѣчь о Протагорѣ доведена до конца.

Тезт. Не прежде однакожь, Θεодоръ, пока Сократъ и ты не разсмотрите, какъ недавно предположили, мнѣнія тѣхъ, которыя утверждаютъ съ своей стороны, что все стоитъ. *D.*

Θεод. Молодъ ты, Теэтеть, чтобы учить старшихъ поступать несправедливо, нарушая условія! Приготовляйся-ка въ остальномъ самъ отвѣчать Сократу.

Теэт. Пожалуй, если хотите. Но я съ бѣльшимъ удовольствіемъ слушалъ бы о томъ, о чемъ говорю.

Теод. Чтѣ вызывать всадниковъ на поприще—тѣ вызывать Сократа на слово: спрашивай же, и услышишь.

Сокр. Но въ томъ-то, Теодоръ, чтѣ приказываетъ Теэ-
Е. тетъ, я, кажется, не послушаюсь его.

Теод. Почему же не послушаться?

Сокр. Вѣдь, стыдяся слишкомъ жестко вести изслѣдованіе противъ Мелисса и другихъ, которые говорятъ, что все есть стоячее одно, я меньше стыжусь всѣхъ ихъ, чѣмъ одного Парменида. Парменидъ представляется мнѣ, говоря словами Омира ¹, человекѣмъ и возбуждающимъ къ себѣ благоговѣніе, и вмѣстѣ страшнымъ. Я обращался съ этимъ мужемъ, когда былъ еще очень молодъ, а онъ очень старъ, и мнѣ тогда представлялась въ немъ чрезвычайная глубина созерцанія. Такъ я боюсь, что мы не пойдемъ даже и его словъ, а еще больше—отстанемъ отъ того, чтѣ мыслилъ онъ, когда говорилъ. Самое же великое, къ чему направлено разсужденіе, есть дѣло знанія, чтѣ такое оно: какъ бы вопросъ о немъ отъ вторгающихся насильственно рѣчей не остался неразрѣшеннымъ, если поддаваться имъ. Притомъ и поднятый теперь нами, чрезвычайно широкой пред-

¹ Указывается *Iliad.* γ' 172; *Odyss.* θ' 122. Философъ удивляется Пармениду потому, что онъ не злоупотреблялъ, подобно другимъ, своею способностію къ наукѣ и своимъ остроуміемъ, чтобы похвастаться ученостію, но искалъ мудрости по искренней любви къ истинѣ, и способность разсуждать соединялъ съ скромностію и достоинствомъ. Поэтому, *Sophist.* p. 237 A, онъ называется *Παρμενίδης ὁ μέγας*. Платонъ не только здѣсь, но и въ *Парменидѣ*, p. 127, 136 D, и въ *Софистѣ*, p. 217 C, заставляетъ Сократа разсказывать, что онъ въ дѣтствѣ слушалъ Парменида. Но на эти разказы еще древніе навели сомнѣніе, какъ напр. *Athenaeus* (IX, 15), *Macrobius* (*Saturn.* 1, 1),—по мнѣнію которыхъ, Парменидъ былъ настолько древнѣе Сократа, что дѣтство послѣдняго едва ли могло встрѣтиться съ старостію перваго. Объяснить эту несообразность недавно старались Карстенъ, *Parmenidis Reliqq.* p. 4 sqq.; Brandis, *Geschichte d. griech.-röm. Philos.* p. 375; Clinton. in *Fest. Hellen.* t. II, p. 364. Всѣ они полагаютъ, что Парменидъ приходилъ въ Аены около LXXX олимп. А если это справедливо, то Сократъ могъ слушать Парменида, имѣя не болѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду.

меть, если изслѣдывать его мимоходомъ, можетъ потерпѣть вредъ; а когда изслѣдованіе будетъ достаточно длинно,—затемнится вопросъ о знаніи. Между тѣмъ не должно быть ни того ни другаго. Мы обязаны постараться повивальнымъ своимъ искусствомъ освободить Теэгета отъ того, чѣмъ онъ бременѣтъ относительно знанія. В.

Θεод. Да, если кажется, надобно сдѣлать такъ.

Сокр. Такъ относительно сказаннаго разсмотри, Теэтетъ, еще слѣдующее. Ты отвѣчалъ, что чувство есть знаніе,—не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. Но если бы кто спросилъ ¹ тебя такъ: чѣмъ видитъ человѣкъ бѣлое и черное, чѣмъ слышитъ высокое и низкое? Ты сказалъ бы, думаю: глазами и ушами.

Теэт. Сказалъ бы.

Сокр. Свободно употреблять имена и глаголы, не разсматривая ихъ съ точностію, часто бываетъ, конечно, не неблагогородно, и въ противномъ этому больше рабства; однакожь и послѣднее иногда необходимо. Вотъ и теперь приходится укорить данный тобою отвѣтъ, какъ неправильный. Смотри,

¹ Отсюда начинается другое доказательство, что въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ не заключается знаніе. Мы чувствуемъ окружающіе насъ предметы, если захотимъ выразиться точнѣе, не самими чувствами, а скорѣе чрезъ чувства; потому что чувства суть только нѣкоторыя орудія, пользуясь которыми, мы постигаемъ внѣшніе предметы. А отсюда должно заключить, что, кромѣ чувствъ, есть въ насъ иная сила или способность, которою, что ни встрѣтилось бы намъ, мы понимаемъ и познаемъ. И эта сила находится въ нашемъ умѣ. Это высказывается слѣдующимъ умозаключеніемъ: Всякому чувству подчинены нѣкоторые роды вещей, такъ что постигаемое слухомъ недоступно для зрѣнія. Но впечатлѣнія отдѣльныхъ чувствъ мы обыкновенно сравниваемъ между собою и судимъ, что во многихъ есть общее, что—ихъ сущность, чѣмъ они различаются. Все это, очевидно, обсуживается уже не чувствами, а однимъ умомъ; потому что тѣ общія и отъ самыхъ вещей отвлеченныя понятія находятся не въ чувствахъ, а только въ душахъ. И отсюда уже ясно, что между знаніемъ и впечатлѣніями чувствъ есть большое различіе; но къ этому идетъ еще и другое замѣчаніе. Впечатлѣнія чувственные начинаютъ производиться тотчасъ, какъ скоро мы родились; а понятія умственные мы получаемъ иногда въ позднѣйшемъ уже возрастѣ, что, конечно, было бы иначе, если бы знаніе и чувственное ощущеніе были безразличны.

который отвѣтъ правильнѣе: глаза—то ли, чѣмъ видимъ, или то, чрезъ что видимъ? уши—то ли, чѣмъ слышимъ, или то, чрезъ что слышимъ?

Теэт. Чрезъ что чувствуемъ каждый предметъ,—это мнѣ больше кажется, Сократъ, нежели то, чѣмъ.

Д. *Сокр.* Странно въ самомъ дѣлѣ было бы, дитя, если бы у насъ было много какихъ нибудь чувствъ, какъ у деревянныхъ коней, и если бы всѣ они не сходились въ нѣкоторую одну идею, въ душу ли то, или какъ ни пришлось бы назвать ее,—которою мы все чувствопостигаемое чувствуемъ посредствомъ ихъ, какъ бы посредствомъ орудій.

Теэт. Да, это представленіе мнѣ болѣе кажется, чѣмъ то.

Сокр. Но ради чего довожу я его до точности? Дѣйствительно ли чѣмъ нибудь въ насъ самихъ однимъ и тѣмъ же постигаемъ мы: чрезъ глаза—бѣлое и черное, а чрезъ другія чувства—опять что нибудь, и ты,—на вопросъ,—все это отнесешь къ тѣлу? Впрочемъ, можетъ быть, лучше будетъ высказать это тебѣ самому—посредствомъ отвѣтовъ, чѣмъ за тебя вдаваться въ соображенія мнѣ. Скажи же: то, чрезъ что чувствуешь теплое, жесткое, легкое, сладкое,—все это порознь,—къ тѣлу ли относишь ты, или къ чему иному?

Теэт. Ни къ чему иному.

Сокр. А захочешь ли согласиться, что чувствуемое тобою посредствомъ одной силы не можетъ быть чувстуемо посредствомъ другой? напримѣръ, чувствуемое чрезъ слухъ—чрезъ зрѣніе, а чувствуемое чрезъ зрѣніе—чрезъ слухъ?

Теэт. Какъ не захотѣть.

Сокр. Если, стало быть, ты мыслишь что либо относительно обоихъ, то мыслишь уже не чрезъ особое орудіе, равно какъ не чрезъ особое опять и чувствуешь что либо относительно обоихъ.

Теэт. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Такъ, относительно голоса и цвѣта, не мыслишь ли ты сперва объ обоихъ то самое, что это—оба?

Теэт. Мыслю.

Сокр. И то, что то и другое изъ нихъ есть особое въ раз- В. сужденіи того и другаго, а въ разсужденіи себя тожественное?

Теэт. Какъ же.

Сокр. И что оба—два, а которое либо—одно?

Теэт. И это.

Сокр. Не въ состояніи ли ты равнымъ образомъ изслѣдовать, сходны они между собою, или не сходны?

Теэт. Можетъ быть.

Сокр. Но чрезъ что все это мыслишь ты о нихъ? Вѣдь общаго имъ нельзя схватить ни слухомъ, ни зрѣніемъ. Да и вотъ еще доказательство того, о чемъ говоримъ: если бы можно было разсмотрѣть два предмета, солонны ли оба они или нѣтъ, ты, знаю, скажешь, чѣмъ будешь разсматривать, и откроется, что это не есть ни зрѣніе, ни слухъ, а что-то С. иное.

Теэт. Какъ не иное? это-то способность языка.

Сокр. Хорошо; а способность чегò открываетъ тебѣ въ этомъ и во всемъ общее, чѣмъ ты называешь бытіе и небытіе, и про что теперь же мы спрашивали относительно тѣхъ предметовъ? Всему этому какія припишешь ты орудія, посредствомъ которыхъ чувствуетъ что бы то ни было наше чувствующее?

Теэт. Ты разумѣешь бытіе и небытіе, подобіе и неподобіе, то же и особое,—также одно и иное относительно ихъ число; явно, что спрашиваешь также о четѣ и нечетѣ, и D. о прочемъ, что за этимъ слѣдуетъ,—чрезъ какое, то есть, орудіе тѣла мы чувствуемъ это душою?

Сокр. Ты весьма хорошо идешь за мною, Теэтеть: это самое и есть, о чемъ я спрашиваю.

Теэт. Но,—клянусь Зевсомъ, Сократъ,—я не могу ничего сказать: мнѣ только кажется, что для этихъ предметовъ рѣшительно нѣтъ такого особаго орудія, какія были для тѣхъ; душа здѣсь, по видимому, сама собою разсматриваетъ общее E. относительно всего.

Сокр. Ты прекрасенъ, Теэтеть, а не то, что безобразенъ,

какъ говорилъ Θεодоръ; ибо кто прекрасно говорить, тотъ прекрасенъ и добръ. Мало того, что прекрасенъ,—ты хорошо сдѣлалъ также, что избавилъ меня отъ весьма длиннаго разсужденія, если тебѣ представляется, что душа иное разсматриваетъ сама по себѣ, а иное—посредствомъ способностей тѣлесныхъ. Вѣдь это именно было, что и мнѣ самому казалось, и что, по моему намѣренію, должно было показаться тебѣ.

186. *Теэт.* Да мнѣ-то представляется.

Сокр. Въ которой же дѣятельности ея поставляешь ты сущность? Вѣдь этимъ-то особенно сопровождается все.

Теэт. Я поставляю въ томъ, къ чему душа стремится сама по себѣ.

Сокр. Неужели также въ подобномъ и не подобномъ, въ тождественномъ и особомъ?

Теэт. Да.

Сокр. Что же? въ прекрасномъ и постыдномъ, въ добромъ и зломъ?

Теэт. Сущность и этихъ предметовъ душа разсматриваетъ, кажется, особенно въ относительности ихъ, соображая въ себѣ прошедшее и настоящее съ будущимъ.

Сокр. Пускай. Не правда ли, что жесткость жесткаго будетъ чувствовать она чрезъ осязаніе, и мягкость мягкаго такимъ же образомъ?

Теэт. Да.

Сокр. Но судить о сущности-то и о чемъ либо стоящемъ, также о взаимной ихъ противоположности, либо опять о существѣ противнаго, пытается у насъ сама душа, принимаясь за предметъ много разъ и сравнивая его съ другимъ.

Теэт. Конечно.

Сокр. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя чрезъ тѣло и насъ. правляющіяся къ душѣ, не естественно ли людямъ и животнымъ чувствовать тотчасъ по рожденіи, тогда какъ соображенія относительно тѣхъ вещей, направленные къ

сущности и пользѣ, едва достаются современемъ, чрезъ большія заботы и воспитаніе, если кому и достаются?

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Можно ли постигнуть истину того, что не постигается какъ сущность?

Тезт. Невозможно.

Сокр. А чего истины кто не постигъ, то самое будетъ ли когда нибудь знать?

Тезт. Какъ же знать-то, Сократъ?

D.

Сокр. Стало быть, знаніе находится не въ впечатлѣніяхъ, а въ умозаключеніи о нихъ; потому что сущности и истины можно коснуться, какъ видно, здѣсь, а тамъ невозможно.

Тезт. Видимо.

Сокр. Такъ ужели то и это назовешь ты тожественнымъ, когда между ними такъ много различія?

Тезт. Да вѣдь это было бы несправедливо.

Сокр. Какое же дашь имя тому, — зрѣнію, то есть, слышанію, обонянію, охладѣванію, согрѣванію?

Тезт. Дамъ имя чувствованія; какое иначе?

E.

Сокр. Стало быть, чувствованіемъ называешь ты все это?

Тезт. Необходимо.

Сокр. И этимъ-то, говоримъ, нельзя коснуться истины, такъ какъ нельзя коснуться сущности.

Тезт. Конечно, нельзя.

Сокр. Равно и знанія.

Тезт. Тоже нѣтъ.

Сокр. Стало быть, чувствованіе и знаніе, Теэтеть, никогда не могутъ быть тожественными?

Тезт. Видимо, что не могутъ, Сократъ. И особенно теперь-то стало совершенно явно, что чувство отлично отъ знанія.

Сокр. Но не для того вѣдь однакожь начали мы разговаривать, чтобы найти, что не есть знаніе, — а что оно есть. Теперь мы дошли по крайней мѣрѣ до того, что будемъ уже искать его не въ чувствѣ, а въ томъ имени, какое

получаетъ душа, когда вдается въ разсмотрѣніе сущаго сама по себѣ.

Тезт. А это, Сократъ, называется, думаю, мнить ¹.

Сокр. Правильно думаешь, другъ мой. И смотри-ка теперь
В. опять сначала: изгладивъ все прежнее, болѣе ли ты видишь чтонибудь, когда дошелъ до этого. Скажи снова, что такое знаніе?

Тезт. Сказать, что оно есть вообще мнѣніе, невозможно, Сократъ, потому что бываютъ мнѣнія и ложныя: знаніе, должно быть, есть мнѣніе истинное,—и это пусть будетъ моимъ отвѣтомъ. А если намъ, на пути впередъ, это не покажется, какъ не показалось теперь, то мы попытаемся сказать чтонибудь иное.

Сокр. Но такимъ-то вѣдь образомъ нужно, Теэтеть, чтобы ты говорилъ съ бѣльшимъ усердіемъ, а не какъ прежде—отвѣчалъ нерѣшительно; потому что, если поступимъ такъ, достигнемъ одного изъ двухъ: или найдемъ то, къ чему
С. идемъ, или убѣдимся, что меньше знаемъ то, чего никакъ не знаемъ; а такой наградой ² тоже пренебрегать не слѣдуетъ. И такъ, что говоришь ты теперь? Изъ двухъ идей мнѣнія, одной—истиннаго, другой—ложнаго, знаніемъ называешь ты мнѣніе истинное?

¹ Теэтеть, отвергнувъ прежнее положеніе, теперь утверждаетъ, что знаніе усматривается въ правильномъ мнѣніи. Потомъ объ этомъ предметѣ разсужденіе устанавливается такъ, что касается того извѣстнаго, возбуждаемаго софистами пр тиворѣчія, будто невозможно, чтобы ктонибудь высказывалъ то мнѣніе, или говорилъ ложь. См. Euthyd. p. 284 A; 286 C. Cratyl. p. 429 D. De Rep. V, p. 478. Diog. L. III, 35; IX, 8, 53. При этомъ надобно однакожь замѣтить, что, какъ въ другихъ діалогахъ, наприм. въ Эвтидемѣ и Менонѣ, Платонъ выставилъ Сократа преслѣдующимъ противниковъ колкою насмѣшкою и опровергающимъ ихъ тѣмъ самымъ, что въ своихъ разсужденіяхъ пользуется ихъ же оборотами и софизмами, такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь. Полагавшіе, то есть, знаніе въ правильномъ мнѣніи опровергаются такъ, что осмѣиваются самими своими хитросплетеніями и приводятся къ сознанію своего заблужденія. Это надобно твердо помнить; а иначе не легко опредѣлить, каково было объ извѣстномъ предметѣ мнѣніе самого Платона, и не трудно навязать ему ни къ чему негодныя софистическія тонкости.

² Надобно, то есть, почитать нѣкоторою наградою незнанія, не малою выгодою, то убѣжденіе, что ты не представляешь себя понимающимъ и знающимъ то чего на самомъ дѣлѣ не знаешь.

Тезт. Да; потому что теперь это опять кажется мнѣ.

Сокр. Да стоитъ ли еще снова возвращаться къ мнѣнію?

Тезт. Чтò это говоришь ты?

Сокр. Меня и теперь какъ-то беспокоить, и въ инья времена часто беспокоило то, что я, и въ отношеніи къ себѣ, D. и въ отношеніи къ другому, былъ въ большомъ недоумѣніи, не умѣя сказать, чтò это у насъ за свойство, и какимъ образомъ оно является.

Тезт. Какое свойство?

Сокр. То, что кто нибудь имѣеть ложное мнѣніе. Я и теперь смотрю съ недоумѣніемъ, оставить ли намъ этотъ вопросъ, или изслѣдовать его инымъ способомъ, чѣмъ какъ изслѣдывали немного прежде.

Тезт. Почему же не изслѣдовать, Сократъ, если въ а-момъ дѣлѣ представляется, что это такъ или иначе нужно? Въдь вы—ты и Феодоръ—не худо сейчасъ говорили о досугѣ, что въ занятіи этого рода ничто не стѣсняетъ васъ.

Сокр. Ты кстати вспомнилъ. Можетъ быть, не дурно E. было бы опять какъ бы напасть на готовый слѣдъ; потому что лучше сдѣлать немного да хорошо, чѣмъ многое—недостаточно.

Тезт. Какъ же.

Сокр. Но какимъ образомъ?—Что тутъ сказать? Скажемъ ли, что мнѣніе бываетъ ложно всякій разъ, и что таковы мы по природѣ, слѣдуя которой, одинъ изъ насъ мнитъ ложно, а другой справедливо?

Тезт. Конечно, скажемъ.

Сокр. Не то ли именно свойственно намъ по отношенію 188. и ко всему, и къ отдѣльному, что мы или знаемъ, или не

---

¹ Нѣтъ нужды показывать, въ чемъ именно скрывается ложь излагаемаго здѣсь умствованія. Теперь вызываетъ насъ на замѣчаніе только шуточный способъ философа утвердить положеніе тѣхъ, у которыхъ знаніе поставлялось въ правильномъ мнѣніи,—точно такой же способъ, какимъ прежде старался онъ оправдать положеніе Протагора, что человекъ есть мѣра всѣхъ вещей, пока самъ же не опровергъ его. Кто не обратитъ на это вниманія, тотъ, конечно, не пойметъ, къ чему относится эта часть разсужденія.

знаемъ? А что находится въ срединѣ между тѣмъ и другимъ, — то есть, учиться и забывать ¹, — на то въ настоящее время я не обращаю вниманія; такъ какъ это теперь къ предмету нашего разсужденія не относится.

Тезт. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, иногo-то ничего не остается относительно каждой вещи, кромѣ какъ—знать и не знать.

Сокр. Такъ не необходимо ли, стало быть, мнѣющему имѣть мнѣніе или о томъ, что онъ знаетъ, или о томъ, чего не знаетъ?

Тезт. Необходимо.

В. *Сокр.* Но знающему-то не знать того самаго (что онъ знаетъ), или не знающему знать (не известное) невозможно.

Тезт. Какъ не невозможно!

Сокр. Посему человекъ, имѣющій ложное мнѣніе о томъ, что онъ знаетъ, не думаетъ ли, что это — не это, а нѣчто отличное отъ того, что онъ знаетъ,—и, зная то и другое, не знаетъ ни того ни другаго?

Тезт. Но это невозможно, Сократъ.

Сокр. А кто не знаетъ чегонибудь, тотъ думаетъ ли, что это есть нѣчто отличное отъ того, чего онъ не знаетъ? и не знающій ни Теэтета, ни Сократа, не заберетъ ли себѣ въ голову, что Сократъ есть Теэтеть, или Теэтеть—Сократъ?

С. *Тезт.* Да какъ же это?

Сокр. Между тѣмъ что кто знаетъ, того, вѣроятно, не почитаетъ тѣмъ, чего не знаетъ, а того, чего не знаетъ,— тѣмъ, что знаетъ.

Тезт. Это будетъ чудовищно.

Сокр. Какимъ же образомъ имѣлъ бы ктонибудь ложное мнѣніе? Вѣдь вѣ этого мнить, вѣроятно, нельзя, если только

¹ Впрочемъ касательно ученія и забыванія была тогда въ ходу тоже софистическая мысль, которую легко было привнести и сюда. Говорили именно такъ, какъ излагается это *Sympos.* р. 208 А: λήθη ἐστὶ ἐπιστήμης ἕξοδος, μελέτη δὲ πάλιν καὶνῆς ἐπιλοῦσα ἀντὶ τῆς ἀπιοῦσης μνήμῃ σωζει τῆν ἐπιστήμην х. т. л.

мы все или знаемъ, или не знаемъ; а въ этихъ предѣлахъ нигдѣ, по видимому, невозможно имѣть мнѣніе ложное.

Тезт. Весьма справедливо.

Сокр. Но, можетъ быть, не такъ надобно изслѣдывать иско-
мое, —идти не къ знанію и незнанію, а къ бытію и къ не-
бытію ¹?

D.

Тезт. Какъ ты говоришь?

Сокр. Проще сказать, вотъ какъ: кто мнитъ, о чемъ бы
ни было, тѣ, чего нѣтъ, тотъ не можетъ не имѣть мнѣнія
ложнаго, сколько бы впрочемъ ни было у него ума.

Тезт. И это опять естественно, Сократъ.

Сокр. Какъ же? Что скажемъ, Тезетъ, если спросятъ насъ:
возможно ли для когонибудь то, что вы говорите? Кто изъ
людей будетъ мнить не существующее, —въ разсужденіи какъ
предметовъ дѣйствительныхъ, такъ и вещи самой по себѣ?
Мы-то, какъ видно, дадимъ на это такой отвѣтъ: когда ду-
мающій будетъ думать по крайней мѣрѣ несправедливо. Е.
Или какъ скажемъ?

Тезт. Такъ.

Сокр. А бываетъ ли это и въ другихъ случаяхъ?

Тезт. Что?

Сокр. То, чтобы ктонибудь, видя нѣчто, не видѣлъ ничего?

Тезт. Какъ же это возможно?

Сокр. Однакожъ, кто видитъ одно-то, тотъ видитъ нѣчто
существующее. Или ты думаешь, что одно есть и въ не
существующемъ?

Тезт. Не думаю.

Сокр. Стало быть, видящій чтонибудь одно-то видитъ
существующее.

Тезт. Явно.

¹ Здѣсь излагается второе доказательство, что ложныхъ мнѣній нѣтъ. Вѣдь если то, чтѣ мы мнимъ, относится къ тому, чтѣ есть, то быть не можетъ, что-бы то самое, чего нѣтъ, какимънибудь образомъ подлежало мнѣнію. А отсю-да слѣдуетъ, что ложно мнить нельзя, такъ какъ мнящій необходимо мнить что-нибудь.

189. *Сокр.* И слѣдовательно слышащій что нибудь слышитъ также нѣчто одно,—слышитъ существующее.

Теэт. Да.

Сокр. И касающійся чего нибудь касается именно одного,—касается существующаго, какъ скоро одного.

Теэт. И это.

Сокр. А имѣющій мнѣніе не одно ли нѣчто мнить?

Теэт. Необходимо.

Сокр. Мнящій же нѣчто одно не то ли мнить, что существуетъ?

Теэт. Согласенъ.

Сокр. Стало быть, кто мнить не существующее, тотъ ничего не мнить.

Теэт. По видимому; ничего.

Сокр. Но вѣдь ничего не мнящій-то вовсе и не мнить.

Теэт. Ясно, кажется, что такъ.

В. *Сокр.* Стало быть, не существующаго мнить нельзя,—ни въ разсужденіи предметовъ дѣйствительныхъ, ни въ разсужденіи вещи самой по себѣ.

Теэт. По видимому, нельзя.

Сокр. Значитъ, имѣть ложное мнѣніе есть что-то иное, чѣмъ мнить то, что не существуетъ?

Теэт. Явно, что иное.

Сокр. Посему мнѣніе у насъ бываетъ ложнымъ и не такъ, и не какъ немного прежде разсматривали мы его.

Теэт. Ужъ конечно, нѣтъ.

Сокр. Не дать ли такъ происходящему вотъ какого имени?

Теэт. Какого?

Сокр. Мнѣнія, оказывающагося ложнымъ, не назвать ли иномнѣніемъ ¹ (ἀλλοδοξίαν),—когда кто, смѣнивъ въ своей мысли что либо существующее, считаетъ его опять инымъ

¹ Слѣдуетъ третье доказательство, что ложнаго мнѣнія нѣтъ. Вѣдь если ложнымъ мнѣніемъ должно быть какое-то иномнѣніе, въ которомъ вещи смѣняются одна на другую, то, по словамъ Сократа, такая смѣна, не можетъ имѣть мѣста, объ одной ли изъ тѣхъ вещей мыслимъ мы, или объ обѣихъ.

существующимъ? Въдъ такимъ образомъ онъ всегда мнить хотъ и существующее, однакожь одно вмѣсто другаго,—и, не попадая на тотъ предметъ, который разсматривалъ, справедливо можетъ быть названъ ложно мнящимъ.

Теэт. Теперь ты сказалъ, кажется, весьма правильно; потому что, когда вмѣсто прекраснаго мнять постыдное, или вмѣсто постыднаго прекрасное, тогда, по справедливости, мнять ложно.

Сокр. Ты относишься ко мнѣ, Теэтеть, съ презрѣніемъ, а не съ осторожностію.

Теэт. Почему такъ?

Сокр. Я кажусь тебѣ, думаю, неспособнымъ ухватиться за твое «по справедливости ложно», и спросить: развѣ можетъ D. быть скорое медленно, или легкое тяжело, или что другое противное оказываться противнымъ себѣ,—не по своей природѣ, а по природѣ противнаго? Впрочемъ, чтобы отвага твоя не была напрасною, я оставляю это. Такъ тебѣ нравится, говоришь, та мысль, что имѣть ложное мнѣніе значитъ водиться иномнѣніемъ?

Теэт. Нравится.

Сокр. Стало быть, по твоему мнѣнію, одно что нибудь можно полагать въ мысли какъ другое, а не какъ это.

Теэт. Конечно, можно.

Сокр. Если же въ чьей нибудь мысли дѣлается такъ, то не необходимо ли ей мыслить или оба, или только другое? E.

Теэт. Конечно, необходимо.

Сокр. Притомъ либо вмѣстѣ, либо преемственно?

Теэт. Прекрасно.

Сокр. Но мышленіемъ то ли называешь ты, что я?

Теэт. А ты что называешь?

Сокр. Бесѣду, которую душа ведетъ сама съ собою, когда что нибудь разсматриваетъ. Вотъ ты видишь во мнѣ какъ бы человѣка незнающаго; въ эту минуту я представляю душу свою такъ: мнѣ воображается, что она, размышляя, не иное что дѣлаетъ, какъ разговариваетъ,—сама себя спра-

190. шиваетъ и отвѣчаетъ, утверждаетъ и отрицаетъ. И тогда, какъ ея что нибудь опредѣлено, выходъ изъ недоумѣнія скорѣе или медленнѣе сдѣланъ, тожественное высказано и сомнѣнія больше нѣтъ,—мы приписываемъ ей мнѣніе. Поэтому мнить у меня называется говорить, мнѣніемъ же я почитаю высказанное слово,—высказанное однакожь не другому кому и не голосомъ, а молча, себѣ самому. А ты что думаешь?

Тѣэт. И я то же.

Сокр. Стало быть, кто одно мнить другимъ, тотъ говорить также, какъ видно, самому себѣ, что одно есть другое.

В. *Тѣэт.* Какъ же.

Сокр. Припомни же, говорилъ ли ты когда нибудь самому себѣ, что прекрасное всего болѣе есть безобразное, либо, несправедливое—справедливое, или,—и это главное,—смотри, принимался ли ты когда нибудь увѣрять себя, что одно всего болѣе есть другое? Не совершенно ли напротивъ, ты даже и во снѣ никогда не осмѣливался сказать себѣ, что нечетъ непременно есть четъ, либо чтò иное такое же?

Тѣэт. Ты правду говоришь.

С. *Сокр.* Думаешь ли, что кто нибудь здоровый, а не сумасшедшій, дерзнетъ серьезно говорить самъ съ собою и увѣрять себя, что быкъ необходимо есть лошадь, или два—одно?

Тѣэт. Клянусь Зевсомъ, нѣтъ.

Сокр. И такъ, если говорить съ самимъ собою значить мнить, то, говоря и мня оба-то представленія и касаясь душою того и другаго, никто не могъ бы ни говорить, ни мнить, что одно есть другое. Посему и тебѣ надобно оставить рѣчь о другомъ. Вѣдь я полагаю это самое такъ: никто не мнить,

Д. что постыдное прекрасно, или иное что нибудь такое.

Тѣэт. И я оставляю, Сократъ; такъ какъ мнѣ нравится, чтò ты говоришь.

Сокр. Стало быть, кто мнить оба представленія, тому невозможно мнить, что одно есть другое.

Тѣэт. Выходить.

Сокр. Мнящій же только одно-то, а никакъ не другое, никогда не будетъ мнить, что одно есть другое.

Тезт. Справедливо; потому что иначе онъ принужденъ былъ бы касаться и того, о чемъ не мнить.

Сокр. Стало быть, иномнѣніе невозможно ни для того, кто мнить оба представленія, ни для того, кто—которое Е. нибудь одно; слѣдовательно, кто опредѣлялъ бы, что ложное мнѣніе есть иномнѣніе, тотъ не сказалъ бы ничего; потому что ни этимъ образомъ, ни прежнимъ не открывается въ насъ ложнаго мнѣнія.

Тезт. Видно, что нѣтъ.

Сокр. Но вѣдь если не откроется это, Теэтеть, то мы принуждены будемъ допустить много страннаго.

Тезт. Что именно?

Сокр. Я не скажу тебѣ, пока не попытаюсь разсмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ; потому что стыдно было бы мнѣ за насъ, при настоящемъ затрудненіи, быть поставленными въ необходимость согласиться въ томъ, что я говорю. 191. Но если найдемъ и выйдемъ на свободу, то, уже не опасаясь возбудить смѣхъ, скажемъ о другихъ, съ кѣмъ это случается. А когда затрудненія нисколько не преодолѣемъ, тогда смирится, думаю, и, подобно корабельнымъ пловцамъ, предавшись слову, будемъ терпѣть и принимать, чего бы оно ни захотѣло. Послушай-ка, какой еще представляется намъ путь изслѣдованія.

Тезт. Говори.

Сокр. Скажу, что мы неправильно согласились, допустивъ, будто тому, кто знаетъ что нибудь, невозможно мнить, что чего онъ не знаетъ, есть то самое,—и обманываться: на- В. противъ, это въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно.

Тезт. Не то ли говоришь ты, что и я подозрѣвалъ, когда мы полагали, что это таково: что, то есть, иногда я, зная Сократа, а вдали видя другаго человѣка, котораго не знаю, думалъ, что это Сократъ, котораго знаю? Въ этомъ-то вѣдь случаѣ бываетъ именно то, что ты говоришь.

Сокр. Такъ не отказаться ли намъ отъ этого положенія, которое въ томъ, что мы знаемъ, дѣлало насъ, знающихъ, не знающими?

Теэт. Конечно.

Сокр. Вѣдь мы положимъ не такъ, а вотъ какъ,—и дѣло с. у насъ, можетъ быть, кое-какъ уладится,—а можетъ быть и не пойдетъ на ладъ. Видишь, мы въ настоящемъ случаѣ такъ поставлены, что намъ необходимо испытывать предметъ, поворачивая его на всѣ стороны. Смотри же, дѣло ли я говорю. Возможно ли, чтобы кто, прежде не зная чего нибудь, послѣ научился?

Теэт. Конечно, возможно.

Сокр. Потомъ опять другому, третьему?

Теэт. Почему не такъ.

Сокр. Представь же, для ясности, что въ душахъ нашихъ есть ¹восковой оттискъ, у одного больше, у другаго меньше, и воскъ у того чище, у этого грязнѣе, у того тверже, у этого мягче, а у иныхъ онъ умѣренный.

Теэт. Представляю.

Сокр. Положимъ теперь, что этотъ воскъ есть даръ матери музъ, Мнимосины, и что на немъ,—что ни захотѣлось бы намъ помнить изъ вещей видѣнныхъ, слышанныхъ, либо, при посредствѣ чувствъ и размышленія, придуманныхъ нами самими,—мы кладемъ знаки, отпечатлѣвая ихъ будто перстнемъ. И вотъ, что отпечатлѣно, мы помнимъ и знаемъ, е. пока есть образъ отпечатлѣннаго; а когда оттискъ изгладился, или нельзя бываетъ сдѣлать его, забываемъ и не знаемъ.

Теэт. Пусть такъ.

Сокр. И такъ, знающій то, что видитъ или слышитъ, и

---

¹ Неизвѣстно, откуда взялъ Платонъ понятіе о восковомъ оттискѣ въ нашей душѣ. Но по всей вѣроятности, оно заимствовано у кого нибудь изъ тогдашнихъ умствователей, которые здѣсь осмѣиваются. Впослѣдствіи стоики и другіе позднѣйшіе философы мысль о восковомъ оттискѣ перенесли на мозгъ, и приложили ее къ объясненію природы памяти и сужденія.

разсматривающій это,—сообразилъ,—можетъ ли такимъ образомъ имѣть ложное мнѣніе?

Гезт. Какимъ, то есть?

Сокр. Думая, что знаемое иногда онъ знаетъ, иногда нѣтъ. Вѣдь это-то, соглашаясь въ невозможномъ, мы прежде не хорошо допустили.

Гезт. А теперь какъ ты говоришь?

Сокр. Говоря объ этомъ, надобно сперва различить ¹ слѣдующее: невозможно, чтобы, кто что знаетъ, имѣя въ своей душѣ память о томъ, но не чувствуетъ того, почиталъ это чѣмъ-то отличнымъ отъ знаемаго, тогда какъ носить въ себѣ типъ его, только не чувствуетъ; и опять, чтобы, кто что знаетъ, знаемое принималъ за то, чего не знаетъ и печати чего въ себѣ не носить; и опять, кто чего не знаетъ, считалъ бы за то, чего не знаетъ, а что знаетъ,—за то, что знаетъ. Невозможно также, чтобы кто, что чув-

¹ Намѣреваясь показать начала и источники, изъ которыхъ можетъ происходить ложное мнѣніе, философъ, вслѣдъ за своимъ замѣчаніемъ касательно возможности, зная что либо, мнить о существованіи только знаемаго и не знаемаго, перечисляетъ отчетливо, математически, всѣ случаи, въ которыхъ можетъ быть или не можетъ быть смѣшеніе чувственныхъ усмотрѣній и умственныхъ понятій. На первомъ мѣстѣ поставляетъ онъ одно понятіе ума безъ чувства, потомъ одно чувство безъ понятія ума, чтобы изслѣдовать, сколько можетъ быть случаевъ къ смѣшиванію чувственныхъ усмотрѣній. За этимъ слѣдуетъ третій способъ происхожденія заблужденій, когда знаніе и ощущеніе соединяются между собою. Здѣсь или на которой либо одной сторонѣ, или на обѣихъ полагаются ясныя и отчетливыя понятія ума и чувственныя ощущенія, такъ что одинъ образъ соответствуетъ другому и понятія умственные бывають согласны съ усмотрѣніями чувствъ. Поэтому сюда заблужденіе не можетъ имѣть доступа. Философу кстати было бы прибавить къ этому: кто что хорошо знаетъ, тотъ не станетъ оспаривать того, что ясно усматривается чувствомъ. Но это онъ благо-разумно оставляетъ, такъ какъ мы все-таки можемъ ошибаться, какъ скоро представляются намъ подобные признаки вещей. Философъ хочетъ напомнить только о тѣхъ условіяхъ, которыя совершенно выводятъ насъ изъ опасности ошибаться. Эти же случаи раскрываются потомъ и со стороны отрицательной. И такъ, мы видимъ, что заблужденіе, по словамъ философа, можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда на которой либо сторонѣ чувствъ возникаетъ ощущеніе не довольно отчетливое, или когда прежнее познаніе оказывается мало удовлетворительнымъ; ибо теперь опускаются слова: ἔχειν τὸ μνημεῖον ἐν τῇ ψυχῇ κατὰ τὴν αἰσθησιν, и ἔχειν τὴν γῶσιν κατὰ τὴν αἰσθησιν, что надобно внимательно замѣтить, чтобы не подуматъ, будто Платонъ не согласенъ самъ съ собою.

чувствуетъ, чувствовалъ какъ что-то отличное отъ того, что чувствуетъ; и кто, что чувствуетъ, принималъ бы за то, чего не чувствуетъ, а чего не чувствуетъ—за то, что чувствуетъ. Но и того, если можно, несбыточнѣе, чтобы кто, зная что либо, чувствуя знаемое и имѣя чувственный его признакъ, почиталъ это опять чѣмъ-то отличнымъ отъ того, что знаетъ, чувствуетъ и чего имѣеть тоже чувственный признакъ; и чтобы, кто что знаетъ, что чувствуетъ и чего вѣрное изображеніе носить въ памяти, почиталъ это тѣмъ, что знаетъ, или чтобы, кто что знаетъ и чувствуетъ, имѣя такое же изображеніе, зналъ то, что чувствуетъ; или опять, чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ, что не знаетъ этого и не чувствуетъ; или чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ то, чего не знаетъ; или чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ то, что этого не чувствуетъ. Все это невозможностію перевѣшиваетъ возможность имѣть здѣсь ложное мнѣніе. И такъ, остается, что оно бываетъ, если и въ иныхъ, то, конечно, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Тезт. Въ какихъ же? Не пойму ли я больше изъ нихъ-то? а теперь вѣдь не слѣдую за тобою.

Сокр. Въ тѣхъ, когда кто, зная что нибудь, думаетъ, что это есть нѣчто отличное отъ того, что онъ знаетъ и чувствуетъ; или когда кто не знаетъ чего либо, но чувствуетъ; или когда кто знаетъ и чувствуетъ что нибудь изъ того опять, что знаетъ и чувствуетъ.

Тезт. Теперь я еще больше отсталъ, чѣмъ тогда.

Сокр. Выслушай же прежнее снова вотъ какъ: зная Теодора и имѣя въ самомъ себѣ память о томъ, каковъ онъ, такимъ же образомъ и Теэтета,—не бываетъ ли, что я иногда вижу ихъ, а иногда нѣтъ, иногда прикасаюсь къ нимъ, а иногда нѣтъ; тоже и слышу, или постигаю какимъ нибудь другимъ чувствомъ; а иногда относительно васъ не имѣю никакого чувства, хотя тѣмъ не менѣе помню васъ и знаю въ себѣ?

Теэт. Конечно.

Е.

Сокр. Такъ пойми же, во первыхъ: я хочу высказать то, что можно и не чувствовать, что знаешь, можно и чувствовать.

Теэт. Правда.

Сокр. Но не правда ли, что чего кто не знаетъ, того часто можетъ и не чувствовать, а часто—только чувствовать?

Теэт. Возможно и это.

Сокр. Смотри же, болѣе ли теперь будешь слѣдовать. Сократъ знаетъ Θεодора и Теэтета; но не видитъ никотора- 193.
го, и въ отношеніи къ нимъ нѣтъ у него никакого иного чувства: вѣдь онъ не сталъ бы мнить самъ въ себѣ, что Теэтеть есть Θεодоръ. Дѣло ли говорю я, или нѣтъ?

Теэт. Да, совершенную правду.

Сокр. Такъ вотъ смыслъ тѣхъ словъ, которыя сказалъ я прежде.

Теэт. Дѣйствительно, было сказано.

Сокр. Затѣмъ и второе положеніе: что одного изъ васъ зная, а другаго не зная, и никотораго не чувствуя, я никакъ опять не подумалъ бы, что кого я знаю, есть тотъ, котораго не знаю.

Теэт. Правильно.

Сокр. Третье же то, что, никотораго не зная и не чув- В.
ствуя, я не подумалъ бы, что кого не знаю, тотъ есть кто-то иной въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ не знаю. Представляй, что ты по порядку снова слышалъ и все прочіе прежде сказанные случаи, въ которыхъ я о тебѣ и Θεодорѣ не буду имѣть ложнаго мнѣнія, обоихъ ли васъ знаю или не знаю, или одного знаю, а другаго не знаю. То же самое и о чувствахъ. Слѣдуешь ли теперь?

Теэт. Слѣдую.

Сокр. И такъ, ложно мнить остается въ томъ случаѣ, когда, зная тебя и Θεодора и на томъ воскъ имѣя какъ бы знаки вашихъ перстней, а между тѣмъ смотря на обоихъ С.
васъ издали и недостаточно, я стараюсь собственнымъ зрѣ-

ніемъ приписать каждому изъ васъ принадлежащій ему знакъ, привязать и приладить къ нему оставшіяся во мнѣ самомъ его слѣды, чтобы вышло узнаніе; но, не достигая этого, и какъ бы при обуваньи перемѣшивая сапоги, воззрѣніе на того или другаго отношу къ знаку чужому, либо,—чтоъ бываетъ, когда смотришь въ зеркало,—правую сторону вижу D. на лѣвой, и подѣ влияніемъ такого впечатлѣнія ошибаюсь. Тогда-то случается ложно мнить или имѣть иномнѣніе.

Тезт. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, свойство мнѣнія чрезвычайно подходитъ къ тому, что ты говоришь.

Сокр. Бываетъ еще и то, что, зная обоихъ васъ, одного не только знаю, но и постигаю чувствомъ, а другаго нѣтъ, и знаніе другаго у меня не согласно съ чувствомъ. Это говорилъ я тебѣ прежде; но тогда ты не понималъ меня.

Тезт. Дѣйствительно, не понималъ.

Сокр. Между тѣмъ то-то и разумѣлъ я, когда сказалъ, E. что знающій одного и чувствующій, и имѣющій знаніе, согласное съ чувственнымъ на него воззрѣніемъ, никогда не подумаетъ, что этотъ одинъ есть кто-то иной, между тѣми другими, которыхъ онъ знаетъ и чувствуетъ, и знаніе свое тоже подтверждаетъ чувствомъ. Не такъ ли было говорено?

Тезт. Да.

Сокр. И оставалось-то, кажется, то, что говоримъ теперь,—оставался случай, въ которомъ мы полагаемъ проявленіе ложнаго мнѣнія, когда, то есть, зная обоихъ васъ и обоихъ 194. видя, или постигая инымъ чувствомъ, я приписываю обоимъ знаки, не по одному и тому же чувственному воззрѣнію на того и другаго, но поступаю какъ плохой стрѣлокъ, пускающій стрѣлу не въ ту цѣль и не попадающій,—что и названо ложью.

Тезт. Естественно.

Сокр. И такъ, мышленіе всячески ошибается, когда одному знаку чувство присуще, а другому нѣтъ, и когда знакъ чувства отсутствующаго принаровляется къ присущему. Од-

нимъ словомъ, чего кто не знаетъ и никогда не чувствовалъ, въ отношеніи къ тому нельзя, какъ видно, ни лгать, В. ни имѣть ложное мнѣніе, если мы говоримъ что нибудь здоровое. Мнѣніе, какъ ложное, такъ и истинное, вращается и быстро движется вокругъ того, что мы знаемъ и чувствуемъ: если, то есть, сродныя впечатлѣнія и типы сводить оно соотвѣтственно и прямо, то бываетъ истиннымъ; а когда стороною и косо,—ложнымъ.

Тезт. Не хорошо ли это говорится, Сократъ?

Сокр. А услышавъ еще нѣчто, ты скажешь то же еще С. скорѣе. Вѣдь мнить истину прекрасно, а лгать постыдно.

Тезт. Какъ не постыдно.

Сокр. Но отсюда происходитъ, говорятъ, вотъ что. Когда въ чьей нибудь душѣ воскъ глубокъ, обилень, легокъ и благоприлично выработанъ, такъ что идущее чрезъ чувства напечатлѣвается въ сердцѣ души,—какъ сказалъ Омиръ, намекая на подобіе воска:—тогда знаки, отпечатавшись въ немъ чисто и будучи довольно углублены, сохраняются долгое время, и такіе люди бываютъ, во первыхъ, очень понятливы, потомъ памятьливы, поколику знаковъ чувства не мѣняются, но мнать истину; ибо такъ какъ эти знаки ясны и положены на просторѣ, то скоро всѣ порознь распредѣляются по своимъ печатямъ, носящимъ имена вещей. И вотъ кто называются мудрецами. Или тебѣ не кажется? D.

Тезт. Чрезвычайно.

Сокр. Затѣмъ, когда сердце космато,—что восхвалилъ во E. всѣхъ отношеніяхъ мудрый поэтъ ¹,—или когда оно грязно и наполнено нечистымъ воскомъ, либо слишкомъ мягко, или жестко, тогда, у кого оно мягко, тотъ хотя бываетъ и понятливъ, но забывчивъ; а у кого жестко, тотъ напротивъ. Косматые же и каменные, носящіе въ себѣ множество земли

¹ См. *Iliad.* β' v. 851, π' 554. Fischer.: Το λάσιον ὁ φιλόσοφος ἀντὶ τοῦ τραχὺ ἀκούει. Τὸ δὲ πᾶν σοφὸς εἰωθῆσα τοῦ Σωκράτους εἰρωνεία. τὸ γὰρ λάσιον καὶ τραχὺ οὐκ ἔστιν ἐπαινετόν, ὥστε σκώπτει τὸν ἐπαινέσαντα Ὅμηρον.

или грязи, имѣють отпечатки неаявственныя. Неаявственны также они и у людей съ сердцемъ жесткимъ, потому что въ нихъ нѣтъ глубокости; неаявственны они и у мягкосердыхъ, такъ какъ въ нихъ знаки сливаются и оттого скоро становятся темными. А когда, сверхъ всего этого, знаки въ нихъ, отъ тѣсноты, совпадаютъ между собою, что бываетъ въ чьей либо душонкѣ маленькой, тогда оказываются еще менѣе явственными, чѣмъ тѣ. Такъ вотъ всѣ эти способны питать мнѣнія ложныя; потому что, видя, слыша или мысля что нибудь, но не будучи въ состояніи скоро распредѣлять отдѣльные знаки по отдѣльнымъ вещамъ, они бываютъ медленны, и, приписывая имъ чужое, часто и видятъ, и слышать, и мыслить ложно, а потому называются заблуждающимися относительно сущаго и невѣждами.

В. *Теэт.* Ты говоришь справедливѣе, чѣмъ сказалъ бы кто нибудь, Сократъ.

Сокр. Положимъ ли, стало быть, что у насъ есть мнѣнія ложныя?

Теэт. Непремѣнно.

Сокр. Тоже и истинныя?

Теэт. И истинныя.

Сокр. Такъ, думаемъ, достаточно допущено, что всего болѣе имѣемъ мы тѣ и другія?

Теэт. Чрезвычайно достаточно.

Сокр. Досадное, Теэтеть, и по истинѣ непріятное должно быть существо человѣкъ болтливый.

Теэт. Чтò такъ? Къ чему это сказалъ ты?

С. *Сокр.* Сказалъ въ досадѣ на свою тупость и подлинно болтливость: ибо какое иное имя дать тому, кто тянетъ свою рѣчь туда и сюда ¹, по медленности не убѣждаясь ни въ чемъ и съ трудомъ отрываясь отъ каждаго положенія?

---

¹ Сократъ очень остроумно обвиняетъ себя за неповоротливость и медленность своихъ способностей, такъ какъ все еще не можетъ успокоиться на томъ положеніи, которое уже доказано, но снова начинаетъ сомнѣваться въ немъ.

Тезт. Такъ тебѣ-то что же досадовать?

Сокр. Не только досаую, но и боюсь, что не въ состоянїи буду отвѣчать, когда спросятъ меня: Сократъ! ты нашелъ, что ложное мнѣніе не бываетъ во взаимномъ отно- D. шенїи ни чувствъ, ни мыслей, а является въ соприкосновенїи чувства съ мыслию? Я подтвержу это, думаю, съ видомъ самодовольства, какъ бы мы нашли что-то прекрасное.

Тезт. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Сократъ, что доказанное теперь и не постыдно.

Сокр. Поэтому, скажутъ, ты говоришь, что человѣка, котораго только мыслимъ, а не видимъ, мы никогда не сочтемъ за коня, котораго также и не видимъ и не касаемся, а только мыслимъ, и ничего болѣе относительно его не чувствуемъ?—Да, говорю;—это будетъ, думаю, мой отвѣтъ.

Тезт. Да и правильно.

Сокр. Что же? скажутъ: число одиннадцать, которое мож- E. но не болѣе какъ мыслить, нельзя поэтому никогда счесть за число двѣнадцать, которое также только мыслится? Ну-ка, отвѣчай на это ты.

Тезт. Я буду отвѣчать, что, когда видишь, или осязаешь, можно принять одиннадцать за двѣнадцать; но пока эти числа держишь только въ мысли, о нихъ нельзя имѣть такого мнѣнїя.

Сокр. Что же? думаешь ли, никто никогда не брался за изслѣдованіе пяти и семи самихъ въ себѣ,—говорю не о пя- 196. ти и семи человѣкахъ, или о чемъ другомъ, а о самыхъ

Причиною этого была, конечно, не медленность его ума, а сила соображенїя, которая каждый предметъ измѣряла со всѣхъ сторонъ. Поэтому нельзя не удивляться здѣсь ловкости Сократовой иронїи. Теперь Сократъ говорить, что ложное мнѣніе не довольно отчетливо признано происходящимъ изъ смѣшенїя чувственныхъ усмотрѣній и понятій, если только и самыя понятія ума, безъ участія чувствъ, могутъ измѣняться. И такъ, ложное мнѣніе надобно опредѣлить иначе, и опытъ этого опредѣленія дѣлается такъ, что доказывается несмѣшиваемость самыхъ знаній, откуда опять слѣдуетъ, что нѣтъ у насъ мѣста обманамъ заблужденїя, и что слѣдовательно знаніе и мнѣніе—одно и то же.

числахъ *пять* и *семь*, что мы называли тогда знаками на печати, и говорили, что въ отношеніи къ нимъ не бываетъ ложнаго мнѣнія? Этого самаго не изслѣдовалъ ли уже когда кто нибудь изъ людей, говоря самъ себѣ и спрашивая: сколько составитъ изъ нихъ,—и не думалъ ли одинъ, что выйдетъ одиннадцать, а другой,—что двѣнадцать? Развѣ всѣ говорятъ и думаютъ, что сумма ихъ—двѣнадцать?

В. *Теэт.* Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; многіе—и одиннадцать; и чѣмъ больше разсматриваемое число, тѣмъ скорѣе ошибаются. Вѣдь я думаю, что ты говоришь о всякомъ числѣ.

Сокр. И правильно думаешь. Всмотрись же, иное ли что бываетъ тогда, кромѣ того, что самое это «двѣнадцать» представляется на печати какъ одиннадцать?

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Поэтому не возвращаемся ли мы къ прежнимъ рѣчамъ? Вѣдь кто испытываетъ это, тотъ, что знаетъ, почитаетъ отличнымъ отъ всего, что также знаетъ; а это, сказали мы, невозможно, и принуждены были положить, С. что въ этомъ отношеніи ложнаго мнѣнія не бываетъ, чтобы не поставить себя въ необходимость утверждать, что знающій есть вмѣстѣ и не знающій.

Теэт. Весьма справедливо.

Сокр. И такъ надобно постановить, что ложное мнѣніе есть что нибудь другое, а не принятіе мысли за чувство. Вѣдь если бы оно было это, то въ самыхъ помыслахъ мы никогда не обманывались бы: а теперь-то—либо нѣтъ ложнаго мнѣнія, либо что кто знаетъ, того можетъ и не знать. Что изберешь ты изъ этого?

Теэт. Трудный выборъ предлагаешь ты, Сократъ.

Д. *Сокр.* Однакожь того-то и другаго вмѣстѣ разсудокъ, должно быть, не допустить. Впрочемъ надобно на все отваживаться:—что, если бы мы рѣшились безстыдничать?

Теэт. Какъ?

Сокр. Захотѣвши сказать, что такое значить—знать.

Теэт. Да какое же въ этомъ безстыдство?

Сокр. Ты какъ будто и не замѣчаешь, что все съ самаго начала разсужденіе наше клонилось къ изысканію знанія, такъ какъ мы не знаемъ, чтò такое оно.

Тезт. Нѣтъ, замѣчаю.

Сокр. И тебѣ кажется не стыдно,—не зная знанія, заявлять, каково знаніе. Да, Теэтеть, давно уже бесѣда наша Е. полна нечистоты. Тысячекратно доселѣ повторяли мы слова: *знаемое и не знаемое, знаемъ и не знаемъ*, какъ будто понимая другъ друга,—тогда какъ не знаемъ еще, чтò называется знаніемъ! Если угодно, вотъ и теперь опять мы употребляемъ слова *не знать и понимать*, какъ будто слѣдуетъ употреблять ихъ, когда нѣтъ у насъ знанія.

Тезт. Но какимъ образомъ будешь ты разговаривать, Сократъ, обходя ихъ?

Сокр. Никакимъ, пока только я есмь я. Когда бы, конечно 197. но, былъ я спорщикомъ, или когда бы такой человѣкъ находился теперь между нами,—безъ сомнѣнія, сказалъ бы, что они должны быть обходимы, и очень укорялъ бы насъ за то, чтò я говорю. А такъ какъ мы люди плохіе, то—хочешь ли, я осмѣлюсь сказать, чтò такое знаніе? Мнѣ представляется, что это будетъ сказано кстати.

Тезт. Осмѣлься, ради Зевса. А что ты не будешь обходить тѣхъ словъ, въ томъ получишь совершенное прощеніе.

Сокр. Слыхалъ ли ты, чтò нынѣ называютъ знаніемъ?

Тезт. Можетъ быть; однакожъ въ эту минуту не припомню.

Сокр. Знаніе, говорятъ, есть имѣніе знанія.

В.

Тезт. Правда.

Сокр. А мы немного переиначимъ и скажемъ: *владѣніе знаніемъ*.

Тезт. Какое же различіе найдешь ты между этимъ и тѣмъ?

Сокр. Можетъ быть, никакого: но, чтò покажется, слушай и вмѣстѣ со мною испытывай.

Тезт. Если только буду въ состояніи.

Сокр. Такъ вотъ, владѣть и имѣть, мнѣ кажется, не одно и то же. Положимъ, наприимѣръ, кто нибудь, купивши платье и владѣя имъ, не носитъ его: мы не сказали бы, что онъ имѣетъ это платье, а сказали бы, что онъ владѣетъ имъ.

Тезт. И правильно.

С. *Сокр.* Смотри же, нельзя ли такъ, и приобрѣтши знаніе, не имѣть его, подобно тому, кто, наловивъ дикихъ птицъ, голубей, или другихъ животныхъ, питаетъ ихъ въ построенной дома голубятнѣ. Вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ, вѣроятно, могли бы сказать, что онъ всегда имѣетъ ихъ, потому именно, что приобрѣлъ. Не такъ ли?

Тезт. Да.

Сокр. А другимъ-то образомъ не имѣетъ ни одного, и относительно ихъ принадлежитъ ему только власть: такъ какъ онъ заключилъ ихъ и сдѣлалъ подручными въ собственной своей оградѣ, то владѣетъ правомъ, поймавъ которое угодно, брать ихъ и держать, когда захочетъ, и опять отпускать; и это можетъ дѣлать, сколько разъ ему ни вздумается.

Тезт. Такъ.

Сокр. И опять, какъ прежде мы приготовляли въ душахъ какое-то, не знаю, восковое изображеніе, такъ теперь построимъ въ каждой душѣ нѣкоторыя голубятни для различныхъ птицъ, изъ которыхъ однѣ вездѣ, гдѣ случится, летаютъ особо отъ прочихъ стадами, другія—въ небольшомъ числѣ, а нѣкоторыя—по одиночкѣ

Е. *Тезт.* Пусть будутъ построены. Что же изъ этого?

Сокр. Пока мы въ дѣтствѣ, это помѣщеніе, надобно сказать, бываетъ пусто; а вмѣсто птицъ должно мыслить знанія. И кто, приобрѣтши какое знаніе, заперъ его въ своей оградѣ, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ научился, или нашелъ дѣло, къ которому относилось это знаніе, и это называется знать.

Тезт. Пусть такъ.

198. *Сокр.* Потомъ опять, когда вздумается ловить знанія,

брать ихъ, держать и снова отпускать, смотри, какія требуются имена: тѣ ли, какія употреблялись прежде, когда знаніе было приобрѣтаемо, или другія?—Ты яснѣ поймешь, что я говорю, вотъ изъ чего. Признаешь ли ты искусство ариѳметическое?

Тезт. Да.

Сокр. Представь же, что это есть ловля знаній относительно всякаго чета и нечета.

Тезт. Представляю.

Сокр. Этимъ-то, думаю, искусствомъ и самъ онъ знанія о числахъ держитъ въ подчиненіи, и другимъ передаетъ ихъ, В. которыя передаетъ.

Тезт. Да.

Сокр. И передающій-то, говоримъ, учитъ, а принимающій учится; тому же, къмъ они приобрѣтены и содержатся въ той голубятнѣ, приписываемъ знанія.

Тезт. Конечно.

Сокр. Такъ вникни теперь, что отсюда слѣдуетъ. Знающій въ совершенствѣ ариѳметику инья ли имѣетъ знанія, какъ не знанія всѣхъ чиселъ? Вѣдь въ душѣ его есть знанія о всѣхъ числахъ.

Тезт. Какъ же.

Сокр. Но такой не будетъ ли считать что нибудь, либо С. находящееся въ немъ самомъ, либо иное нѣчто внѣ его, что опредѣляется числомъ?

Тезт. Какъ не считать.

Сокр. А считать-то есть не иное что, положимъ мы, какъ разсматривать, сколь велико какое нибудь число.

Тезт. Такъ.

Сокр. Стало быть, разсматривающій то, что онъ знаетъ, представляется какъ бы не знающимъ, хотя мы согласились, что ему извѣстны всѣ числа. Ты, вѣроятно, слышишь иногда такія несообразности?

Тезт. Да.

Сокр. Посему, уподобляя это приобрѣтенію и ловлѣ го-

Д. лубей, мы скажемъ, что ловля бываетъ двоякая: одна—до приобрѣтенія, чтобы прибрѣсть; другая—послѣ прибрѣтенія, чтобы взять и держать въ рукахъ, что нѣкогда прибрѣтено. Такимъ образомъ человекъ, давно уже, посредствомъ ученія, получившій знаніе чего нибудь и узнавшій это, можетъ изучать опять то же самое, снова принимаясь за знаніе извѣстной вещи и держа его, какъ давно приобрѣтенное, только въ умѣ кстати не возбуждавшееся.

Тетт. Правда.

Е. *Сокр.* Объ этомъ-то я сейчасъ спрашивалъ, какія надобно употреблять имена, говоря о знаніяхъ, когда ариѳметистъ будетъ считать, или грамматистъ читать. Знающій станетъ ли въ такомъ случаѣ снова учиться у себя тому, что узналъ?

Тетт. Но это странно, Сократъ.

Сокр. Такъ, скажемъ, они не знаютъ того, что читаютъ 199. и считаютъ,—тогда какъ мы уступили имъ знаніе всѣхъ буквъ и чиселъ?

Тетт. И это несообразно.

Сокр. Ну, хочешь ли, положимъ, что объ именахъ нечего намъ беспокоиться, кому куда ни заблагоразсудилось бы направлять слова: *познавать* и *учиться*, коль скоро мы опредѣлили, что иное дѣло—приобрѣсть знаніе, и иное—имѣть его, и коль скоро невозможно, говоримъ, чтобы кто не прибрѣлъ того, что прибрѣлъ,—отчего никогда никому и не приходится не знать, что онъ знаетъ, хотя получить ложное в. объ этомъ мнѣнія можно? Вѣдь есть возможность—не имѣть объ этомъ знанія, а принять одно за другое, когда, ловя которое нибудь изъ летающихъ вокругъ знаній, по ошибкѣ, берешь одно вмѣсто другаго, когда, слѣдовательно, одиннадцатъ считаешь двѣнадцатю, принимая знаніе одиннадцати за знаніе двѣнадцати, какъ бы ловя въ себѣ дикаго голубя за ручнаго.

Тетт. Это сообразно.

Сокр. А когда которое намѣренъ взять, то и берешь, тог-

да жи нѣтъ,—ты мнишь дѣйствительное: такимъ-то образомъ бываетъ мнѣніе истинное и ложное, и намъ ничто не мѣшаетъ въ томъ, на что прежде мы досадовали. Подтвердишь это, или какъ поступишь?

Теэт. Такъ.

Сокр. Стало быть, отъ положенія: что знаешь, того не знаешь, мы отдѣлялись; ибо, приобрѣтши нѣчто, никогда не случается не приобрѣсть этого, ошиблись ли мы въ чемъ, или не ошиблись. Страшнѣе, по видимому, представляется мнѣ другое положеніе.

Теэт. Какое?

Сокр. Если обмѣнъ знаній будетъ ложнымъ мнѣніемъ.

Теэт. Да какъ же?

Сокр. Страшно, во первыхъ, то, что имѣющій знаніе о D. чемъ нибудь не знаетъ этого самаго,—не знаетъ не незнаніемъ, а своимъ о себѣ знаніемъ; во вторыхъ опять, мнить, что другое есть это, а это—другое.—Какъ не велика несообразность—полагать, что, когда знаніе привходитъ, душа не имѣетъ никакого знанія, но все не знаетъ? Изъ этого основанія ничто не препятствуетъ заключить, что и привзошедшее незнаніе заставляетъ нѣчто знать, и слѣпота—видѣть, если знаніе заставитъ иногда кого нибудь не знать.

Теэт. Можетъ быть, не хорошо мы положили, Сократъ, Е. понимая птицъ только какъ знанія: надлежало представлять, что вмѣстѣ съ ними летаютъ въ душѣ и незнанія, и что ловець, хватая иногда знаніе, иногда незнаніе относительно той же вещи, мнить ложно незнаніемъ, а справедливо—знаніемъ.

Сокр. Не легко, конечно, не хвалить тебя, Теэтеть; однако разсмотри опять, что ты сказалъ. Пусть будетъ такъ, какъ говоришь: взявшій-то незнаніе будетъ, полагаешь, имѣть 200. ложное мнѣніе? Не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. Не думая впрочемъ, что онъ ложно мнить.

Теэт. Какъ же.

Сокр. А справедливо,—и будетъ въ томъ убѣжденіи, что онъ знаетъ то, въ отношеніи къ чему солгалъ.

Тезт. Почему не такъ.

Сокр. Слѣдовательно будетъ думать, что онъ поймалъ знаніе, а не незнаніе.

Тезт. Явно.

Сокр. Поэтому, долго ходя вокругъ, мы опять пришли къ прежнему недоумѣнію. Вѣдь тотъ обличитель засмѣется в. теперь и скажетъ: полагаете ли вы, почтеннѣйшіе, что знающій то и другое,—знаніе и незнаніе,—думаетъ, что знаемое имъ есть нѣчто отличное отъ всего, что онъ знаетъ? Или не знающій ни того ни другаго мнитъ, что не знаемое отлично отъ всего, чего онъ не знаетъ? Или, это зная, а того не зная, знаемое принимаетъ онъ за не знаемое, а не знаемое— за знаемое? Или снова скажете мнѣ, что по отношенію къ познаніямъ и незнаніямъ есть опять знанія, прибрѣтшія которыя заперъ ихъ въ другихъ какихъ-то смѣшныхъ голубятняхъ, или восковыхъ слѣпкахъ, и знаетъ, пока прибрѣлъ, с. но не имѣетъ ихъ въ душѣ подъ рукою? Такъ-то вы, не дѣлая больше ничего, принуждены тысячекратно возвращаться къ тому же! Что будемъ отвѣчать на это, Теэтеть?

Тезт. Но,—клянусь Зевсомъ, Сократъ,—я не нахожу, что тутъ говорить.

Сокр. Такъ не хорошо ли укоряетъ насъ изслѣдованіе, дитя, показывая, что мы неправильно ищемъ ложнаго мнѣнія прежде знанія, которое оставили? Вѣдь первое невозможно знать, пока не возьмешь по надлежащему знанія, что такое оно.

Тезт. Въ настоящемъ случаѣ необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Что же будетъ знаніе? спроситъ кто нибудь опять сначала. Вѣдь мы, вѣроятно, не будемъ же отказываться отъ этого вопроса?

Тезт. Всего менѣе, если только ты-то не откажешься.

Сокр. Скажи же, какъ намъ лучше отвѣчать, чтобы всего менѣе противорѣчить самимъ себѣ?

Теэт. Какъ мы взялись прежде, Сократъ; потому что я е. не представляю ничего другаго.

Сокр. Какъ?

Теэт. Сказать, что истинное мнѣніе есть знаніе. Вѣдь истинное-то мнѣніе безошибочно, и что бываетъ согласно съ нимъ, все то хорошо и прекрасно.

Сокр. Проводникъ чрезъ рѣку говоритъ, Теэтеть: вода сама ¹ покажетъ. Такъ-то и мы: если будемъ изслѣдывать предметъ на ходу, изслѣдуемое скоро само откроетъ, въ чемъ 201. заключается препятствіе; а когда будемъ стоять, ничто не откроется.

Теэт. Ты правильно говоришь; пойдемъ же и будемъ разсматривать.

Сокр. Но тутъ-то коротко разсматриваніе: цѣлое искусство ² удостовѣряетъ тебя, что истинное мнѣніе не есть знаніе.

Теэт. Какъ такъ? Что это за искусство?

Сокр. Искусство великановъ въ мудрости, которыхъ называютъ риторамъ и дѣльцами въ судахъ. Вѣдь они своимъ искусствомъ убѣждаютъ не уча, а заставляя мнить, что имъ угодно. Развѣ это, думаешь, какіе-то такіе сильные учителя, что не много утечетъ воды, какъ они удовлетворительно докажутъ истину событій даже тѣмъ, которые и не В. видѣли ограбленныхъ, или испытанныхъ иное насиліе?

Теэт. Никакъ не думаю; но убѣждать, убѣждаютъ.

¹ Вода сама покажетъ, ἄρα δείξαι αὐτό. Такъ отвѣчаетъ проводникъ чрезъ рѣку, ведущій кого нибудь въ бродъ, когда съ берега кричатъ ему: «глубоко, вода высока!» Этимъ сравненіемъ Сократъ хочетъ выразить ту мысль, что постепенное раскрытіе предмета само покажетъ, что въ немъ есть истиннаго или ложнаго. Schol. R u h n k e n. p. 33 и 133. Suidas, t. 1, p. 385 et al.

² Сократъ говоритъ, что искусство ораторское и судебное показываютъ, какъ несходны между собою правильное мнѣніе и знаніе; ибо часто случается, что судья, не совѣмъ наученный ораторомъ, а только ослѣпляемый искусными обротами рѣчи, даетъ правильные приговоры.

Сокр. А убѣждать не значить ли, говоришь, заставить мнить?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Но не правда ли, что когда судьи справедливо бываютъ убѣждены въ томъ, что можно знать только видѣв-
С. шему, а иначе нельзя, тогда, судя о дѣлѣ по слуху и получивъ истинное мнѣніе, они, при своемъ правѣ на убѣжденіе, судятъ безъ знанія, если судятъ хорошо?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А если бы истинное мнѣніе и знаніе были одно и то же, другъ мой, то судья совершенный никогда не мнилъ бы право безъ знанія. Видно, они отличны одно отъ другаго.

Теэт. Теперь пришло мнѣ на мысль то, Сократъ, что я слышалъ отъ кого-то, но забылъ-было. Онъ сказалъ, что
D. истинное мнѣніе съ умомъ есть знаніе ¹, а безъ ума—отлично отъ знанія. И въ чемъ не представляется ума, то не познаваемо,—такъ называлъ онъ это,—а въ чемъ представляется, то познаваемо.

Сокр. Ты говоришь очень хорошо. Но скажи, какъ различается у тебя познаваемое и не познаваемое: одинаково ли слышали объ этомъ я и ты?

Теэт. Не знаю, въ состояніи ли буду раскрыть это. Но если бы говорилъ кто другой, то, думаю, слѣдовалъ бы.

Сокр. Выслушай же одинъ сонъ вмѣсто другаго. Я, какъ
E. жется, тоже слышалъ отъ кого-то, что первыя какъ бы стихіи, изъ которыхъ сложены какъ мы, такъ и все прочее, не имѣютъ ума; потому что можно наименовать отдѣльно каждую стихію только саму по себѣ, а прибавить, что такое она есть, или не есть, ничего нельзя; можно приписывать
202. ей существованіе или несуществованіе, а поставлять ее въ отношеніе не должно, если говорится о ней одной, поколику

¹ Здѣсь Теэтеть предлагаетъ третье и послѣднее опредѣленіе знанія, говоря, что знаніе есть истинное мнѣніе съ умомъ, μετὰ λόγου. Сократъ разсматриваетъ это опредѣленіе и особенное вниманіе обращаетъ на прибавочный терминъ—μετὰ λόγου.

не должно быть прилагается къ ней ни это, ни то, ни отдѣльное, ни одно, ни таково, ни многое другое подобное. Вѣдь это бѣгучее относится ко всему и отлично отъ того, къ чему прилагается; а между тѣмъ, если бы возможно было говорить о самой стихіи и имѣть соотвѣтствующее ей выраженіе,—надлежало бы говорить безъ всего другаго. Но теперь изъ первыхъ стихій словомъ ничего означить нельзя, ибо сюда ничто не идетъ, кромѣ имени: стихія имѣетъ только В. имя, а вещи, сложенные изъ стихій, какъ сами переплетены, такъ и имена ихъ переплелись, и стали рѣчью; ибо сущность рѣчи есть сплетеніе именъ. Такимъ образомъ стихіи не умственны ² и не познаваемы, но чувствопостижимы; а слоги познаются, выражаются, и доступны истинному мнѣнію. Поэтому кто принимаетъ истинное мнѣніе о чемъ нибудь С. безъ ума, того душа относительно этого предмета держать, конечно, истину, однакожь не знаетъ его: ибо человѣкъ, не могущій ни дать, ни принять отчета въ извѣстномъ предметѣ,—не знатокъ того предмета; а кто присоединяетъ умъ, тотъ можетъ все это знать, и совершенно способенъ къ знанію. Такъ ли слышалъ ты это сновидѣніе, или иначе?

Теэт. Точно такъ.

Сокр. Что же? нравится ли тебѣ, и положишь ли такъ, что знаніе есть истинное мнѣніе съ умомъ?

Теэт. Очень охотно.

Сокр. Ужели же однако теперь, въ этотъ день, Теэтеть, D. приобрѣли мы то, чего многіе мудрецы давно уже искали, и, прежде чѣмъ нашли, состарѣлись?

Теэт. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Сократъ, что теперь сказанное сказано хорошо.

Сокр. Да походить, что такъ и есть; ибо что за знаніе было бы безъ ума и правильнаго мнѣнія? Впрочемъ въ томъ, что сказано, одно вѣчто мнѣ не нравится.

---

¹ Стихіи не умственны, ἀλογα, т. е. λόγον οὐκ ἔχοντα,—не принимаютъ никакого опредѣленія.

Теэт. Что именно?

Сокр. Кажется, слишкомъ отважно—говорить, будто стихи не познаваемы, а родъ слоговъ познаваемъ.

Теэт. А развѣ это неправильно?

Сокр. Да надобно узнать. Вѣдь на примѣры, которыми сказавшій все это пользовался, мы смотримъ, какъ на ручательство за положеніе.

Теэт. На какіе примѣры?

Сокр. На стихи и слоги грамоты. Развѣ говорившій то, что мы говоримъ, смотрѣль, думаешь, на иное, что такъ сказалъ?

Теэт. Нѣтъ, на это.

203. *Сокр.* Возьмемся же за нихъ снова и испытаемъ, а особенно испытаемъ самихъ себя, такъ, или не такъ понимаемъ мы грамоту. Ну-ка, сперва это: дѣйствительно ли слоги заключаютъ въ себѣ нѣчто умственное, а стихи не умственны?

Теэт. Можетъ быть.

Сокр. Конечно; и мнѣ представляется. Если бы, по крайней мѣрѣ, кто о первомъ слогѣ *Сократа* спросилъ такъ: Теэтеть! скажи, что такое *Со*,—какъ отвѣчалъ бы ты?

Теэт. Отвѣчалъ бы, что—*С, О*.

Сокр. И не указалъ ли бы въ этомъ умственную сторону слога?

Теэт. Указалъ бы.

В. *Сокр.* А ну-ка, скажи такъ и объ умственной сторонѣ *С*.

Теэт. Да какъ же спрашивать ¹ о стихіи стихіи? Вѣдь *С*-то, *Сократъ*, относится къ числу безгласныхъ; это—только шумъ свистящей гортани; а вотъ *в* опять—ни звукъ, ни шумъ, ни составъ изъ многихъ стихій. Поэтому весьма хорошо называть ихъ неумственными, и изъ нихъ семь,

¹ Платонъ дѣлилъ буквы на гласныя, согласныя и полугласныя. Первые называются φωνήεντα, согласныя—ἄφθογγα или ἄφωνα, а полугласныя ἡμίφωνα, μέσα, или φωνῆς μὲν οὐ, φθόγγου δὲ μετέχοντα (Cratyl. p. 424 C); φωνήεντα μὲν οὐ, οὐ μέντι γε ἄφθογγα (Phileb. p. 18 C). И такъ, въ этомъ мѣстѣ сигма есть ἄφωνον, но не ἄφθογγον.

самыя выразительныя, имѣють только звукъ, а умственно-сти—никакой.

Сокр. Стало быть, это-то, другъ мой, мы правильно постановили относительно знанія.

Тезт. Очевидно.

Сокр. Что же теперь? то-то правильно ли доказали мы, с. что стихія не познаваема, а слогъ познаваемъ?

Тезт. Вѣроятно.

Сокр. Постой-ка: слогомъ обѣ ли стихіи называемъ мы,—и всё, если такихъ стихій будетъ больше двухъ,—или одну какую-то идею, происшедшую изъ соединенія ихъ?

Тезт. Мнѣ кажется, всё вмѣстѣ.

Сокр. Смотри же на двѣ стихіи: *С* и *О*. Обѣ онѣ составляютъ первый слогъ моего имени. Правда ли, что кто знаетъ этотъ слогъ, тотъ знаетъ обѣ ихъ?

Тезт. Почему не такъ.

D.

Сокр. Слѣдовательно, онъ знаетъ *С* и *О*.

Тезт. Да.

Сокр. Что же? стало быть, не знаетъ ни той, ни другой, и, никоторой не зная, знаетъ обѣ?

Тезт. Но это странно и несообразно, Сократъ.

Сокр. Однакожь если ужъ необходимо знать ту и другую тому, кто будетъ знать обѣ, то намѣревающемуся узнать нѣкогда слогъ необходимо знать напередъ всё вмѣстѣ стихіи; и такимъ образомъ прекрасное наше положеніе убѣжить бѣгмя.

Тезт. И притомъ еще вдругъ.

E.

Сокр. Потому что мы не хорошо бережемъ его. Можетъ быть, слогомъ-то надобно почитать не стихіи, а составившійся изъ нихъ одинъ какой-то видъ, имѣющей одну собственную свою идею, отличную отъ стихій.

Тезт. Конечно; и это должно быть гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то.

Сокр. Надобно рассмотреть, и не выдавать такъ малодушно положенія великаго и важнаго.

Теэт. Да, не выдавать.

Сокр. Пусть же будетъ такъ, какъ теперь говоримъ. Слогъ 204. есть одна идея, составившаяся изъ отдѣльныхъ сгармонированныхъ между собою стихій;—пусть будетъ такъ и въ грамотѣ, и во всемъ иномъ.

Теэт. Конечно.

Сокр. Но та идея не должна имѣть частей.

Теэт. Почему же?

Сокр. Потому что въ чемъ были бы части, въ томъ цѣлое необходимо состояло бы изъ всѣхъ частей. Развѣ ты не говоришь, что и цѣлое, составившееся изъ частей, есть одинъ нѣкоторый видъ, отличный отъ всѣхъ ихъ?

Теэт. Говорю.

Сокр. А всѣмъ-то и цѣлымъ то же ли называешь ты, или в. отличное одно отъ другаго?

Теэт. Ясно я, конечно, не представляю этого; но такъ какъ ты велишь съ готовностію отвѣчать, то отважно говорю, что—отличное.

Сокр. Готовность-то, Теэтеть, правъ; а правъ ли и отвѣтъ,—посмотримъ.

Теэт. Да надобно-таки.

Сокр. И такъ цѣлое, какъ говоришь ты теперь, отлично отъ всего?

Теэт. Да.

Сокр. Что же будетъ? различаются ли между собою «всѣ части» и «все»? Когда, на примѣръ, мы говоримъ: одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, и опять: дважды три, или трижды с. ды два, или четыре и два, или три, два и одинъ,—всѣми этими числами то же ли высказываемъ, или отличное?

Теэт. То же.

Сокр. Иное ли что, чѣмъ шесть?

Теэт. Не иное.

Сокр. Поэтому каждымъ выраженіемъ высказываемъ всѣ шесть?

Теэт. Да.

Сокр. Съ другой стороны, высказывая всѣ части, мы ничего не говоримъ?

Теэт. Необходимо.

Сокр. То есть, ничего болѣе, какъ шесть?

Теэт. Ничего.

Сокр. Стало быть, въ томъ-то, чтò состоитъ изъ числа, D. словами: «все» и «всѣ части» называется то же?

Теэт. Видимо.

Сокр. Мы говоримъ объ этомъ именно такъ: число плетра и плетръ—то же. Не правда ли?

Теэт. Да.

Сокр. Такимъ же, конечно, образомъ и стадіи?

Теэт. Да.

Сокр. Даже число войска и войско, и все подобное?—потому что все число есть все существо каждаго числа.

Теэт. Да.

Сокр. А число отдѣльностей, вѣроятно, не иное что, какъ E. части?

Теэт. Не иное.

Сокр. Стало быть, все имѣющее части состоитъ изъ частей?

Теэт. Видимо.

Сокр. Но мы согласились, что всѣ-то части суть все, если и все число будетъ все.

Теэт. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно цѣлое не состоитъ изъ частей; потому что, будучи всѣми частями, оно было бы все.

Теэт. Видно, что не состоитъ.

Сокр. Но часть есть ли часть чего инаго, чтò есть, или цѣлаго?

Теэт. Часть всего-таки.

Сокр. Мужественно, право, борешься ты, Теэтеть. Все 205. же не тогда ли есть это самое «все», когда изъ него ничто не убыло?

Теэт. Необходимо.

Сокр. А цѣлое не то же ли будетъ, отъ чего ничто никакъ не отстываетъ? Когда же отъ чего что отступило,—не будетъ ни цѣлаго, ни всего, такъ какъ они—то же, и изъ того же вмѣстѣ происходятъ.

Теэт. Мнѣ кажется теперь, что все и цѣлое ничѣмъ не различаются.

Сокр. Развѣ не говорили мы, что въ чемъ есть части, въ томъ цѣлое и все будутъ всѣ части?

Теэт. Конечно.

Сокр. Такъ возвратимся къ тому, за что я сейчасъ взялся: если слогъ не есть стихіи, то не необходимо ли, чтобы В. онъ заключалъ въ себѣ стихіи не въ значеніи своихъ частей,—а иначе, будучи то же съ ними, онъ, подобно имъ, не будетъ познаваемъ?

Теэт. Такъ.

Сокр. Не для того ли, чтобы не было этого, и положили мы, что слогъ отличенъ отъ стихій?

Теэт. Да.

Сокр. Что же? если стихіи не суть части слога, то можешь ли указать на что иное, что служить-таки частями слога,—и однакожь это не стихіи его?

Теэт. Никакъ не могу. Вѣдь если бы, Сократъ, я допустилъ въ немъ частицы, то смѣшно было бы, оставивъ стихіи, обратиться къ инымъ стихіямъ.

С. *Сокр.* Въ самомъ дѣлѣ, Теэтеть; по смыслу настоящаго разсужденія выходитъ, что слогъ есть одна какая-то идея, не имѣющая частей.

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Помнишь ли, другъ мой, немного прежде мы признали за хорошее слово и согласились, что первое, изъ чего слагается прочее, не имѣетъ стороны умственной, такъ какъ отдѣльное само по себѣ не сложно, и что правильно нельзя приписать ему ни бытія, ни качества, такъ какъ эти слова отличны отъ него и чужды ему,—и эта-то причина дѣлаетъ его неумственнымъ и не познаваемымъ?

Теэт. Помню.

Сокр. И иная ли какая, кромѣ нея, причина тому, что то D. первое одновидно и не имѣеть частей? Вѣдь я не вижу иной.

Теэт. Да и не представляется.

Сокр. И такъ, слогъ-видѣ, если онъ не имѣеть частей и есть одна идея, не совпадаетъ ли въ одно съ тѣмъ первымъ?

Теэт. Совершенно.

Сокр. Стало быть, если слогъ есть много стихій и нѣчто цѣлое, котораго онѣ—части, то и стихіи и слоги, какъ скоро всѣ части оказались то же съ цѣлымъ, равно познаются и выражаются.

Теэт. И очень.

Сокр. А когда онъ—одно и не имѣеть частей, въ немъ E. видна равнымъ образомъ стихія неумственная и не познаваемая; потому что та же причина сдѣлаетъ ихъ такими.

Теэт. Иначе сказать не могу.

Сокр. Слѣдовательно мы не примемъ словъ того, кто говорилъ бы, что слогъ познается и выражается, а стихія—напротивъ.

Теэт. Не примемъ, если слѣдовать за ходомъ рѣчи.

Сокр. Что же опять? говорящаго противное не будешь 206. ли ты болѣе принимать, основываясь на своемъ сознаниі въ изученіи грамоты?

Теэт. На какомъ?

Сокр. Когда учился, ты ничего болѣе не дѣлалъ, какъ и зрѣніемъ и слухомъ старался различать стихіи, каждую саму по себѣ,—чтобы положеніе ихъ не сбивало тебя, ни въ письмѣ, ни въ рѣчи.

Теэт. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. У цитриста же совершенно научился, думаю, не иному чему, какъ умѣть слѣдовать за каждымъ звукомъ, отъ B. какой струны происходитъ онъ: а этихъ звуковъ не счелъ ли бы всякій стихіями музыки?

Теэт. Не инымъ чѣмъ.

Сокр. Стало быть, если отъ тѣхъ стихій и слоговъ, въ которыхъ мы сами опытны, должно заключать и къ инымъ, то родъ стихій, скажемъ, можетъ быть познаваемъ гораздо яснѣе и тверже, чѣмъ родъ слога, относительно совершеннаго изученія каждой науки. Поэтому кто сказалъ бы, что слогъ познаваемъ, а стихія по природѣ не познаваема, тотъ, подумали бы мы, волею-неволею шутить.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

- С. *Сокр.* Впрочемъ на это можно, мнѣ кажется, привести и другія доказательства; но предполагаемое не забудемъ направлять къ повѣркѣ того, какую силу имѣютъ повторяемыя иногда слова, что умственность, привходящая въ истинное мнѣніе, бываетъ совершеннѣйшимъ знаніемъ.

Тезт. Да, надобно смотрѣть.

Сокр. Давай же. Что означается у насъ умственностію? Мнѣ кажется, изъ трехъ значеній, она имѣетъ одно.

Тезт. Изъ которыхъ трехъ?

- Д. *Сокр.* Первое будетъ то, когда кто свою мысль выражаетъ голосомъ посредствомъ глаголовъ и именъ, изображая мнѣніе потокомъ устной рѣчи, какъ бы въ зеркалѣ или водѣ. Или тебѣ не кажется, что такая умственность (λόγος) бываетъ?

Тезт. Кажется. Вѣдь именно того, кто такъ дѣлаетъ, мы называемъ умствователемъ (λέγειν).

- Сокр.* И это-то скорѣе или медленнѣе можетъ дѣлать всякій,—можетъ давать понять, что кажется ему относительно каждаго предмета, кромѣ развѣ нѣмаго или глухаго отъ рожденія. А такимъ образомъ всѣ, имѣющіе о чемъ нибудь правильное мнѣніе, окажутся мнѣнцами это съ умомъ, и правильное мнѣніе нигдѣ не будетъ являться безъ знанія.

Тезт. Правда.

Сокр. Поэтому, не будемъ пока легкомысленно порицать человѣка, произнесшаго разсматриваемое теперь опредѣленіе знанія, будто онъ ничего не сказалъ. Вѣдь можетъ быть, говоря, онъ не это говорилъ, но, на вопросъ о чемъ либо

отдѣльномъ,—что такое оно,—далъ вопрошающему отвѣтъ 207. посредствомъ стихій.

Теэт. Какъ бы это, напримѣръ, Сократъ?

Сокр. Напримѣръ, и Исїодъ говорить ¹ о колесницѣ, что она построена изъ ста деревянныхъ частей. Этихъ частей я не могъ бы перечислить, да, полагаю, и ты тоже; однакожь, кто спросилъ бы насъ, что такое колесница, мы довольны были бы своимъ отвѣтомъ, если бы могли указать на колеса, на оси, на кузовъ, на парапеты, на ярмо.

Теэт. Конечно.

Сокр. А тотъ-то, можетъ быть, нашелъ бы насъ смѣшными, что отвѣчаемъ посложно, какъ если бы отвѣчали на вопросъ о твоёмъ имени, хотя мы думаемъ и говоримъ, В. что говоримъ, правильно, и почитаемъ себя грамотными, умѣя грамотно произносить слово, служащее Теэтету именемъ. Между тѣмъ ни о чемъ нельзя говорить съ знаніемъ, пока не будетъ ограниченъ предметъ посредствомъ стихій, при истинномъ мнѣніи, о чемъ уже сказано было и прежде.

Теэт. Да, сказано.

Сокр. Такъ-то и о колесницѣ мы имѣемъ, конечно, правильное мнѣніе; но кто можетъ разложить ея сущность на с. тѣ сто частей, тотъ; взявъ это и къ истинному мнѣнію присоединивъ умственность, вмѣсто искусственнаго мнителя, по опредѣленіи цѣлаго стихіями, становится знатокомъ относительно сущности колесницы.

Теэт. И это, тебѣ кажется, хорошо, Сократъ?

Сокр. Если кажется тебѣ, другъ мой, и если умственность принимаешь ты, какъ путь стихіи отдѣльнаго предмета; а о неумственности въ слогахъ или еще въ бѣльшихъ сочетаніяхъ скажи мнѣ, чтобы намъ разсмотрѣть это. D.

Теэт. Но я вполнѣ принимаю.

Сокр. Почитаешь ли ты знатокомъ кого бы то ни было,

¹ Hesiodi Opp. et Dies v. 454: Νήπιος, οὐδὲ τὸ γ' οἶδ', ἕκατον δέ τε δοῦραβ' ἀμάξης.

когда ему кажется, что то же относится иногда къ тому же, иногда къ другому,—или, когда тому же, по его мнѣнію, принадлежитъ иногда одно, иногда другое?

Теэт. Нѣтъ, не почитаю, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ ты не помнишь, что, при начальномъ изученіи грамоты, дѣлали то же и ты и другіе?

Теэт. Не на то ли указываешь ты, что стихіею того же Е. слога мы почитали иногда одну, иногда другую букву, и ту же стихію полагали относящеюся иногда къ одному, иногда къ другому слогу?

Сокр. На это самое.

Теэт. Клянусь Зевсомъ, не помню, да и не думаю, что такіе знаютъ.

Сокр. Такъ что же? когда въ то время пишетъ кто нибудь $\Theta\epsilon\alpha\iota\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ и, полагая, что надобно писать Θ и E , такъ и 208. будетъ писать, а намѣреваясь написать $\Theta\epsilon\acute{o}\delta\omega\rho\omicron\varsigma$, думаетъ, что надобно писать T и E , да такъ и напишетъ,—скажемъ ли, что онъ знаетъ первый слогъ вашихъ именъ?

Теэт. Но мы сейчасъ согласились, что такой еще не знаетъ.

Сокр. А препятствуетъ ли ему чò быть такимъ относительно и втораго, и третьяго, и четвертаго слога?

Теэт. Ничто не препятствуетъ.

Сокр. Не тогда ли будетъ писать онъ имя $\Theta\epsilon\alpha\iota\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ съ правильнымъ мнѣніемъ, соотвѣтственно употребленію стихіи, когда будетъ писать по порядку?

Теэт. Это-то явно.

В. *Сокр.* Значить, еще не имѣя познанія, а имѣя, какъ говоримъ, правильное мнѣніе?

Теэт. Да.

Сокр. Съ правильнымъ мнѣніемъ показывая тоже и умственность; потому что писалъ, держась пути стихіи, а это признали мы умственностію?

Теэт. Правда.

Сокр. Стало быть, есть, другъ мой, правильное мнѣніе

съ умственностію, котораго еще не слѣдуетъ называть знаніемъ.

Тезт. Должно быть.

Сокр. Такъ мы были богаты, какъ видно, во снѣ, когда думали, что имѣемъ самое вѣрное понятіе о знаніи. Или не будемъ еще обвинять себя. Можетъ быть, иной не такъ опредѣлитъ его, но изъ трехъ видовъ возьметъ остальной, изъ которыхъ одинъ какой-то, говорили, бралъ онъ въ раз- С. счетъ, опредѣляя знаніе, какъ правильное мнѣніе съ умомъ.

Тезт. Ты правильно вспомнилъ; въ самомъ дѣлѣ остается еще одно. Первое было какъ бы изображеніемъ мысли въ голосъ; второе, высказанное сейчасъ,—путемъ стихіи къ цѣлому; а подъ третьимъ что разумѣешь ты?

Сокр. Что будутъ разумѣть и многіе: то есть, показаніе какого нибудь признака, которымъ отличается отъ всего то, о чемъ спрашивается.

Тезт. Какимъ и отъ чего взятымъ объяснишь ты мнѣ это примѣромъ?

Сокр. Для примѣра, если хочешь, я нахожу достаточнымъ D. указать тебѣ на солнце, именно съ той стороны, что оно есть самое свѣтозарное изъ небесныхъ тѣлъ, движущихся вокругъ земли.

Тезт. Конечно.

Сокр. Возьми-ка ¹, для чего это сказано. Бываетъ, какъ мы сейчасъ говорили, что, какъ скоро берешь ты разницу отдѣльнаго предмета, которою отличается онъ отъ другихъ предметовъ, ты возьмешься, какъ нѣкоторые говорятъ, за умъ (λόγος); а пока касаешься чего нибудь общаго,—у тебя будетъ умъ относительно того, что представляется тебѣ въ общности.

¹ Сократъ заключаетъ свое разсужденіе такъ: λόγος есть опредѣленіе, которымъ описываются частныя качества известной вещи и показывается, чѣмъ она отличается отъ другихъ подобныхъ вещей. Напротивъ, δόξα никогда не имѣетъ въ виду чего либо частнаго, но всегда направляется къ общему.

Е. *Теэт.* Понимаю; и, мнѣ кажется, ты хорошо называешь это умомъ.

Сокр. И такъ, кто къ правильному мнѣнію о какойнибудь вещи присоединяетъ разницу ея отъ прочихъ вещей, тотъ будетъ знатокомъ ея, тогда какъ прежде былъ ея мнителемъ.

Теэт. Говоримъ-то, конечно, такъ.

Сокр. Но теперь, Теэтеть, приблизившись къ этому положенію, я точно будто сталъ подлѣ перспективной картины,—ровно ничего не замѣчаю: а пока оно находилось вдали, по видимому, говорило мнѣ что-то.

Теэт. Это что еще?

209. *Сокр.* Я скажу, если буду въ состояніи. Имѣя о тебѣ правильное мнѣніе, да если присоединю твой умъ,—я дѣйствительно знаю тебя; а когда нѣтъ,—вожусь однимъ мнѣніемъ.

Теэт. Да.

Сокр. Но умъ-то былъ истолкованіемъ твоего отличія.

Теэт. Такъ.

Сокр. Посему, водясь только мнѣніемъ, не правда ли, я не касался своею мыслию ни одного изъ признаковъ, которыми ты отличаешься отъ другихъ?

Теэт. По видимому, нѣтъ.

Сокр. Стало быть, я мыслилъ что-то общее, что принадлежитъ не больше тебѣ, какъ и другимъ.

В. *Теэт.* Необходимо.

Сокр. Объясни же, ради Зевса: какъ это въ такомъ случаѣ я мнилъ больше тебя, чѣмъ другаго когонибудь? Положимъ, въ самомъ дѣлѣ, я размышлялъ бы: это Теэтеть; онъ—человѣкъ, у него есть носъ, глаза, ротъ,—и такимъ образомъ пересчиталъ бы по-одиночкѣ всѣ твои члены. Такое размышленіе заставило ли бы меня представлять больше Теэтета, чѣмъ Θεодора, или, по пословицѣ, послѣдняго изъ мизійцевъ ¹?

¹ Последній изъ мизійцевъ, Μισοῦ Ἰζυατος,—пословица, прилагаемая къ человѣку самому ничтожному. Cicero. pro Flacco, 27: quid in graeco ser-

Тезт. Какъ можно!

Сокр. А если я буду мыслить о человѣкѣ, что у него не просто есть носъ и глаза, но что носъ его тупъ, а С. глаза выкатившіеся, то мое мнѣніе будетъ ли больше о тебѣ, чѣмъ обо мнѣ, или о другихъ такихъ же?

Тезт. Нѣтъ.

Сокр. И не прежде, думаю, устоится въ моемъ мнѣніи Теэтеть, какъ тогда, когда эта тупость отпечатлѣется въ моей памяти признакомъ, отличающимъ ее отъ другихъ тупостей, которыя видалъ я, равно какъ и прочія, принадлежащія тебѣ черты; такъ, чтобы она, если я встрѣчусь съ тобою завтра, напомнила мнѣ о тебѣ и заставила относительно тебя составить правильное мнѣніе.

Тезт. Весьма справедливо.

Сокр. Стало быть, правильное мнѣніе о каждомъ предметѣ вращается около различія. D.

Тезт. Очевидно.

Сокр. И такъ, прилагать умъ къ правильному мнѣнію—что еще будетъ? Вѣдь если бы приказывали имѣть мнѣніе о томъ, чѣмъ отличается нѣчто отъ другаго, то это приказаніе было бы смѣшно.

Тезт. Почему?

Сокр. Потому что оно предписывало бы намъ имѣть правильное мнѣніе о предметахъ, какъ различаются они отъ другихъ предметовъ, тогда какъ мы получили уже правильное о нихъ мнѣніе, если находимъ, въ чемъ состоитъ ихъ различіе отъ другихъ. А отсюда вышло бы поворачиваніе скиталы, либо песта,—вышла бы, по пословицѣ, просто болтовня; и о такомъ приказаніи нельзя было бы ничего E. сказать, а можно бы справедливѣе назвать его приказаніемъ слѣпаго. Вѣдь приказывать взять то, что уже держимъ,

для изученія того, о чемъ уже имѣемъ мнѣніе, по истинѣ, свойственно человѣку темному.

Тезт. Скажи же, о чемъ хотѣлъ ты говорить, предложивъ мнѣ сейчасъ свой вопросъ?

Сокр. Если приложеніемъ ума, дитя, предписывается знаніе, а не мнѣніе о различіи, то это пріятное дѣло будетъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ положеній о знаніи. Потому что знать, вѣроятно, есть получить знаніе. Не такъ ли?

210. *Тезт.* Да.

Сокр. И такъ, на вопросъ, чтò есть знаніе, это положеніе, какъ видно, будетъ отвѣчать: правильное мнѣніе, съ знаніемъ отличія; ибо, по силѣ его, въ томъ-то и должно состоять принятіе ума.

Тезт. Вѣроятно.

Сокр. А вѣдь вполне глупо, ища знанія, называть его правильнымъ мнѣніемъ, съ знаніемъ или различія, или чего бы то ни было. Стало быть, знаніе, Тезтетъ, не есть ни в. чувство, ни истинное мнѣніе, ни умъ, соединенный съ истиннымъ мнѣніемъ.

Тезт. Вѣроятно, не есть.

Сокр. Такъ ужели мы еще бременѣемъ чѣмъ нибудь и терпимъ, относительно знанія, родильныя боли, другъ мой,—или все выродили?

Тезт. Но, клянусь Зевсомъ, благодаря тебѣ, я сказалъ больше, чѣмъ сколько во мнѣ имѣлось.

Сокр. И повивальное наше искусство не признало ли все это за фальшивое порожденіе, не стоющее воспитанія?

Тезт. Совершенно такъ.

Сокр. И такъ, если послѣ этого ты возьмешься, Тезтетъ, с. обременѣть чѣмъ нибудь инымъ и будешь раждать, то, благодаря нынѣшнему изслѣдованію, окажешься полнымъ плодовъ лучшихъ; а когда останешься празденъ, то будешь менѣе тяжелъ для тѣхъ, съ которыми обращаешься, и сдѣлаешься благоразумно кроткимъ, не думая, что знаешь то, чего не знаешь. Вотъ это только и есть, чтò можетъ мое

искусство,—больше ничего; и ничто мнѣ не извѣстно изъ того, что извѣстно нынѣшнимъ и прежде бывшимъ великимъ и дивнымъ мужамъ. Это бабничанье какъ я, такъ и мать моя получили отъ боговъ,—она въ пользу женщинъ, а я—въ пользу юношей, людей благородныхъ и всѣхъ красавцевъ. D. Но теперь пора мнѣ идти въ портикъ царя, по случаю доноса, который сдѣлалъ на меня Мелить. Завтра поутру, Феодоръ, я опять приду сюда.

